

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 16 № 1

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 16 # 1

Москва

2019

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
 д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
 д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Боговяленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
 д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
 д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
 д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль, РФ)
 д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пед. н. Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Нечаев Н. Н. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рубцов В. В. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
 д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
 д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
 д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
 Ph. D. Бернард Р. М. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия)
 д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
 д. пс. н. Журавлев А. Л. (ИП РАН, Москва, РФ)

Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)
 д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
 д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
 д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
 Ph. D. Секейра Э. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
 Dr. Стошич Л. (Висока школа академских студија "Доситеј", Белград, Сербия)
 д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
 д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
 д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Алексеева Д. С.

Редактор английской части – Панасенко Е. С.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Компьютерная верстка – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114
 E-mail: editor@rpi.ru.com

Адрес издательства:

129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
 Тел./ факс (495) 283-55-30
 E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
 E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Перепечатка материалов возможна
 только по согласованию с Редакцией.

ISSN 1812–1853. Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»

Подписной индекс 46723

© Российское психологическое общество, 2019

© ООО "КРЕДО", 2019

Веб-сайт: rpi.ru.com

Russian Psychological Journal**Founder** – Russian Psychological Society**Editor in Chief** – Ju. P. Zinchenko (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)**Deputy Editor in Chief** – P. N. Ermakov (SFU, Rostov-on-Don, Russia)**Editorial Council**

I. V. Abakumova (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	A. V. Karpov (YSU, Yaroslavl, Russia)
G. V. Akopov (SSUSSE, Samara, Russia)	V. A. Labunskaya (SFU, Rostov-on-Don, Russia)
A. G. Asmolov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	N. N. Malopheyev (ICP RAE, Moscow, Russia)
V. V. Babenko (SFU, Rostov-on-Don, Russia)	N. N. Nechaev (MSUPE, Moscow, Russia)
M. M. Bezrukikh (IDP RAE, Moscow, Russia)	A. A. Rean (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
D. B. Bogoyavlenskaya (PI RAE, Moscow, Russia)	V. V. Rubtsov (MSUPE, Moscow, Russia)
A. I. Dontsov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	V. Ju. Ribnikov (RCERM, St. Petersburg, Russia)
P. E. Grigoriev (SEVSU, Sevastopol, Russia)	M. L. Skuratovskaya (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
N. B. Karabushchenko (RUDN University, Moscow, Russia)	A. Sh. Tkhostov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)
A. G. Karayani (Military University, Moscow, Russia)	O. D. Fedotova (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
	A. M. Chernorizov (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Editorial Board

Yu. I. Alexandrov (HSE, Moscow, Russia)	A. A. Kronik (Institute of Causometry, Washington D.C., USA)
V. P. Belianin (University of Toronto, Toronto, Canada)	I.V. Manzhelei (TSU, Tyumen, Russia)
A. S. Berberian (RAU, Yerevan, Armenia)	A.R. Masalimova (Kazan University, Kazan, Russia)
S. A. Bogomaz (TSU, Tomsk, Russia)	V. D. Povzun (SurSU, Surgut, Russia)
R. M. Bernard (Concordia University, Montreal, Canada)	H. Sequeira (Lille 1 University, Lille, France)
E. Borokhovski (Concordia University, Montreal, Canada)	E. R. Khairullina (KNRTU, Kazan, Russia)
B. M. Velichkovsky (TU, Dresden, Germany)	V. Yu. Khotinets (UdSU, Izhevsk, Russia)
E. V. Vorobyeva (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	L. Stosic (College "Dositej", Belgrad, Serbia)
V. I. Dolgova (SUSHPU, Chelyabinsk, Russia)	L. A. Tsvetkova (SPSU, St. Petersburg, Russia)
A. L. Zhuravlev (IP RAS, Moscow, Russia)	A. R. Shaidullina (ASOI, Almet'yevsk, Russia)

Executive Editor	– D. S. Alekseeva
English Editor	– E. S. Panasenko
Managing Editor	– M. V. Bunyaeva
Page settings	– E. A. Pronenko

Editorial office:

of. 114, b. 140, Pushkinskaya
Str., Rostov-on-Don, Russian
Federation, 344006
E-mail: editor@rpi.ru.com

Publisher address:

b. 13, Yaroslavskaia Str.,
Moscow, Russian Federation,
129366
Tel./fax (495) 283–55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Founder address:

b. 11/9, Mokhovaya Str.,
Moscow, Russian Federation,
125009
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

ISSN 1812–1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»
Subscription code 46723

© Russian Psychological Society, 2019

© ООО "CREDO", 2019

Website: rpi.ru.com

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Берберян А. С. 8

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лебедев Д. А., Черноситов А. В., Боташева Т. Л., Степанова Т. А.

Нейроэнергетические корреляты психоэмоциональных феноменов (проявлений) климактерического синдрома 14

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Проненко Е. А., Буняева М. В.

Особенности смысловых процессов и явлений в командном взаимодействии 32

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Абакумова И. В., Годунов М. В., Пеньков Д. В.

Стратегии смыслообразования: переход от дуальности к триалектике 52

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Кедярова Е. А., Уварова М. Ю., Чернецкая Н. И., Шумовская О. А.

Особенности ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров 77

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Ермаков П. Н., Денисова Е. Г.

Психофизиологические корреляты решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации 103

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лучинкина А. И., Лучинкина И. С.

Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения 128

Сиврикова Н. В., Постникова М. И., Солдатова Е. Л., Пташко Т. Г.,

Черникова Е. Г., Шевченко А. А.

Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России 144

Шамионов Р. М.

Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход 166

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

**Тагильцева Ю. Р., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Руденкин Д. В.,
Бабикова М. Р., Никифорова Д. М.**

Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества
как угроза социализации современной молодежи 189

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 219

CONTENTS

REVIEWS AND OVERVIEWS

Berberyana A. S. 8

MEDICAL PSYCHOLOGY

Lebedev D. A., Chernositov A. V., Botasheva T. L., Stepanova T. A.

Neuro-Energetic Correlates of Mental and Emotional Phenomena (Manifestations) of the Climacteric Syndrome 14

GENERAL PSYCHOLOGY

Pronenko E. A., Bunyaeva M. V.

Characteristics of Meaning Processes and Phenomena in Team Interaction 32

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Abakumova I. V., Godunov M. V., Penkov D. V.

Meaning-Building Strategies: Transition From Duality to Triadectics 52

LABOR PSYCHOLOGY

Kedyarova E. A., Uvarova M. Yu., Chernetskaya N. I., Shumovskaya O. A.

Characteristics of Personal Value Motivational Sphere in Psychologists and Psychiatrists 77

PSYCHOPHYSIOLOGY

Ermakov P. N., Denisova E. G.

Psychophysiological correlates of the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings 103

SOCIAL PSYCHOLOGY

Luchinkina A. I., Luchinkina I. S.

Characteristics of Communicative Behavior on the Internet Among Adolescents with Different Suicidal Behaviors 128

Sivrikova N. V., Postnikova M. I., Soldatova E. L., Ptashko T. G.,

Chernikova E. G., Shevchenko A. A.

A Comparative Analysis of Hardiness Among Different Generations in Contemporary Russia 144

Shamionov R. M.

Social Activity of Youth: A Systematic Diachronic Approach 166

JURIDICAL PSYCHOLOGY

**Tagiltseva Yu. R., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Rudenkin D. V.,
Babikova M. R., Nikiforova D. M.**

Internet Mechanisms of Involvement in Extremist Communities as a Threat
to Socialization of Contemporary Youth 189

PAPER SUBMISSION GUIDELINES 220

Рецензия

на монографию В. А. Мазилова «Методология психологической науки: История и современность» (В. А. Мазилев «Методология психологической науки: История и современность». Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. 419 с.)

В конце 2017 года вышла из печати книга «Методология психологической науки: История и современность» (Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. 419 с. Рецензенты: член-корреспондент РАО Г. В. Залевский, доктор психологических наук, профессор В. А. Янчук). Поскольку работ по методологии в последнее время выходит не так уж мало, событие это, по всей вероятности, не привлекло бы к себе значительного внимания: появилось еще одно издание по проблемам методологии. Правда, оценка несколько меняется, если учесть очень точное замечание академика РАО В. Д. Шадрикова из предисловия к упомянутой книге, согласно которому необходимо «различать методологию психологии как учебный предмет... и методологические исследования и разработки, в которых методология получает дальнейшее развитие. Данная монография, безусловно, относится к классу методологических исследований, немногочисленных в отечественной психологии, но тем более значимых» [1, с. 4]. И если прислушаться к этому мнению, то можно изменить оценку: для методологии это событие значимое.

Итак, вышла новая монография российского психолога, методолога психологии, специалиста в области методологии, истории и философии психологии, общей психологии, заведующего кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета, доктора психологических наук, профессора, действительного члена Международной Академии Психологических Наук Мазилова Владимира Александровича. Автор известен своими многочисленными публикациями по известной концепции коммуникативной методологии психологической науки (2001), направленной на установление взаимопонимания между различными психологическими школами и направлениями. Им предложена методология и технология интеграции психологического знания (2004), он является автором направления «поэтической психологии» (2004), активно занимается разработкой общей (интегративной) теории методологии (2007, 2008). В. А. Мазилев имеет более 500 публикаций, в том числе десять монографий и дюжину учебников и учебных пособий, которые имели широкий отклик в профессиональном сообществе и стимулировали развитие идей в научных работах: диссертациях, научных статьях, монографиях; его научные идеи были отражены в многочисленных дискуссиях на научных семинарах, на страницах психологических журналов. Более того, обсуждению его идей была посвящена специальная книга, что, согласимся, бывает нечасто [2].

Поэтому выход данной монографии можно полагать важным событием: значимость ее – в содействии возможным изменениям установок психологов относительно актуальных фундаментальных проблем истории и теории психологии, т. к. многие методологические проблемы психологии порождены неопределенностью самой главной – понимания предмета психологии, если перефразировать классика, в особенности новейшей психологии.

Исследования автора, как он неоднократно подчеркивает, продолжают традиции отечественной психологии в разработке методологии на исторической основе, заложенные Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановским, Л. С. Выготским и С. Л. Рубинштейном, впоследствии продолженные в методологических работах известных ученых (К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломова, А. Н. Леонтьева, А. В. Петровского, М. С. Роговина, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, А. А. Смирнова, Д. И. Фельдштейна, М. Г. Ярошевского и др.).

Заслуживает внимания следующее.

Рецензируемая книга подводит итог двадцатилетним размышлениям автора по поводу методологии психологической науки. Программа методологических изысканий была намечена автором еще в 1997 году [3], сегодня основные задачи этой программы решены, могут быть подведены предварительные итоги.

Методологические исследования автора направлены, в первую очередь, на осмысление исторического пути психологии и, главное, – на выяснение ее ближайших перспектив. Хотелось бы подчеркнуть – размышления автора важны не сами по себе, но мотивированы переживаниями за судьбу психологической науки. Подкупает авторская убежденность, что психология – фундаментальная наука, нынешние трудности в ее развитии временны, а будущее ее светло и прекрасно: тогда сбудутся предсказания и прогнозы мыслителей и больших психологов о предстоящей «психозойской эре», «веке психологии», а сама эта наука о «возвышенном и удивительном» (Аристотель) займет достойное место в структуре научного знания.

Автор подчеркивает, что, обсуждая методологические вопросы, мы должны иметь в виду, в первую очередь, не утилитарное использование методологического знания – это очевидно и тривиально – а речь должна идти о сверхзадаче, миссии методологии и ее роли в сегодняшней системе психологического знания. Психология как наука, как считает автор, чрезвычайно далека от финальности, от завершенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на Вашу долю не осталось больших дел – только мелкие доработки» [4, с. 9]. Рассуждения В. А. Мазилова о незавершенности психологии как науки, о том, что «процесс развития идет полным ходом» [4, с. 408], и никто не может поручиться, что психология через

пару-тройку десятков лет не изменится кардинальным образом, вполне убедительны. Автор, на основе учета перманентного характера кризиса в психологической науке, длящегося уже в течение целых полутора столетий, не исключает возможность того, что путь психологии оказался не самым удачным. На основе собственного видения того, что методология на исторической основе может подсказать, где были точки выбора, в чем именно состоял методологический выбор (если придется менять курс, то желательно делать это не вслепую), автору представляется удивительным, сколько неявных методологических предписаний сохраняется в психологии сегодняшнего дня с давних времен. Направленная их экспликация без методологии тоже весьма затруднена. Позиция В. А. Мазилова состоит в том, что научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Исходя из сложности предмета, ставится задача поиска адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления, т. к. пока психология, по мысли автора, лишь подражала естественным и герменевтическим наукам. Перспективность изучения методологии психологии – в обнаружении и верификации новых средств исследования. Нить рассуждений приводит автора к осознанию уникальности предмета и поиска своего пути. Отсюда специальные требования к современной методологии.

Автор обосновывает разработку методологии “снизу”, в которой методологические положения должны исходить от психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки. Следующее положение связано с традициями, заложенными в работах Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановского, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, М. Г. Ярошевского, продолжающимися в отечественной науке современными авторами. Еще одно из важных, ключевых позиций, сформулированных автором, в отношении методологии – нацеленность на интеграцию [4, с. 9–10].

Интеграция – чрезвычайно важное понятие в методологии автора. В. А. Мазилов предупреждает, что речь вовсе не идет о разработке единой супертеории, которая бы все объяснила. Об этом говорил в свое время К. Юнг – время обобщающих универсальных теорий еще не пришло. Да и за прошедшие десятилетия ситуация мало изменилась. Автор не предлагает выстроить единую методологию – возможно много различных методологических подходов: речь идет лишь о том, чтобы определить, как они будут сосуществовать. Автор предлагает идею установления отношений между подходами, некоторого взаимопонимания между ними. По его глубокому убеждению, главное, чего не хватает нашей психологии, – это воли к взаимопониманию и собственно взаимопонимания.

Несоизмеримость теорий применительно к психологии не доказана. В рецензируемой книге отстаивается мысль, что возможен – и он

предлагается – методологический аппарат, позволяющий «соотнести различные концепции и подходы».

Во-первых, автор отвергает декларативный характер подхода к интеграции. Сознательные устремления психологов к интеграции важны, что, безусловно, позитивно, но без наличия соответствующих механизмов обеспечить интеграцию просто не в силах.

Во-вторых, обращается внимание на то, что интеграция как объединение (и сообщества, и научного знания) представляет собой ценность, но это весьма далекая (если вообще достижимая) перспектива.

В-третьих, на этом пути масса трудностей, как объективных, так и субъективных. И их необходимо преодолеть.

Вместе с тем в психологии накоплен колоссальный массив информации, «богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня» [4, с. 10].

Не станем пересказывать содержание всей монографии и отдельно каждой из глав: дробление и мозаичное представление фрагментов может привести к потере цельности, единой картины современной методологии психологии. Для обеспечения единообразия и достоверности исходных данных, которые автор переосмысливает как в теоретическом плане, так и при интерпретации на уровне конкретных научных теорий, попытаемся дать общие соображения и размышления по поводу выдвинутых автором положений.

Определение методологии и методов исследования – это основной исходный элемент любой научной работы. Л. С. Выготский обозначил стратегию в изучении методологии: «нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» [5, с. 419]. Однако сам Л. С. Выготский разработать концепцию методологии не успел. В. А. Мазиллов в отношении методологии придерживается и следует определенному подходу: методология должна представлять собой набор, совокупность определенных положений (в том числе и существенно различных), приложимых в различных случаях и по различным поводам.

Логика изложения строго подчиняется логике осмысления основных методологических положений. Вначале автор обсуждает проблему мотивации изучения методологии. Он не ставит перед собой цель осветить традиционные задачи, которые должна решать любая версия методологии психологии. Он опирается на подход, представляющий методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [6, с. 359].

Подчеркнем одну принципиальную для книги мысль: все рассуждения приводят к одному выводу – психология не похожа на другие науки, поэтому у нее свой путь. Анализ любой методологической проблемы проводит

к проблеме предмета. По мере чтения книги становится ясно, что центральный пункт методологии сегодня – это анализ предмета. В конце книги автор обращается к этой проблеме и показывает всю ее масштабность.

Как утверждает автор, «в этом случае психология впервые обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтейем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей» [4, с. 409].

Примером реализации нового подхода к предмету, по мысли автора, является изложение содержания основ общей психологии, предпринятое В. Д. Шадриковым и В. А. Мазиловым [7].

Автор обращается к характеристике внутреннего мира человека, наиболее показательной в объяснении многих «проблем, которые решает психология» [4, с. 409].

Необходимо отметить, что данная монография не только решает определенные задачи, но и ставит новые. В частности, автор утверждает, что настала пора рассматривать методологические вопросы системно, необходимо построение методологии как целостной теории. По мысли автора, это поможет перевести обсуждение методологических проблем на новый уровень...

Подводя итоги, отметим, что В. А. Мазилу удалось в полной мере реализовать поставленную цель и выдвинутые задачи: наметить и содержательно, и структурно единство и цельность уникальной методологической картины психологии. Ценность данной книги, своего рода рефлексии истории психологического познания, на наш взгляд, состоит, в первую очередь, в том, что предлагается новая трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии. Идея совокупного предмета позволяет по-новому решить методологические проблемы.

Такой подход позволяет четко обозначить не только собственную позицию, но показать весь спектр альтернативных мнений и положений с различных позиций: в работе рассмотрены основные проблемы когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии; специальному анализу подвергнуто соотношение психологии и философии, рассматриваемое в актуальном сосуществовании психологии академической и практической. Во-вторых, анализ всего процесса формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрение истории становления методов научной психологии, на наш взгляд, позволяют выявить специфику конкретных методологических проблем и рассмотреть их через призму предлагаемой автором интегративной методологии – это касается, прежде всего, раскрытия противоречивости и альтернативности процесса психологического

познания, что делает книгу ценным методическим пособием для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих общую психологию в университете, практических психологов, и для всех, интересующихся научной психологией.

В монографии тщательно анализируется концептуальный статус различных методов, их место в структуре психологической науки. Работа написана прекрасным научным языком, отличающимся по стилю глубокой содержательностью, логической последовательностью в изложении, упорядоченностью связи между частями высказываний, стремлением автора к точности, лаконичности, однозначности при сохранении насыщенности и емкости содержания, и одновременно образностью, метафоричностью. Полагаем, что рецензируемая монография продолжает лучшие традиции Ярославской научной психологической школы и будет воспринята с должной высокой оценкой не только психологами, но и специалистами смежных профессий.

Монография В. А. Мазилова «Методология психологической науки: История и современность» вносит весомый вклад в развитие психологической науки на современном этапе.

Литература

1. *Шадриков В. Д.* Предисловие // Мазиллов В. А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. С. 4–6.
2. Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В. А. Мазилова. Электрон. текстовые дан. Ижевск: ERGO, 2016.
3. *Mazilov V. A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow–Jaroslavl: International Academy of Psychology, 1997. P. 126–134.
4. *Мазиллов В. А.* Методология психологической науки: История и современность. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. 419 с.
5. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
6. *Спиркин А. Г., Юдин Э. Г., Ярошевский М. Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 359.
7. *Шадриков В. Д., Мазиллов В. А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

Берберян Ася Суреновна,

действительный член Международной Академии Психологических Наук, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии, заслуженный профессор Российско-Армянского университета

Нейроэнергетические корреляты психоэмоциональных феноменов (проявлений) климактерического синдрома

Дмитрий А. Лебедев^{1*}, Александр В. Черноситов^{1,2}, Татьяна Л. Боташева²,
Татьяна А. Степанова¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: hunterld@ya.ru

Аннотация

Введение. Раскрытие психонейрофизиологических коррелятов у женщин в перименопаузальном периоде имеет большое теоретическое и практическое значение для идентификации общих и специфических гендерных закономерностей старения. Особый интерес представляет наиболее тяжелое проявление менопаузы – климактерический синдром с явлениями психологической дезадаптации, нейрофизиологический субстрат которого требует особо пристального изучения. Новизна заключается в выявлении ранее неизвестных нейроэнергетических корреляторов психоэмоциональных особенностей климактерического синдрома.

Методы. Исследование проведено на менопаузальных женщинах с признаками климактерического синдрома и без таковых, а также женщинах репродуктивного возраста с нормальным менструальным циклом в качестве контроля. Методом анкетирования определяли индивидуальные личностные особенности женщин, которые после усреднения по группам сопоставляли с уровнем постоянного потенциала (УПП) лобной, центральной, затылочной, правой и левой височных областей коры, регистрацию которого проводили с помощью аппаратно-программного комплекса «Нейроэнергокартограф НЭК-5». Анализ УПП осуществляли посредством специальной встроенной в аппаратный комплекс математической программы, позволяющей выделять локальные и усредненные УПП, градиенты УПП между монополярными значениями, и картировать полученные данные на экране компьютера.

Результаты. Результаты исследования позволили выявить положительную корреляционную связь экспрессии таких психоэмоциональных проявлений, как реактивная тревожность и немотивированная агрессивность с повышенным уровнем постоянного потенциала в затылочных и височных зонах коры у женщин с климактерическим синдромом.

Обсуждение результатов. Впервые использование в исследовании женского климактерия регистрации и нейроэнергокартирования уровня постоянных потенциалов в разных областях коры мозга в сопоставлении корреляции с психоэмоциональными особенностями позволило идентифицировать интенсивность и топiku

энергетического обмена в мозге, являющегося интегральным нейрофизиологическим субстратом психоэмоциональных проявлений климактерического синдрома. Впервые использование при изучении женского климакса метода регистрации уровня постоянных потенциалов мозга позволило соотнести интенсивность и топикку энергообмена разных зон коры с характерными для климактерического синдрома психоэмоциональными особенностями.

Ключевые слова

перименопауза, менопауза, климактерический синдром, психоэмоциональный статус, декстральная поведенческая асимметрия, постоянный потенциал, энергетический обмен мозга, личностная тревожность, нейроэнергокартирование коры мозга, энергетическая асимметрия полушарий

Основные положения

- ▶ климактерический синдром характеризуется биполушарной симметрией высоких значений постоянного потенциала височных зон коры, свидетельствующих о повышенном уровне энергетических процессов в этих областях мозга;
- ▶ высокий уровень постоянного потенциала в правой височной области у женщин с признаками климактерического синдрома положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как агрессивность и экстравертированность, а высокий уровень постоянного потенциала левой височной области – с нервно-психическим напряжением и с агрессивностью;
- ▶ симметричные высокие значения постоянного потенциала височных зон коры у женщин с климактерическим синдромом с такими их личностными особенностями, как агрессивность, экстравертированность, нервно-психическое напряжение и агрессивность, положительно и достоверно коррелируют;
- ▶ у менопаузальных женщин без признаков климактерического синдрома биполушарная симметрия определяется низкими значениями постоянного потенциала височных зон коры, свидетельствующими об относительно невысокой интенсивности энергетических процессов; уровень постоянного потенциала правой височной области находится в положительной корреляционной связи с такой личностной особенностью, как интроверсия, а уровень постоянного потенциала левой и правой височных областей положительно коррелирует с нервно-психическим напряжением.

Для цитирования

Лебедев Д. А., Черноситов А. В., Боташева Т. Л., Степанова Т. А. Нейроэнергетические корреляты психоэмоциональных феноменов (проявлений) климактерического синдрома // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 14–31. DOI: 10.21702/rj.2019.1.1

Материалы статьи получены 29.08.2018

Neuro-Energetic Correlates of Mental and Emotional Phenomena (Manifestations) of the Climacteric Syndrome

Dmitrii A. Lebedev^{1*}, Aleksandr V. Chernositov^{1,2}, Tat'yana L. Botasheva²,
Tat'yana A. Stepanova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: hunterld@ya.ru

Abstract

Introduction. Studying psychoneurophysiological correlates in perimenopausal women is of great theoretical and practical importance, since it may help in identifying common and gender-specific patterns of aging. The menopausal syndrome and the neurophysiological substrate underlying the phenomena of psychological maladjustment in menopausal women merit special attention. This study reveals previously unknown neuro-energetic correlates of psycho-emotional characteristics of the climacteric syndrome.

Methods. This study involved menopausal women with and without manifestations of the menopausal syndrome and reproductive-age women with the normal menstrual cycle. Using the questioning method the authors examined the respondents' personality traits. After averaging over groups, these personality characteristics were compared with the constant potential level (CPL) in frontal, central, occipital, right and left temporal regions of the cortex, which was registered by the Neuro-energo-cartograph NEC-5 hardware/software complex. The CPL was assessed by means of a special embedded math program. This helped to distinguish the local and the average CPLs, CPL gradients between unipolar values and to map the obtained data on the computer screen.

Results. The findings of the study indicated a positive correlation between the expression of situational anxiety and unmotivated aggressiveness and the increased CPL in the occipital and temporal cortex in women with the climacteric syndrome.

Discussion. For the first time in the study of the female climacterium, the use of registration and neuro-energetic mapping of the CPLs in various regions of the cerebral cortex and their correlations with psycho-emotional characteristics helped to identify the intensity and topography of energy metabolism in the brain, which is an integral neurophysiological substrate for psycho-emotional manifestations of the climacteric syndrome. The registration of the CPLs enabled authors to correlate the intensity and topography of energy metabolism in various regions of the cortex with psycho-emotional characteristics of the climacteric syndrome.

Keywords

perimenopause, menopause, climacteric syndrome, psycho-emotional status, dextral behavioral asymmetry, constant potential, brain energy metabolism, personal anxiety, neuro-energetic mapping of cortex, energy asymmetry of hemispheres

Highlights

- ▶ The climacteric syndrome is characterized by the bipolar symmetry of high values of the constant potential in the temporal cortex. This speaks in favour of the increased level of energy processes in these brain regions.
- ▶ A high CPL in the right temporal region in women with manifestations of the menopausal syndrome is positively correlated with certain personal characteristics including aggressiveness and extroversion. A high CPL in the left temporal region is positively correlated with neuro-psychic tension and aggressiveness.
- ▶ Symmetric high values of constant potential in the temporal cortex in women with climacteric syndrome are positively and significantly correlated with such traits as aggressiveness, extroversion, neuro-psychic tension, and aggressiveness.
- ▶ In menopausal women without manifestations of the climacteric syndrome, bipolar symmetry is determined by low values of the constant potential in the temporal regions of the cortex, which indicates a relatively low intensity of energy processes. The CPL in the right temporal region is positively correlated with introversion. The CPL in the left and right temporal regions is positively correlated with neuro-psychic tension.

For citation

Lebedev D. A., Chernositov A. V., Botasheva T. L., Stepanova T. A. Neuro-Energetic Correlates of Mental and Emotional Phenomena (Manifestations) of the Climacteric Syndrome. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 14–31 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.1

Original manuscript received 29.08.2018

Введение

В последнее время всё большее применение в исследовании деятельности мозга приобретает метод нейроэнергокартирования (НЭК), основанный на измерении уровня постоянного потенциала (УПП) в разных зонах коры. УПП отражает кислотно-основное состояние (КОС) на границе гематоэнцефалического барьера и таким образом манифестирует метаболизм глюкозы и, следовательно, уровень энергетической активности в ткани мозга [1, 2, 3, 4].

Способность метода отражать уровень энергетики мозга не только приближает его по информативности к позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ),

но и имеет по сравнению с ней немаловажные преимущества. Они заключаются в простоте реализации и дешевизне метода, а главное в его способности отражать не только уровень аэробного катаболизма глюкозы, но и состояние анаэробного гликолиза, связанного с катаболизмом аминокислот и кетоновых тел [5, 6, 7].

Метод НЭК активно используется в неврологии и клинической психофизиологии для изучения эпидемиологии и терапии когнитивных и мнестических функций у лиц разного возраста в норме и патологии, болезни Альцгеймера и паркинсонизма [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], контроля качества тренировочного процесса у спортсменов [18, 19], стрессовых состояний [20].

Метод НЭК был использован при комплексной нейрофизиологической идентификации гестационной доминанты [21, 22].

В дополнение к традиционной ЭЭГ, результаты спектральной обработки которой рассматривают в качестве биоэлектрических эквивалентов психических феноменов [23, 24, 25, 26], НЭК способно манифестировать энергетическую составляющую и пространственную организацию корковых процессов при таких психоэмоциональных проявлениях, как агрессия, реактивная тревожность и депрессия [27, 28, 29]. Именно они являются значимыми психическими симптомами в клинике женского климакса. Они в максимальной степени акцентированы при так называемом климактерическом синдроме (КС) [30, 31, 32, 33].

В наших предыдущих исследованиях было показано, что важнейший психический компонент КС – личностная тревожность, ассоциированная с высоким уровнем нервно-психического напряжения, сензитивностью и результатами самооценки, является не только маркером, но и, возможно, условием формирования КС [34].

Несмотря на немалое число работ, посвященных КС, энергетический субстрат его психофеноменов не исследовали.

Цель исследования: выявление взаимозависимости психических проявлений и личностных свойств с интенсивностью и пространственной организацией энергетических процессов в коре головного мозга у женщин с неосложненной менопаузой и женщин с явлениями климактерического синдрома.

Методы

Исследование было проведено на 143 женщинах – сотрудницах ростовского НИИ акушерства и педиатрии, давших информативное согласие на проведение обследования. Анкетирование проводили согласно опроснику «Ваше самочувствие» (О. С. Копина, Л. Ридер), методике «Оценка нервно-психического напряжения» (Т. А. Немчин), экспресс-диагностике склонности к немотивированной тревожности (В. В. Бойко), диагностике самооценки уровня

тревожности (Ч. Д. Спилберг, Ю. Л. Ханин), индивидуально-типологическому опроснику (ИТО) (Л. Н. Собчик), методике САН (В. А. Доскин и соавт.) [35].

Были соблюдены строгие условия времени проведения, последовательности и кратности исследования.

Дифференциацию менопаузальных женщин с отсутствием (МПБКС) и наличием признаков климактерического синдрома (МПСКС) проводили на основании менопаузального индекса Купермана в модификации Е. В. Уваровой (1982) и заключения акушеров-гинекологов РНИИАП. Из выборки исключали женщин с хроническими неврологическими, гинекологическими и соматическими заболеваниями. В исследование были включены женщины только с правым поведенческим профилем, определенным по методу М. Annett.

Группу сравнения составляли 33 женщины репродуктивного возраста с нормальным менструальным циклом, у которых исследования проводили в первой фазе менструального цикла.

Все обследованные женщины регулярно проходили плановую диспансеризацию, имеют высшее и среднее специальное медицинское образование со стажем работы от 10 лет, состоят в браке, не имеют вредных привычек, и, таким образом, составили единообразную социальную группу.

Полученные результаты были подвержены статистической обработке данных с целью определения значимости межгрупповых различий (ранговый критерий Крускала – Уоллиса) для показателей постоянного потенциала и средних значений по группам (t-критерий Стьюдента) для психологических показателей, а также был проведен корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) в программе SPSS22 для определения взаимосвязи показателей ПП и психологических показателей.

Параллельно с психологическим тестированием испытуемые проходили процедуру регистрации уровня постоянных потенциалов (УПП) и нейроэнергостроирования коры головного мозга.

Регистрацию уровня постоянного потенциала осуществляли с помощью неполяризуемых хлорсеребряных электродов, накладываемых на проекцию лобной, центральной и затылочной коры по сагитальной линии, а также правой и левой височных областей коры (по международной схеме 10–20: Fpz, Cz, Oz, Td, Ts). Референтный электрод закрепляли манжетой на запястье правой руки. Условия записи соответствовали международному стандарту для регистрации УПП от кожи головы [36].

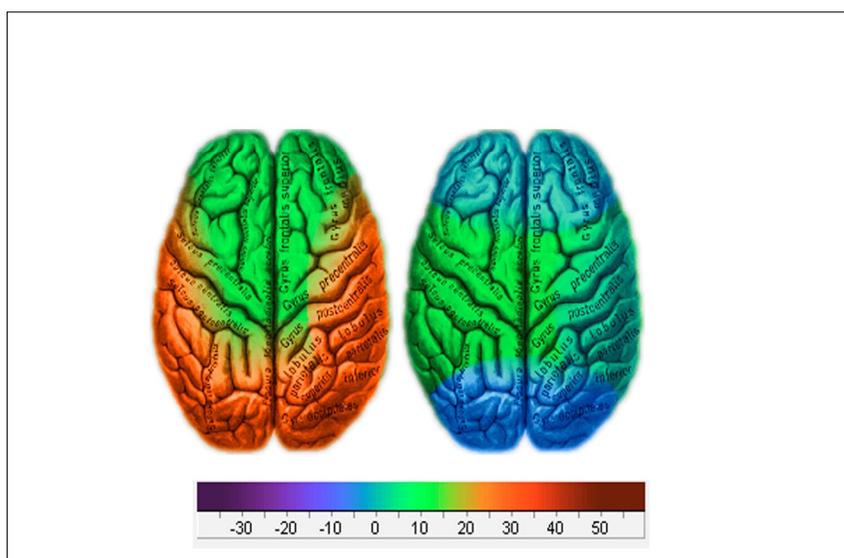
Исследование проводили при помощи аппаратно-программного комплекса «Нейроэнергострограф НЭК-5» (регистрационное удостоверение Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития № ФСР 2009/0537).

Результаты

Регистрация постоянных потенциалов (ПП) в разных областях коры, характеризующих интенсивность энергетических процессов, выявила существенные отличия в распределении их величин у женщин МПсКС и МПбКС.

Так, у женщин с признаками КС было отмечено симметричное повышение уровня ПП, а следовательно, – интенсивность энергетического обмена в височных и затылочных областях обоих полушарий. При этом уровень ПП в центральной и лобной областях коры был значительно ниже такового в височных и затылочных зонах (рисунок 1).

Рисунок 1. Энергокартограммы коры головного мозга по усредненным показателям уровня постоянного потенциала у женщин с наличием признаков климактерического синдрома (слева) и их отсутствием (справа)

Figure 1. Energy cartograms of the cerebral cortex by the average values of the CPL in women with (left) and without (right) manifestations of the climacteric syndrome

Эти данные подтверждены результатами корреляционного анализа взаимоотношения зональных уровней ПП.

Климактерический синдром характеризуется умеренными положительными корреляционными связями уровней ПП затылочной области коры с уровнем ПП правой височной (0,488 при $p < 0,05$) и левой височной (0,309 при $p < 0,05$) областями.

Особо обращает на себя внимание сильная положительная связь между показателями ПП гомотопичных височных зон полушарий (0,737 при $p < 0,05$). В то же время между уровнем ПП центральной и лобной зон коры корреляционная зависимость была низкой.

У женщин МПБКС наблюдали продольный дифферент по уровню ПП лобной и центральной областей коры. При этом по большинству показателей и характеру распределения значений ПП эти женщины практически не отличались от женщин контрольной группы (таблица 1).

Таблица 1. Усредненные по группам показатели уровня постоянного потенциала коры мозга у менопаузальных женщин и женщин в репродуктивном возрасте (МкВ)

Table 1. Averaging over groups of the CPL values of the brain cortex in menopausal women and in reproductive-age women (μV)

	Лобная зона Frontal region	Центральная зона Central region	Затылочная зона Occipital region	Правая височная зона Right temporal region	Левая височная зона Left temporal region
МПБКС Menopausal women with manifestations of climacteric syndrome	17,5	21	26,1*	32,3*	28,7*
МПБКС Menopausal women without manifestations of climacteric syndrome	-7,3	22,3	-16,7	-3,5	10,4
Репродуктивный возраст Reproductive age	19,9	21,6	-2,8	-2,8	11,7

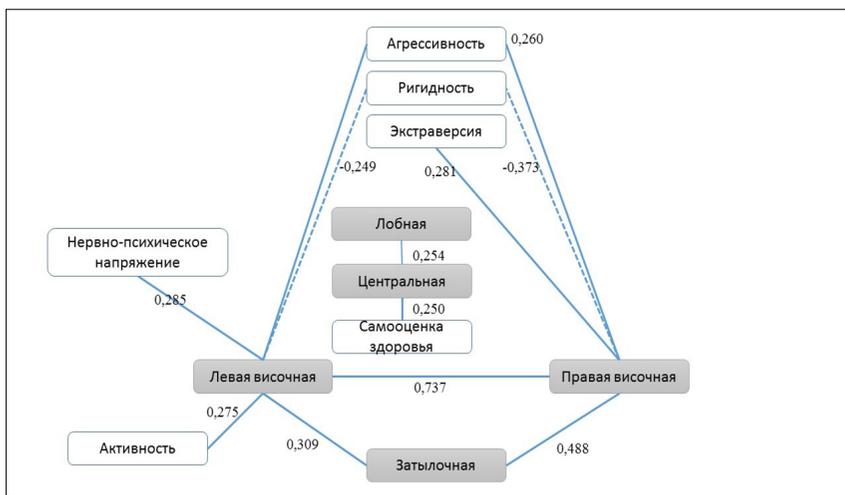
* – достоверные различия УПП аналогичных зон коры у МПБКС и женщин репродуктивного возраста ($p < 0,05$) (ранговый критерий Крускала – Уоллиса)

* – significant differences in the CPL of similar cortical regions in menopausal women without manifestations of climacteric syndrome and reproductive-age women ($p < 0.05$) (Kruskal-Wallis rank test)

Результаты корреляционного анализа соотношения величин ПП разных областей коры у женщин с отсутствием признаков КС демонстрировали сильную достоверную связь показателей ПП между височными зонами коры правого и левого полушарий (0,805 при $p < 0,05$). Однако в этом случае высокий уровень полушарной синхронизации УПП у женщин МПБКС определялся сниженным, а не повышенным, как у женщин МПКС, уровнем ПП в симметричных височных зонах.

Корреляционный анализ взаимосвязи результатов психологического и электрофизиологического обследования показал, что повышенный уровень ПП в правой височной области у женщин с признаками КС положительно коррелирует с показателями шкал методики ИТО «экстраверсия» (0,281 при $p < 0,05$), «агрессивность» (0,260 при $p < 0,05$), и отрицательно с ригидностью (-0,373 при $p < 0,05$). Повышение УПП левой височной области у этой группы женщин положительно коррелирует с агрессивностью (0,282 при $p < 0,05$) по ИТО, активностью (0,282 при $p < 0,05$) по САН и нервно-психическим напряжением (0,285 при $p < 0,05$) по Т. А. Немчину (рисунок 2).

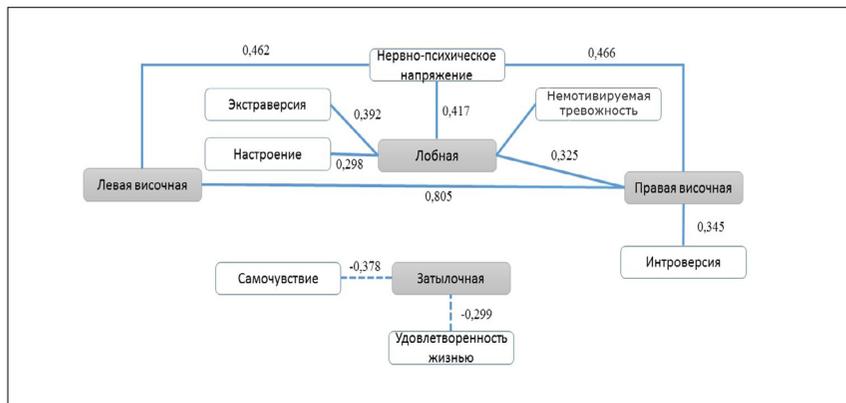

Рисунок 2. Корреляционная связь психологических показателей и уровня постоянного потенциала разных зон коры головного мозга у женщин с наличием климактерического синдрома (цифры отражают величину корреляции)

Figure 2. Correlations between psychological characteristics and the CPL in different regions of the cerebral cortex in women with the menopausal syndrome (figures correspond to correlation values)

Что касается женщин без КС, то у них УПП лобной области коры имеет положительную корреляционную связь с такими психологическими показателями, как: нервно-психическое напряжение (0,417 при $p < 0,05$), экстраверсия (0,392 при $p < 0,05$), немотивируемая тревожность (0,328 при $p < 0,05$) и настроение (0,298 при $p < 0,05$) (рисунок 3).

Рисунок 3. Корреляционная связь психологических показателей и уровня постоянного потенциала разных зон коры головного мозга у женщин с отсутствием климактерического синдрома (цифры отражают величину корреляции)

Figure 3. Correlations between psychological characteristics and the CPL in different regions of the cerebral cortex in women without the menopausal syndrome (figures correspond to correlation values)

Обсуждение результатов

Картирование распределения уровня постоянного потенциала в корковых областях полушарий мозга дает важную информацию об нейроэнергетическом субстрате психоэмоциональных феноменов.

Обнаруженная у женщин с неосложненной менопаузой полушарная симметризация низкой энергетической активности в височных областях коры соответствует данным о сглаживании у возрастных индивидов региональных, в том числе межполушарных, различий УПП [3].

В то же время качественно иной характер симметризации, а именно двустороннее повышение уровня постоянного потенциала в височных зонах коры у женщин с КС, косвенно свидетельствует о недостаточности мозгового кровообращения и частичном переходе на анаэробный обмен с неизбежным повышением кислотности ткани мозга [8].

Синхронизация высокого уровня постоянного потенциала и, следовательно, высокого уровня энергетического обмена в височных и затылочных зонах обоих полушарий, ассоциированная с немотивированной агрессивностью, нервно-психическим напряжением и, как нами было ранее установлено, с личностной тревожностью, свидетельствует о стрессовой реорганизации энергетических процессов в мозге женщин с клиническими проявлениями климактерического синдрома.

Обнаружена событийная (фактологическая) связь между уровнем ПП в разных корковых областях полушарий мозга и некоторыми психоэмоциональными, характерными для КС, особенностями, что означает наличие между ними прямой причинно-следственной связи, но, тем не менее, позволяет рассматривать дальнейшее изучение психоэмоциональных феноменов КС с точки зрения поиска их нейроэнергетического субстрата как весьма перспективное.

Выводы:

1. Для женщин с климактерическим синдромом характерна симметрия высокого уровня постоянного потенциала височных и затылочных зон коры.
2. У женщин с КС обнаружена положительная корреляционная связь между показателями ситуационной тревожности и немотивированной агрессивности с симметричным повышением уровня ПП в затылочной и височной зонах коры.
3. У менопаузальных женщин без признаков КС определяется межполушарная симметрия низкого уровня постоянного потенциала височных зон коры.
4. Для менопаузальных женщин без признаков КС характерна положительная корреляционная связь низкого уровня ПП правой височной области коры с показателем интроверсии, а низкого уровня ПП левой и правой коры – с нервно-психическим напряжением.

Литература

1. Фокин В. Ф. и др. Факторы, определяющие динамические свойства функциональной межполушарной асимметрии // Асимметрия. 2011. Т. 5, № 1. С. 4–20.
2. Фокин В. Ф., Пономарева Н. В. Динамические характеристики функциональной межполушарной асимметрии // Функциональная межполушарная асимметрия / под ред. Н. Н. Боголепова, В. Ф. Фокина. М.: Научный мир, 2004. С. 1–26.
3. Фокин В. Ф., Пономарева Н. В. Энергетическая физиология мозга. М.: Антидор, 2003. 288 с.

4. *Миронов Н. В., Мкртчян Н. С., Зайцева А. Ю., Перепелицына Ю. В., Язвенко А. В., Шмырев В. И.* Функциональная и метаболическая полушарная асимметрия головного мозга // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2006. № 1. С. 9–12.
5. *Шмырев В. И. и др.* Нейроэнергокартирование – высокоинформативный метод оценки функционального состояния мозга. Данные нейроэнергокартирования при когнитивных нарушениях и снижении умственной работоспособности. Методические рекомендации. М., 2010. URL: <http://mkp2015.ru/docs/amea-neuro.pdf> (дата обращения: 23.07.2018).
6. *Шмырев В. И., Миронов Н. В., Мкртчян Н. С., Зайцева А. Ю., Витько Н. К., Миронов И. Н.* Энергетический обмен головного мозга и его исследование с помощью позитронно-эмиссионной томографии // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2006. № 1. С. 7–9.
7. *Депутат И. С., Грибанов А. В., Нехорошкова А. Н., Старцева Л. Ф., Большевидцева И. Л.* Энергетическое состояние головного мозга у женщин пожилого возраста, проживающих в условиях Севера // Экология человека. 2016. № 9. С. 40–45.
8. *Фокин В. Ф., Медведев Р. Б., Пономарева Н. В. и др.* Латерализация билатерального кровотока по центральным и периферическим артериям при когнитивной нагрузке у больных дисциркуляторной энцефалопатией // Асимметрия. 2018. Т. 12, № 2. С. 74–84.
9. *Миронов Н. П., Соколова Л. П., Борисова Ю. В.* Нейроэнергокартирование. Оценка функционального состояния мозга при когнитивных нарушениях различной этиологии // Вестник МЕДСИ. 2010. № 8. С. 32–37.
10. *Михеев Н. Н. и др.* Определение нейрометаболизма у пациентов с легкими и умеренными когнитивными нарушениями // Вестник рентгенологии и радиологии. 2016. № 2. С. 15–22.
11. *Михеев Н. Н., Борисова Ю. В.* Инструментальная диагностика нейрометаболизма при додементных когнитивных расстройствах у пациентов молодого и среднего возраста // Медицинский вестник МВД. 2010. № 6. С. 30–33.
12. *Сафонищева М. А., Сафонищева О. Г., Миненко И. А., Коекина О. И.* Неврологические и нейрофизиологические исследования детей с нарушением интеллектуального развития // Вестник новых медицинских технологий. 2011. Т. 18, № 3. С. 238–241.
13. *Соколова Л. П.* Функциональная активность мозга и нейрометаболизм при когнитивных нарушениях различного генеза // Фундаментальные исследования. 2011. Т. 1, № 11. С. 131–136.
14. *Соколова Л. П., Шмырев В. И.* Некоторые особенности метаболизма и функциональной активности головного мозга при когнитивных

- нарушениях различного генеза (научный обзор) // Профилактическая и клиническая медицина. 2011. № 3. С. 134–144.
15. Соколова Л. П., Шмырев В. И., Витько Н. К. Метаболизм мозга по данным нейроэнергокартирования при когнитивных расстройствах различного генеза // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2014. № 2. С. 18–22.
  16. Соколова Л. П. Функциональные когнитивные расстройства // Врач. 2011. № 7. С. 10–12.
  17. Спиридонова М. С., Черенева Е. А., Маслобоев С. Г., Муллер Т. А., Скрипникова И. П., Лисова Н. А. Некоторые гематологические и иммунные нарушения у детей при расстройстве аутистического спектра // Комплексные исследования человека: психология. Томск: ИД ТГУ, 2017. С. 140–142.
  18. Баба-Заде А. А., Озолин Н. Н., Фокин В. Ф. и др. Анализ уровня постоянного потенциала головного мозга как метод оперативного и текущего контроля состояния спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1989. № 5. С. 42–64.
  19. Овсянникова М. А., Биндусов Е. Е. Оценка эффективности занятий физическим воспитанием в вузе по степени воздействия на центральную нервную систему студенток // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2013. № 1. С. 21–23.
  20. Кирсанов В. М. Применение метода омегаметрии (диагностика уровня постоянного потенциала) и нейроэнергокартирования головного мозга для диагностики стрессового состояния // Профессиональный и организационный стресс: диагностика, профилактика и коррекция: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Б. В. Кайгородова и Н. В. Майсак. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, ИД «Астраханский университет», 2011. С. 20–22.
  21. Черноситов А. В. Функциональная асимметрия мозга: медико-биологические, психологические и социально-педагогические аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во ИПО ПИ ЮФУ, 2011. 184 с.
  22. Черноситов А. В., Орлов В. И. Функциональная асимметрия и неспецифическая резистентность // Функциональная межполушарная асимметрия: Хрестоматия / под ред. Н. Н. Боголепова, В. Ф. Фокина. М.: Научный мир, 2004. С. 700–748.
  23. Павленко В. Б., Дягилева Ю. О., Михайлова А. А., Белалов В. В., Махин С. А., Эйсмонт Е. В. Связь реактивности сенсомоторного ритма ЭЭГ с психологическими характеристиками детей и взрослых // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2016. № 2. С. 30–36.

24. Boban M., Črnac P, Junaković A., Malojčić B. Hemodynamic monitoring of middle arteries during cognitive performance // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2014. Vol. 68, Issue 11. P. 795–803. DOI: [10.1111/pcn.12191](https://doi.org/10.1111/pcn.12191)
25. Dyck P. J., Argyros B., Russell J. W., et al. Multicenter trial of the proficiency of smart quantitative sensation tests // *Muscle & Nerve*. 2014. Vol. 49, Issue 5. P. 645–653. DOI: [10.1002/mus.23982](https://doi.org/10.1002/mus.23982)
26. Schaworonkow N., Triesch J., Ziemann U., Zrenner C. EEG-triggered TMS reveals stronger brain state-dependent modulation of motor evoked potentials at weaker stimulation intensities // *Brain stimulation*. 2019. Vol. 12, Issue 1. C. 110–118. DOI: [10.1016/j.brs.2018.09.009](https://doi.org/10.1016/j.brs.2018.09.009)
27. Боравава А. И., Пономарева Н. В., Фокин В. Ф. Соотношение динамической межполушарной асимметрии с тревожностью у подростков и разной направленностью мотивации достижения успеха // *Асимметрия*. 2017. Т. 11, № 2. С. 54–64.
28. Боравава А. И., Галкина Н. С., Фокин В. Ф. Особенности УПП головного мозга при подростковой агрессии // *Асимметрия*. 2011. Т. 5, № 4. С. 39–50.
29. Baron F, Binder A, Wasner G. Neuropathic pain: diagnosis, pathophysiological mechanisms, and treatment // *The Lancet Neurology*. 2010. Vol. 9, Issue 8. P. 807–819. DOI: [10.1016/S1474-4422\(10\)70143-5](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(10)70143-5)
30. Дзугаева И. О., Абдуллаева С. С., Шипиевский Б. М. Профилактика и лечение климактерического синдрома в постменопаузе // *Вестник РУДН. Сер. «Медицина»*. 2008. № 5. С. 220–227.
31. Hickey M., Schoenaker D. A., Joffe H., et al. Depressive symptoms across the menopause transition: findings from a large population-based cohort study // *Menopause*, 2016. Vol. 23 (12). P. 1287–1293. DOI: [10.1097/GME.0000000000000712](https://doi.org/10.1097/GME.0000000000000712)
32. Maki P., Freeman E., Greendale G., et al. Summary of the National Institute on Aging-sponsored conference on depressive symptoms and cognitive complaints in the menopausal transition // *Menopause*. 2010. Vol. 17 (4). P. 815–822. DOI: [10.1097/gme.0b013e3181d763d2](https://doi.org/10.1097/gme.0b013e3181d763d2)
33. Антонова А. А., Бачило Е. В., Барыльник Ю. Б. Современный взгляд на проблему развития психических расстройств у женщин в перименопаузе (обзор) // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2012. Т. 8, № 2. С. 379–383.
34. Лебедев Д. А., Черноситов А. В., Боташева Т. Л. Особенности психологического статуса женщин перименопаузального возраста с признаками климактерического синдрома // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14, № 4. С. 121–137. DOI: [10.21702/rpj.2017.4.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.6)
35. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. 950 с.

36. Bauer H., Korunka C., Leodolter M. Technical requirements for high-quality scalp DC recordings // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1989. Vol. 72, № 6. P. 545–547.

References

1. Fokin V. F., et al. Factors determining the dynamic characteristics of functional hemispheric. *Asimmetriya – Asymmetry*, 2011, V. 5, no. 1, pp. 4–20 (in Russian).
2. Fokin V. F., Ponomareva N. V. Dynamic characteristics of functional interhemispheric asymmetry. In: N. N. Bogolepova, V. F. Fokina (eds.) *Funktsional'naya mezhpolusharnaya asimmetriya* [Functional interhemispheric asymmetry]. Moscow, Nauchnyi mir, 2004, pp. 1–26.
3. Fokin V. F., Ponomareva N. V. *Energeticheskaya fiziologiya mozga* [Energy physiology of the brain]. Moscow, Antidor Publ., 2003. 288 p.
4. Mironov N. V., Mkrtychyan N. S., Zaitseva A. Yu., Perepelitsyna Yu. V., Yazvenko A. V., Shmyrev V. I. Functional and metabolic hemispheric asymmetry of the brain. *Kremlevskaya meditsina. Klinicheskii vestnik – Kremlin Medicine. Clinical Bulletin*, 2006, no. 1, pp. 9–12 (in Russian).
5. Shmyrev V. I. et al. *Neuro-energetic mapping as a highly informative method of assessing the functional state of the brain. The data on neuro-energetic mapping in cognitive impairment and decreased mental capacity: guideline*. Moscow, 2010. Available at: <http://mkp2015.ru/docs/amea-neuro.pdf> (Accessed 23 July 2018).
6. Shmyrev V. I., Mironov N. V., Mkrtychyan N. S., Zaitseva A. Yu., Vit'ko N. K., Mironov I. N. Energy metabolism of the brain and its study using positron emission tomography. *Kremlevskaya meditsina. Klinicheskii vestnik – Kremlin Medicine. Clinical Bulletin*, 2006, no. 1, pp. 7–9 (in Russian).
7. Deputat I. S., Griбанov A. V., Nekhoroshkova A. N., Startseva L. F., Bol'shevidtseva I. L. Energy state of the brain in elderly women living in the North. *Ekologiya cheloveka – Human Ecology*, 2016, no. 9, pp. 40–45 (in Russian).
8. Fokin V. F., Medvedev R. B., Ponomareva N. V. et al. Lateralization of bilateral blood flow through the central and peripheral arteries in cognitive loads in patients with dyscirculatory encephalopathy. *Asimmetriya – Asymmetry*, 2018, V. 12, no. 2, pp. 74–84 (in Russian).
9. Mironov N. P., Sokolova L. P., Borisova Yu. V. Neuro-energetic mapping: Assessing the functional state of the brain in cognitive disorders of various etiologies. *Vestnik MEDSI – MEDSI Bulletin*, 2010, no. 8, pp. 32–37 (in Russian).
10. Mikheev N. N. et al. Identifying neurometabolism in patients with mild and moderate cognitive impairment. *Vestnik rentgenologii i radiologii – Journal of Roentgenology and Radiology*, 2016, no. 2, pp. 15–22 (in Russian).

11. Mikheev N. N., Borisova Yu. V. Instrumental diagnostics of neurometabolism in pre-dementia cognitive disorders in young and middle-aged patients. *Meditsinskii vestnik MVD – Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs*, 2010, no. 6, pp. 30–33 (in Russian).
12. Safonicheva M. A., Safonicheva O. G., Minenko I. A., Koekina O. I. Neurological and neurophysiological study of children with intellectual impairment. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii – Journal of New Medical Technologies*, 2011, V. 18, no. 3, pp. 238–241 (in Russian).
13. Sokolova L. P. Functional activity of the brain and neurometabolism in cognitive disorders of various geneses. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2011, V. 1, no. 11, pp. 131–136 (in Russian).
14. Sokolova L. P., Shmyrev V. I. Certain characteristics of metabolism and functional activity of the brain in cognitive disorders of various geneses: A theoretical review. *Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina – Preventive and Clinical Medicine*, 2011, no. 3, pp. 134–144 (in Russian).
15. Sokolova L. P., Shmyrev V. I., Vitko N. K. Brain metabolism and neuroenergetic mapping in cognitive disorders of various geneses. *Kremlevskaya meditsina. Klinicheskii vestnik – Kremlin Medicine. Clinical Bulletin*, 2014, no. 2, pp. 18–22 (in Russian).
16. Sokolova L. P. Functional cognitive disorders. *Vrach – The Doctor*, 2011, no. 7, pp. 10–12 (in Russian).
17. Spiridonova M. S., Chereneva E. A., Masloboev S. G., Muller T. A., Skripnikova I. P., Lisova N. A. Certain hematological and immune disorders in children with autism spectrum disorder. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya – Comprehensive Study of Human: Psychology*. Tomsk, TSU Publ., 2017, pp. 140–142 (in Russian).
18. Baba-Zade A. A., Ozolin N. N., Fokin V. F. et al. Analyzing the level of constant potential of the brain as a method of operational and current control of athletes. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1989, no. 5, pp. 42–64 (in Russian).
19. Ovsyannikova M. A., Bindusov E. E. Assessing the efficiency of physical education university classes by the impact on female students' central nervous system. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical Culture: Upbringing, Education, Training*, 2013, no. 1, pp. 21–23 (in Russian).
20. Kirsanov V. M., Kaigorodov B. V. (ed.) *Primenenie metoda omegametrii (diagnostika urovnya postoyannogo potentsiala) i neuroenergokartirovaniya golovnogo mozga dlya diagnostiki stressovogo sostoyaniya [Application of the method of omegametry (diagnosis of the level of constant potential) and brain energy mapping for the diagnosis of stress]. Professional'nyi i organizatsionnyi stress: diagnostika, profilaktika i korrektsiya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi*

- konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Professional and organizational stress: Diagnosis, prevention and correction: Proc. the All-Russian Theoretical and Practical Conference with International Participation]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2011, pp. 20–22.
21. Chernositov A. V. *Funktsional'naya asimmetriya mozga: mediko-biologicheskie, psikhologicheskie i sotsial'no-pedagogicheskie aspekty* [Functional asymmetry of the brain: Medico-biological, psychological, and socio-pedagogical aspects]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2011. 184 p.
  22. Chernositov A. V., Orlov V. I. Functional asymmetry and nonspecific resistance. In: Bogolepova N. N., Fokina V. F. (eds.) *Funktsional'naya mezhpolutsharnaya asimmetriya* [Functional hemispheric asymmetry]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2004, pp. 700–748.
  23. Pavlenko V. B., Dyagileva Yu. O., Mikhailova A. A., Belalov V. V., Makhin S. A., Eismont E. V. Interrelation between reactivity of the EEG sensorimotor rhythm and psychological characteristics of children and adults. *Zhurnal fundamental'noi meditsiny i biologii – Journal of Fundamental Medicine and Biology*, 2016, no. 2, pp. 30–36 (in Russian).
  24. Boban M., Črnac P, Junaković A., Malojić B. Hemodynamic monitoring of middle arteries during cognitive performance. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2014, V. 68, Issue 11, pp. 795–803. DOI: [10.1111/pcn.12191](https://doi.org/10.1111/pcn.12191)
  25. Dyck P. J., Argyros B., Russell J. W., et al. Multicenter trial of the proficiency of smart quantitative sensation tests. *Muscle & Nerve*, 2014, V. 49, Issue 5, pp. 645–653. DOI: [10.1002/mus.23982](https://doi.org/10.1002/mus.23982)
  26. Schaworonkow N., Triesch J., Ziemann U., Zrenner C. EEG-triggered TMS reveals stronger brain state-dependent modulation of motor evoked potentials at weaker stimulation intensities. *Brain stimulation*, 2019, V. 12, Issue 1, pp. 110–118. DOI: [10.1016/j.brs.2018.09.009](https://doi.org/10.1016/j.brs.2018.09.009)
  27. Boravova A. I., Ponomareva N. V., Fokin V. F. Correlation between dynamic interhemispheric asymmetry and anxiety in adolescents with various orientations of achievement motivation. *Asimmetriya – Asymmetry*, 2017, V. 11, no. 2, pp. 54–64 (in Russian).
  28. Boravova A. I., Galkina N. S., Fokin V. F. Characteristics of the CPL of the brain in adolescent aggression. *Asimmetriya – Asymmetry*, 2011, V. 5, no. 4, pp. 39–50 (in Russian).
  29. Baron F, Binder A, Wasner G. Neuropathic pain: Diagnosis, pathophysiological mechanisms, and treatment. *The Lancet Neurology*, 2010, V. 9, Issue 8, pp. 807–819. DOI: [10.1016/S1474-4422\(10\)70143-5](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(10)70143-5)
  30. Dzugavaeva I. O., Abdullaeva S. S., Shipievskii B. M. Prevention and treatment of the climacteric syndrome in postmenopausal women. *Vestnik RUDN. Ser. "Meditsina" – RUDN Journal of Medicine*, 2008, no. 5, pp. 220–227 (in Russian).

31. Hickey M., Schoenaker D. A., Joffe H., et al. Depressive symptoms across the menopause transition: findings from a large population-based cohort study. *Menopause*, 2016, V. 23 (12), pp. 1287–1293. DOI: [10.1097/GME.0000000000000712](https://doi.org/10.1097/GME.0000000000000712)
32. Maki P., Freeman E., Greendale G., et al. Summary of the National Institute on Aging-sponsored conference on depressive symptoms and cognitive complaints in the menopausal transition. *Menopause*, 2010, V. 17 (4), pp. 815–822. DOI: [10.1097/gme.0b013e3181d763d2](https://doi.org/10.1097/gme.0b013e3181d763d2)
33. Antonova A. A., Bachilo E. V., Baryl'nik Yu. B. Modern view on the problem of the development of mental disorders in perimenopausal women (review). *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal – Saratov Scientific Medical Journal*, 2012, V. 8, no. 2, pp. 379–383 (in Russian).
34. Lebedev D. A., Chernositov A. V., Botasheva T. L. Characteristics of the psychological status of women of perimenopausal women with manifestations of the menopausal syndrome. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 121–137 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2017.4.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.6)
35. Nikiforov G. S. *Diagnostika zdorov'ya. Psikhologicheskii praktikum* [Diagnosis of health. Psychological tutorial]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2013. 950 p.
36. Bauer H., Korunka C., Leodolter M. Technical requirements for high-quality scalp DC recordings. *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 1989, V. 72, no. 6, pp. 545–547.

Особенности смысловых процессов и явлений в командном взаимодействии

Евгений А. Проненко*, Мария В. Буняева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: pronenko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Целью статьи является рассмотрение смысловых процессов и явлений в команде, успешность протекания которых может рассматриваться как условие развития командного взаимодействия. Наравне с социально-психологическими аспектами взаимоотношений в команде и аспектами управления важно изучить глубинные смысловые аспекты командного взаимодействия. Исследование направлено на изучение условий протекания смысловых процессов в команде и факторов, способствующих или препятствующих им. Новизна исследования заключается в детальном рассмотрении смысловых аспектов командного взаимодействия, ранее этот аспект был слабо отражен в исследовании команд.

Теоретическое обоснование. Методология исследования основана на теории самоорганизации совместной мыслительной деятельности (А. К. Белоусова), позволяющей проследить смысловую динамику в рамках командного взаимодействия, а также положениях отечественной психологии смысла (Д. А. Леонтьев, И. В. Абакумова и др.).

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены особенности процесса смыслопередачи в команде, посредством которого формируются общие новообразования – психологические ситуации, смыслы, мотивы, цели, оценки, которые, в свою очередь, вносят вклад в развитие общего смыслового поля или смыслового фонда команды. Обозначена важность установления между участниками команды смысловой коммуникации. Осознанное общее понимание участниками команды того, что и как они делают, способствует как гармоничным межличностным отношениям, так и эффективной коммуникации, необходимой для успешной работы. Технологией, обеспечивающей смысловую коммуникацию, является смысловой диалог, который способствует изменениям ценностно-смысловой сферы участников команды. Достижение смыслового резонанса способствует установлению смысловой коммуникации между участниками команды, а смысловой диссонанс выступает барьером для этого. Рассмотрена смысловая сторона сплоченности команды – сложного явления, влияющего на многие командные процессы. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения смысловых аспектов командного взаимодействия, в практике командообразования; они представляют

интерес для специалистов, исследующих команды или проводящих с ними практическую психологическую работу.

Ключевые слова

команда, совместная мыслительная деятельность, смыслопередача, общий смысловой фонд, смысловая коммуникация, смысловой резонанс, смысловой диссонанс, сплоченность команды, общее понимание, совместное лидерство

Основные положения

- ▶ одной из основ командного взаимодействия является общее представление участников о своей деятельности: оно складывается из общих психологических новообразований, формирующихся в процессе совместной мыслительной деятельности;
- ▶ для повышения результативности деятельности в команде необходимо поддерживать высокое качество коммуникации между участниками – такое качество может быть обеспечено развитием смысловых аспектов коммуникации с помощью непосредственного диалога между членами команды;
- ▶ сплоченность команды в контексте рассмотрения смыслового аспекта командного взаимодействия представляет собой готовность участников к смысловой коммуникации; сплоченность является важным условием поддержки совместного лидерства в команде.

Для цитирования

Проненко Е. А., Буняева М. В. Особенности смысловых процессов и явлений в командном взаимодействии // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 32–51. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.2

Материалы статьи получены 22.12.2018

UDC 159.99

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.2)

Characteristics of Meaning Processes and Phenomena in Team Interaction

Evgeny A. Pronenko*, Maria V. Bunyaeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author: pronenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. Along with the socio-psychological characteristics of team interaction and management issues, innermost meaning aspects of team interaction merit special

attention. The successful realization of meaning processes and phenomena determines the development of team interaction in teams. At present, little is known about meaning aspects of team interaction. This study investigates the conditions of meaning processes in teams and factors contributing to and hindering them.

Theoretical Basis. The theory of self-organization of joint mental activity (A. K. Belousova) as a framework for revealing meaning dynamics in team interaction and also fundamental propositions of the psychology of meaning developed by Russian researchers (D. A. Leontiev, I. V. Abakumova, etc.) provided methodological foundations for the present study.

Results and Discussion. The authors considered the process of meaning transmission which generates common new formations in teams including psychological situations, meanings, motives, goals, and assessments. In turn, these new formations contribute to the development of the common meaning field or meaning fund in teams. Meaning communication among team members is extremely important. Team members' perceived shared understanding of what they do and how they do promotes both harmonious interpersonal relationships and effective communication which is important for successful work. Meaning dialogue is a technology that provides meaning communication and changes in team members' value-meaning sphere. Meaning resonance contributes to meaning communication among team members; meaning dissonance impedes it. The meaning aspect of team cohesion is a complex phenomenon that affects many team processes. The results of the study can be used in a further study of meaning aspects of team interaction in the practice of team formation. The findings are of interest to the specialists engaged in studying teams and psychology practitioners working with teams.

Keywords

team, joint mental activity, meaning transmission, common meaning fund, meaning communication, meaning resonance, meaning dissonance, team cohesion, shared understanding, shared leadership

Highlights

- ▶ Team members' common representation of their activities is a foundation for team interaction; common new formations that are formed during joint mental activity form the basis for such a representation.
- ▶ High quality communication among team members can help improve performance of team activities; developing meaning aspects of communication through direct dialogue among team members may provide such a high quality communication.
- ▶ From the standpoint of meaning aspects of team interaction, team cohesion represent participants' willingness for meaning communication; team cohesion is an important condition for shared leadership in teams.

For citation

Pronenko E. A., Bunyaeva M. V. Characteristics of Meaning Processes and Phenomena in Team Interaction. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 32–51 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.2

Original manuscript received 22.12.2018

Введение

Командная форма взаимодействия людей для решения рабочих или учебных задач обретает все большую популярность. Одной из причин роста интереса к командному взаимодействию является стремительное изменение условий работы и учебного процесса. Возникает большое количество задач, которые не имеют однозначного решения, требуют нестандартного подхода, находятся на передовой социального или технологического развития. Такие задачи может решить только специально сформированная группа людей, команда «нужна именно для решения нетипичных творческих, сложных проблем и задач» [1, с. 766].

Т. А. О’Neill, Е. Salas, делая обзор современных исследований команд, отмечают, что современные научные и бизнес-задачи требуют совместной работы людей и организаций, и команды необходимы для достижения сложных, масштабных целей [2]. И если для команд коммерческих организаций актуальны, прежде всего, вопросы оптимизации деятельности и максимизации прибыли, то для команд, работающих в сферах спасения людей или устранения последствий стихийных бедствий, вопросы слаженности работы приобретают гораздо большее значение. V. Nagemann, A. Kluge называют команды, работающие в сложных условиях, *командами высокой ответственности* [3], и указывают, что промахи таких команд, если они не выявлены и не проработаны внутри команды, могут иметь серьезные последствия для людей и окружающей среды.

Возникает вопрос поиска некоторых базовых оснований командного взаимодействия, целенаправленное воздействие на которые может и повысить эффективность, и помочь в предотвращении критичных ошибок, и при этом создать комфортные психологические условия для участников команд. Одним из таких оснований является смысловая сфера команды, в которой происходит смысловая коммуникация и осуществляется динамика межличностных смыслов, возникает общее понимание командой характера своего взаимодействия и своей деятельности.

Целью исследования является рассмотрение смысловых процессов, протекающих в командном взаимодействии, и смысловых явлений, которые являются факторами, способствующими или препятствующими смысловым процессам.

Новизна исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточным количеством работ в рамках управленческого и социально-психологического подходов, затрагивающих смысловую сторону командного взаимодействия, с другой стороны, малым количеством исследований в рамках теории смысла, предметом которых является смысловое взаимодействие в команде.

Данная статья направлена на изучение возможности применения положений теории самоорганизации совместной мыслительной деятельности и психологии смысла к исследованию команд.

Теоретическое обоснование

Команда представляет собой сложный, многоплановый объект исследования, который рассматривается в рамках различных наук и направлений.

Понятие о команде как специально организованной группе людей, осуществляющей рабочую деятельность, впервые сформировалось в менеджменте, однако на сегодняшний день уже существует значительное количество психологических исследований. Среди зарубежных исследователей команд можно выделить таких наиболее цитируемых ученых, как Дж. Катценбах и Д. Смит, К. Б. Миллер, М. Геллерт и К. Новак, Р. Хакман, С. Танненбаум, Б. Такмен, М. Белбин; среди отечественных авторов можно отметить работы Т. Ю. Базарова, Ю. М. Жукова.

В зависимости от того, в каком из направлений рассматривается феномен команды, выделяются разные аспекты. Анализ различных определений команды показывает, что существуют, по крайней мере, два плана, в которых можно рассматривать командные характеристики. Первый план затрагивает внутреннее содержание, или сущностный аспект, второй план отражает внешние черты, наблюдаемые со стороны [1, 4]. В первом случае характеристики команды «описывают природу отношений участников, например, взаимную ответственность, чувство принадлежности к группе, координацию усилий, разделяемые ценности и цели» [4, с. 160]. К внешним характеристикам команды относятся: особый статус в организации, равный статус участников при принятии решений, возможность регулярных контактов участников и др. [1]. Можно сказать, что внутренний план затрагивает индивидуально-психологические особенности участников команды и социально-психологические условия, в которых происходит взаимодействие в команде; второй же план – это характеристики команды с точки зрения менеджмента, это ответы на вопросы о том, как формально устроена команда, какое место в организации она занимает.

Эти два плана отражают двоякую природу команды: с одной стороны команда представляет собой малую группу, в которой происходят различные социально-психологические процессы, с другой стороны, команда – это всегда специально организованное взаимодействие людей, имеющее определенные

рамки, например срок существования команды может быть ограничен решением одной задачи.

Данная дихотомия выражается и в двух различных подходах к изучению команды: управленческом и социально-психологическом, изучающих различные характеристики командного взаимодействия. В рамках этих подходов накоплено большое количество данных о различных командных процессах.

При этом еще одна плоскость существования команды редко затрагивается в современных исследованиях команд в менеджменте и социальной психологии, а именно вопросы совместной мыслительной деятельности участников команды и динамики межличностных смыслов. В отечественной науке накоплен значительный опыт исследования смысловых явлений и смысловой динамики в рамках групповой (коллективной) и совместной деятельности. В данной работе мы опираемся на: исследования целеполагания и общего смыслового фонда в совместной мыслительной деятельности С. М. Джакупова [5]; разработанные Д. А. Леонтьевым представления о межличностных и внеличностных формах смысла, смысловой координации в совместной деятельности [6]; теорию самоорганизации совместной мыслительной деятельности А. К. Белоусовой [7]; разработку технологий направленной и опосредованной трансляции смыслов И. В. Абакумовой [8]; представления о смысловой коммуникации Л. Ц. Кагермазовой [9]. Однако применение результатов вышесказанных исследований для осуществления исследовательской и затем практической психологической работы с командами на сегодняшний день затруднено. Связано это с тем, что данные исследования проводились в различных сферах жизнедеятельности, напрямую не связанных с командами: например, теории смысловой коммуникации и направленной и опосредованной трансляции смыслов разработаны в рамках сферы образования и отражают аспекты смыслового взаимодействия педагога и учащихся.

Результаты и их обсуждение

Следуя методологии изучения смысла Д. А. Леонтьева [6], под смысловыми процессами в команде мы понимаем процессы возникновения и изменения смысловых образований, прежде всего межличностных и общих смыслов, в ходе осуществления командной деятельности. Смысловыми явлениями в команде мы называем отдельные смысловые феномены, возникающие в процессе командного взаимодействия.

Рассмотрим смысловые процессы и явления, имеющие наибольшее значение для исследования командного взаимодействия: смыслопередачу и формирование общих новообразований, особенности и факторы смысловой коммуникации, а также сплоченность как отражение протекания смысловых процессов в команде.

Смыслопередача и формирование общих новообразований

В рамках изучения совместной мыслительной деятельности [7] был рассмотрен ряд тем, имеющих важное значение для исследования командного взаимодействия: совокупный субъект совместной мыслительной деятельности, формирование общих новообразований, самоорганизация совместной мыслительной деятельности, функциональная организация совместной мыслительной деятельности.

Важнейшим процессом, обеспечивающим протекание совместной мыслительной деятельности, является, по мнению А. К. Белоусовой, смыслопередача.

Смыслопередача представляет собой «процесс передачи партнеру открывшегося одному из участников смысла предмета, выраженного в значениях (или других формах презентации человеку – эмоционально, невербально и др.), который влияет на структурирование индивидуальной и совместной мыслительной деятельности, жизненный мир участников» [7, с. 193]. А. К. Белоусова подчеркивает, что «в совместной мыслительной деятельности смыслопередача выполняет системообразующую, генеративную и коммуникативную (передаточную) функции, инициируя формирование совмещенной психологической системы, а вместе с ней новых общих психологических ситуаций и общих участков жизненного мира участников, генерируя индивидуальные новообразования и передавая участникам особенности ценностно-смысловых отношений содержания их сознания» [10, с. 226].

При этом в ходе смыслопередачи осуществляется не только передача, обмен смыслами, но и перестройка ценностно-смысловой сферы участников команды: «в ходе совместной мыслительной деятельности посредством смыслопередачи происходит раскрытие смыслов партнеров, определяя тем самым становление их общих смыслов. Всё это приводит к изменениям смыслового сознания, или смысловых полей многомерного мира испытуемых» [11, с. 121].

Итак, смыслопередача является ключевым процессом в совместной мыслительной деятельности, который способствует появлению качественно новых, общих новообразований. Проявляется это следующим образом. В условиях совместной мыслительной деятельности на индивидуальные новообразования участников, а это, прежде всего, смыслы, цели, мотивы, оценки, оказывают существенное влияние новообразования других участников. Это инициирует «появление качественно новых новообразований, не сводимых к особенностям индивидуальных новообразований каждого участника и имеющих совмещенный (общий) характер» [7, с. 83–84].

Главным общим новообразованием в совместной мыслительной деятельности является общая психологическая ситуация. Именно появление общей психологической ситуации ведет к становлению совместной мыслительной

деятельности: «общая психологическая ситуация служит показателем и основанием для совместной мыслительной деятельности» [7, с. 86].

Общая психологическая ситуация представляет собой некую «площадку», на которой происходит формирование других общих новообразований, это «область, в которой смыслы и ценности предметов одного участника соответствуют смыслам и ценностям другого» [7, с. 87].

Среди образующихся в совместной мыслительной деятельности общих новообразований важнейшее место занимают общие смыслы. Изначально смысл, т. е. роль и место предмета в жизненном мире человека, является индивидуальным образованием. Однако, вступая во взаимодействие, люди начинают предъявлять и передавать друг другу смыслы, «психологические качества предметов» [12, с. 25], которые выражаются в значениях или невербальных и эмоциональных образах, постепенно формируются общие смыслы предметов. Через формирование общей психологической ситуации, образование общих смыслов создаются и другие общие новообразования: цели, мотивы, оценки.

Сформированность общих новообразований отражает стадию, на которой находится совместная деятельность участников команды.

С. М. Джакупов предлагает следующие стадии формирования совместной мыслительной деятельности: «индивидуальные практические действия – совместная практическая деятельность – псевдосовместная мыслительная деятельность – совместная мыслительная деятельность – псевдоиндивидуальная мыслительная деятельность» [13, с. 182]. На стадии псевдосовместной мыслительной деятельности, которую С. М. Джакупов называет «первичной, примитивной стадией развития совместной мыслительной деятельности» [5, с. 2], имеет место только внешняя цель, а общие смыслы и общие мотивы еще не сформированы. И только с образованием общего мотива и, в достаточно большой степени, совпадением индивидуальных смыслов происходит переход к совместной мыслительной деятельности.

Д. А. Леонтьев, рассматривая факторы становления совместной деятельности, указывает на необходимость формирования общего мотива: «по своей структуре совместная деятельность аналогична индивидуальной; отличие же заключается в том, что в своих звеньях она распределена между двумя и более субъектами, у которых в этот момент нет никакой индивидуальной деятельности, отличной от деятельности, совместно распределенной между ними, со-субъектами они выступают. Таким образом, эта деятельность имеет не только общую для ее со-субъектов операционную, но и общую мотивационную смысловую структуру» [6, с. 397–398].

Таким образом, для перехода на стадию совместной мыслительной деятельности участникам команды необходимо как минимум сформировать общие смыслы и мотивы деятельности.

С. Aubé с соавторами называют степень сформированности у участников команды общего представления о работе, которую они должны выполнить, одним из краеугольных камней результативности команды в организации. Общее представление имеет сложное содержание, в него включаются факты, причины происходящих событий, взгляды на будущее команды и т. д.: наличие общих умственных представлений позволяет членам команды интерпретировать имеющуюся информацию похожим образом (что происходит?), схожим образом объяснять события (почему это происходит?) и иметь общие ожидания о предстоящих событиях (что будет дальше?) [14]. Важно отметить, что авторы анализируют феноменологическую сторону общего представления о работе, в отличие от исследований, где затрагиваются объективные аспекты общего понимания работы. С. Aubé с соавторами указывают, что объективные аспекты мысленных представлений необходимы, но недостаточны для стимулирования оптимальной работы команды.

Таким образом, выделяются два аспекта общего понимания: феноменологический (что составляет содержание общего понимания) и объективный (как в работе проявляется общее понимание). Данный феноменологический аспект согласуется с концепцией образования общих новообразований, в первую очередь смыслов. Наличие общих смыслов, целей, оценок, мотивов как раз и позволяет участникам команды, находящимся в общей психологической ситуации, интерпретировать информацию и иметь согласованность относительно причин происходящих с командой событий. Это подтверждает тезис о том, что в совместной деятельности, в особенности в совместной деятельности команды, важна не только общая операционная структура (общее понимание того, «как нам это делать»), но и мотивационная смысловая структура («чем является для нас то, что мы делаем, в контексте чего мы это делаем и для чего»).

Смысловая коммуникация

Общие, межличностные смыслы, возникающие в процессе смыслопередачи, являются базой для формирования общего, совместного смыслового пространства. В исследовании С. М. Джакупова используются схожие понятия смыслового поля и общего смыслового фонда. По его мнению, совместная деятельность «представлена с предметной стороны общим объектом деятельности, а с идеальной – смысловым полем, образованным в результате частичного совпадения смысловых образований» [5, с. 2].

Исследуя феномен «осознанного общего понимания» («perceived shared understanding») на выборке из 101 команды, С. Aubé с соавторами приходят к выводу, что такого рода общее понимание может способствовать гармоничным межличностным отношениям в команде и стимулировать участников

продолжать совместную работу [15]. Авторы указывают, что осознанное общее понимание относится к степени, в которой члены команды верят, что они согласны друг с другом относительно работы, которая должна быть выполнена в команде. Их исследование сосредоточено на мысли о том, что члены команды имеют одинаковое понимание результатов, которые должны быть достигнуты (цели, приоритеты, сроки), и средств их достижения (методов работы, стратегий, распределения ролей и обязанностей) [15]. Метафорично авторы называют такое состояние командного взаимодействия «нахождением на одной странице» («on the same page»).

В современных зарубежных исследованиях подчеркивается важность развития в командах разного рода общего понимания и его связь с коммуникациями в команде. Ph. Cash, E. Dekoninck, S. Ahmed-Kristensen отмечают, что общее понимание является ключевым показателем эффективности коммуникации в распределенных командах, и на основе экспериментальных данных показывают значимость общего понимания и поддержки групповой коммуникации в распределенных группах инженерного проектирования [16]. Особую актуальность вопросы общего понимания приобретают для виртуальных команд, участники которых географически разделены, и состав таких команд часто отличается культурным и функциональным разнообразием [17]. В связи с развитием технологий и мобильности рабочей силы количество команд, участники которых не имеют возможности встречаться непосредственно, будет возрастать. Это побуждает подробнее исследовать вопросы того, как организовать командное взаимодействие в ситуации разнородных групп.

С позиции смыслового подхода осознанное общее понимание может быть понято как проявление сформировавшегося в команде общего смыслового фонда, а одинаковое понимание результатов и средств их достижения отражает успешное формирование общих новообразований. При этом возникает важный вопрос о путях образования общего смыслового фонда и осознанного общего понимания в команде.

Общий смысловой фонд формируется постепенно в совместной мыслительной деятельности и в ходе общения участников. Д. Ф. Даутов, Е. А. Суроедова уточняют, как это осуществляется: «в процессе формирования общего смыслового фонда происходит обмен смысловыми образованиями, обмен информацией о целях, задачах и способах деятельности, обмен оценками и отношениями к деятельности, которая передается с помощью эмоционального канала» [18, с. 57–58].

Общение участников команды может происходить на различных по глубине уровнях: от простой передачи информации до глубинного ценностно-смыслового межличностного общения. При этом в общении на смысловом уровне Д. Ф. Даутов, Е. А. Суроедова выделяют, в свою очередь, два уровня:

1. Смысловая передача предстает как коммуникация и понимание между участниками. Участники могут понимать, принимать, интерпретировать смыслы других участников.
2. На более глубоком и личностно значимом уровне смысловая передача происходит «в диалоге, взаимодействии, в совместной деятельности, когда происходит трансформация ценностно-смысловой сферы личности, ее установок, целей, мотивов» [18, с. 58].

Второй уровень может быть описан термином «смысловая коммуникация», введенным Л. Ц. Кагермазовой. По ее мнению, смысловая коммуникация – это ценностное взаимодействие, которое является «процессуальной составляющей группового смыслообразующего контекста, ориентированной прежде всего на развитие, прежде всего смысловой, ценностной сферы» [9, с. 56]. Технологией, позволяющей реализовать смысловую коммуникацию, является диалог. Понятие о диалоге как технологии направленной трансляции смыслов сегодня активно исследуется в контексте практики учебного процесса. И. В. Абакумова, Л. Ц. Кагермазова, П. Н. Ермаков выделяют межличностный диалог как «средство инициирования смыслообразования обучаемых в процессе обучения, поскольку именно диалог и выступает катализатором смыслообразования, запускающим “поток сознания”, переход от потенциального к актуализированному и определяющим уровень смысловой насыщенности учебного контекста и приоритеты его ценностно-смысловых центраций» [8, с. 103]. В зарубежных работах рассматривается схожая технология поддержки активности участников команд, суть которой состоит в задавании участниками друг другу вопросов, что является ключевым фактором формирования общего понимания [16].

М. А. Фризен рассматривает три смысловые центрации сознания, которые определяют способ осмысления мира человеком: «через личные интересы (эгоцентриция), через нормы и ценности референтной группы (группоцентриция), через ориентацию на благо других людей и человечество в целом (просоциальная центрация)» [19, с. 11]. При этом низкий уровень развития смысловой сферы характеризуется жесткостью, ригидностью центраций, а высокий – гибкостью центраций; доминирующая центрация может дополняться элементами другой центрации.

Сближение участников совместной мыслительной деятельности посредством диалога можно рассматривать как показатель успешной смысловой передачи, а возрастание гибкости центраций участников – как показатель развития их смысловой сферы и общего смыслового поля.

Среди смысловых явлений, возникающих в смысловой коммуникации, стоит выделить смысловой резонанс и смысловой диссонанс.

Понятие смыслового резонанса было введено Е. Л. Доценко при изучении становления совместных смысловых систем в процессе общения.

Смысловым резонансом автор называет обоюдный поиск участниками общения сходства их семантических структур. По мнению Е. Л. Доценко, появление смыслового резонанса происходит следующим образом. Один из партнеров, желая увеличить степень определенности во взаимоотношениях, привносит свое содержание в совместное семантическое поле. Другой партнер ищет сходство и, если находит, делает встречный шаг – вкладывает свое содержание. Далее цикл повторяется, это обеспечивает гибкий баланс между психологическими системами партнеров. «Субъективно момент совпадения переживается как своеобразный душевный резонанс. Рабочим инструментом взаимопонимания становится создаваемая партнерами по общению общая семантическая (смысловая) структура, которая выступает специализированным переводчиком (интерпретатором) с одного субъективного языка на другой» [20, с. 180]. Таким образом, в результате направленной друг на друга активности участников общения достигается глубокое взаимопонимание на ценностно-смысловом уровне, происходящее на фоне образующегося общего смыслового поля.

Смысловой диссонанс представляет собой противоположное явление. Смысловой диссонанс означает несовпадение смыслов участников взаимодействия, ведет к нарушению смысловой коммуникации. По И. В. Абакумовой, М. В. Годунову, «смысловой диссонанс – возникает в случае несогласованности экзистенциальных систем субъектов при коммуникации различного рода. Данное несовпадение смыслов означает сбой их регулятивной функции при “опредмечивании” и “распредмечивании” деятельности, обеспечивающей приемлемое качество взаимодействий» [21, с. 5–6]. Авторы выделяют диссонанс единичных смыслов и диссонанс общих смыслов (в ситуации трансляции межличностных смыслов).

Относительно командного взаимодействия изучение смысловой коммуникации открывает путь к исследованию глубинных смысловых процессов в команде. Общий смысловой фонд выступает результатом, а затем регулятором смыслового взаимодействия, смысловой диалог и достижение смыслового резонанса – конкретными механизмами, обеспечивающими ценностно-смысловой контакт, смысловой диссонанс выступает в качестве смыслового психологического барьера для осуществления деятельности.

Одной из важных характеристик коммуникации в команде является рефлексивность. Е. Hedman-Phillips, J. K. Barge, понимая рефлексивность как степень, в которой члены команды открыто размышляют о групповых целях, стратегиях и процессах, указывают, что исследования подтверждают положительную связь с эффективностью, производительностью команды, наличием инноваций, с облегчением процесса принятия решений; рефлексивность предотвращает сбой при обработке информации в рамках групповых процессов [22].

Условием рефлексии, глубокого анализа своей деятельности командой выступает образование общего смыслового поля, в котором происходит смысловой диалог. В этом случае смыслопередача должна происходить на глубоком, лично-значимом уровне, чтобы обеспечить не просто понимание, а инициирование изменений в ценностно-смысловой сфере участников для изменения их поведения и отношения к работе и командному взаимодействию.

Представление о том, что коммуникация в команде должна быть направлена на формирование общего понимания, присутствует в современных зарубежных работах по изучению командного взаимодействия. С. Aubé с соавторами, давая практические рекомендации руководителям проектов, подчеркивают, что они должны помочь членам своей команды выработать общее понимание работы. Для этого руководители проектов должны не только способствовать хорошей коммуникации между членами на регулярной основе, но и организовывать семинары по стратегическому планированию, тренинги по командообразованию, упражнения на командную рефлексивность [14]. Эти мероприятия, по сути, являются внешней формой, в которую может быть облечена смысловая коммуникация, и действиями по формированию общего смыслового фонда.

Развивать и поддерживать смысловую коммуникацию в команде очень важно, установление такой коммуникации отражает высокое качество взаимодействия участников. Как установили Sh. L. Marlow с соавторами в мета-анализе, посвященном исследованию коммуникации в команде, качество связи имеет значительно более сильную связь с работой команды, чем частота общения [23].

Сплоченность команды как отражение протекания смысловых процессов

Сплоченность группы в зарубежной психологии и коллектива в отечественной является давним предметом изучения. В отечественной психологии значительный вклад в изучение сплоченности внесли такие исследователи, как А. В. Петровский, А. И. Донцов, А. Л. Журавлев. Сплоченность рассматривается как одна из важнейших характеристик группы, связанная с другими групповыми явлениями и характеристиками: эффективностью, особенностями организации совместной деятельности, мотивационной сферой, уровнем развития группы [24].

При этом взгляды на природу сплоченности отличаются большим разнообразием. В традиционном отечественном стратометрическом подходе к исследованию коллективов сплоченность понималась как ценностно-ориентационное единство. А. В. Сидоренков и А. Л. Мондрус выделяют ряд ключевых аспектов сплоченности, которые рассматриваются в разных подходах:

аттракция как межличностная привлекательность членов группы или группы в целом для ее членов; социально-перцептивные процессы как плоскость межличностных связей или связей членов с группой; символическая активность как усвоение профессионального языка, ролей, ритуалов [25]; также исследованы эмоциональные детерминанты сплоченности [26]. Авторы предлагают различать два вида сплоченности: предметно-деятельностную, которая относится к совместной деятельности, и социально-психологическую, которая относится к сфере общения. Это соотносится с теорией групп и коллективов А. В. Петровского, в которой сплоченность относилась к межличностным связям, опосредованным содержанием совместной деятельности, в отличие от межличностных связей возникающим вне совместной деятельности [27].

Вышеописанные представления о сплоченности групп и коллективов справедливы и для команд, т. к. команда является специфическим видом группы и так же, как и коллектив, осуществляет целенаправленную деятельность. При этом, поскольку в основе командного взаимодействия лежит совместная мыслительная деятельность, наибольшее значение для команды приобретает сплоченность, опосредованная содержанием совместной деятельности, – предметно-деятельностная сплоченность.

В смысловом подходе к командному взаимодействию основанием сплоченности могут быть названы общие новообразования, а степень их сформированности – индикатором уровня сплоченности. Это согласуется с классическими отечественными исследованиями. А. И. Донцов рассматривал сплоченность группы как схожесть ценностных представлений о цели общей деятельности и их актуализации в практике [28]. Ценностные представления участников команды, рассмотренные в рамках концепции совместной мыслительной деятельности, – это, по сути, смыслы совместной деятельности. Схожесть смыслов возникает в случае успешного осуществления процесса смыслопередачи, в условиях, когда между участниками команды установлена смысловая коммуникация. Таким образом, сплоченность команды можно определить как готовность участников к смыслопередаче, смыслопостижению, к ценностному и смысловому взаимодействию.

Сплоченность команды, прежде всего предметно-деятельностная, выступает показателем развития совместной мыслительной деятельности. Она означает, что участники команды достигли высокой степени взаимопонимания за счет образования значительных совмещенных участков их жизненных миров. Понимание сплоченности как определенного уровня развития смысловой сферы команды открывает возможность применения новых методов ее достижения: диалога, смыслового резонанса, сближения по смысловым центрациям. В то же время, смысловой диссонанс может рассматриваться как препятствие к достижению сплоченности команды.

В этом контексте сплоченность команды можно рассматривать как предпосылку успешной реализации распределенного или совместного лидерства в командах, когда не один человек является лидером, а остальные ведомыми, но все участники принимают участие в принятии решений. По мнению J. B. Carson, P. E. Tesluk, J. A. Marrone, совместное лидерство является критическим фактором, который может улучшить производительность команды, но для его появления и развития необходимо уделять внимание таким аспектам командной работы, как общая цель, социальная поддержка участниками команды друг друга и «голос» (активное участие каждого члена команды) [29]. С.-Н. Huang после исследования 35 рабочих команд обнаружил значительное положительное влияние совместного лидерства на обучение команды [30]. Именно сплоченность команды как отражение успеха смысловой коммуникации и высокого уровня динамики межличностных смыслов позволяет участникам чувствовать себя уверенно в ситуации командного взаимодействия, свободно себя проявлять и включаться в общее управление командными процессами.

Заключение

Команда представляет собой многомерный объект исследования, находящийся на стыке нескольких дисциплин, каждая из которых освещает одну из сторон команды. В социальной психологии рассматриваются, прежде всего, социально-психологические аспекты межличностного взаимодействия участников команды, в менеджменте в центре внимания находятся условия наиболее эффективной организации командной работы. Еще одной важной стороной командного взаимодействия являются смысловые процессы и явления, – их изучение можно объединить в рамках смыслового подхода.

Анализ литературы по данной теме позволяет сделать вывод о том, что процессы смыслопередачи и формирования общих новообразований имеют ключевое значение для командного взаимодействия, т. к. они являются основой для становления совместной мыслительной деятельности. Смысловая коммуникация является особым видом коммуникации, ее наличие и поддержание между участниками команды способствует созданию общего смыслового фонда – важнейшего общего психологического образования. Технологией, которая активизирует и инициирует процесс смысловой коммуникации, является диалог между участниками команды. Становление смысловой коммуникации осуществляется через достижение участниками смыслового резонанса в попытках установить взаимопонимание через соотнесение своего содержания с содержанием партнера. Несовпадение смыслов переживается участниками команды как смысловой диссонанс и представляется не только как барьер для смысловой коммуникации, но и для всей командной деятельности в целом. Индикаторами развития смысловой сферы участников и смыслового поля команды являются

феномены сближения по смысловым центрациям и высокий уровень сплоченности, понимаемый как готовность к смысловому взаимодействию.

Таким образом, смысловой подход является дополнением к существующим исследованиям команд; в то же время он позволяет раскрыть специфические смысловые аспекты командного взаимодействия. Исследование смысловых процессов и явлений в команде представляется актуальным и перспективным направлением, при этом для более полного понимания смысловой динамики конкретно в командном взаимодействии требуется дальнейшее теоретическое и методологическое развитие данной темы, а эмпирические исследования смысловых аспектов командного взаимодействия могли бы уточнить теоретические модели.

Литература

1. *Шмаков Б. В., Фомин М. А.* Уточнение содержания понятия «команда» в концепции управления проектом // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции. Секции экономики, управления и права. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 763–770.
2. *O'Neill T. A., Salas E.* Creating high performance teamwork in organizations // Human Resource Management Review. 2018. Vol. 28, Issue 4. P. 325–331. DOI: [10.1016/j.hrmmr.2017.09.001](https://doi.org/10.1016/j.hrmmr.2017.09.001)
3. *Hagemann V., Kluge A.* Complex Problem Solving in Teams: The Impact of Collective Orientation on Team Process Demands // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8, Article 1730. DOI: [10.3389/fpsyg.2017.01730](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01730)
4. *Чанько А. Д.* Командообразование в современных организациях: междисциплинарный синтез психологии и менеджмента // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2007. № 2. С. 157–177.
5. *Джакупов С. М.* Целеобразование в совместной мыслительной деятельности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 1985. 22 с.
6. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
7. *Белоусова А. К.* Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2002. 360 с.
8. *Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Ермаков П. Н.* Технологии направленной трансляции смыслов в практике учебного процесса: монография. М.: КРЕДО, 2016. 234 с.
9. *Кагермазова Л. Ц.* Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технологии направленной трансляции смыслов в обучении: автореферат дисс. ... д-ра психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 66 с.
10. *Белоусова А. К.* Смыслопередача в совместной мыслительной деятельности // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии

- и в общественной жизни: Материалы Всероссийской психологической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2014 г.). М.: КРЕДО, 2014. С. 225–226.
11. *Даутов Д. Ф., Белоусова А. К.* Взаимовлияние партнеров в совместной мыслительной деятельности в практике обучения // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 9. С. 117–127.
  12. *Белоусова А. К.* Смыслопередача и её роль в образовании совмещённой психологической системы // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 22–28.
  13. *Джакупов С. М.* Развитие смысловой теории мышления в концепции совместно-диалогической познавательной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 180–188.
  14. *Aubé C., Rousseau V., Brunelle E. et al.* The relevance of being “on the same page” to succeed as a project team: A moderated mediation model // *Motivation and Emotion*. 2018. Vol. 42, Issue 6. P. 804–815. DOI: [10.1007/s11031-018-9706-2](https://doi.org/10.1007/s11031-018-9706-2)
  15. *Aubé C., Rousseau V., Tremblay S.* Perceived shared understanding in teams: The motivational effect of being ‘on the same page’ // *British Journal of Psychology*. 2015. Vol. 106, Issue 3. P. 468–486. DOI: [10.1111/bjop.12099](https://doi.org/10.1111/bjop.12099)
  16. *Cash P., Dekoninck E. A., & Ahmed-Kristensen S.* Supporting the development of shared understanding in distributed design teams // *Journal of Engineering Design*. 2017. Vol. 28, Issue 3. P. 147–170. DOI: [10.1080/09544828.2016.1274719](https://doi.org/10.1080/09544828.2016.1274719)
  17. *Paul S., He F., Dennis A. R.* Group Atmosphere, Shared Understanding, and Team Conflict in Short Duration Virtual Teams // *Proceedings of the 51st Hawaii International Conference on System Sciences*. Honolulu, 2018. P. 361–370. DOI: [10.125/49935](https://doi.org/10.125/49935)
  18. *Даутов Д. Ф., Суроедова Е. А.* Феномены совместной мыслительной деятельности. Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 2012. 168 с.
  19. *Фризен М. А.* Особенности развития смысловой сферы подростков: автореферат дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 23 с.
  20. *Доценко Е. Л.* Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. 202 с.
  21. *Абакумова И. В., Годунов М. В.* Смысловой диссонанс и альтернативное оценивание свойств личности // *Национальное здоровье*. 2017. № 1–2. С. 137–150.
  22. *Hedman-Phillips E., Kevin Barge J.* Facilitating Team Reflexivity About Communication // *Small Group Research*. 2017. Vol. 48, Issue 3. P. 255–287. DOI: [10.1177/1046496416684962](https://doi.org/10.1177/1046496416684962)
  23. *Marlow Sh. L., Lacerenza C. N., Paoletti J., et al.* Does team communication represent a one-size-fits-all approach?: A meta-analysis of team communication and performance // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2018. Vol. 144. P. 145–170. DOI: [10.1016/j.obhdp.2017.08.001](https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2017.08.001)

24. Психология малой группы: ретроспективный научно-вспомогательный указатель отечественных трудов / под ред. А. В. Сидоренкова. М.: КРЕДО, 2014. 268 с.
25. Сидоренков А. В., Мондрус А. Л. Эмпирическое обоснование модели групповой сплоченности // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 2. С. 45–58.
26. Сысоева А. И. Эмоциональные детерминанты сплоченности малых групп // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 204–207.
27. Немов Р. С., Шестаков А. Г. Сплоченность как фактор групповой эффективности // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 113–119.
28. Донцов А. И. Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во МГУ, 1979. 126 с.
29. Carson J. B., Tesluk P. E., Marrone J. A. Shared Leadership in Teams: An Investigation of Antecedent Conditions and Performance // Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50, № 5. P. 1217–1234. DOI: [10.5465/amj.2007.20159921](https://doi.org/10.5465/amj.2007.20159921)
30. Huang C.-H. Shared Leadership and Team Learning: Roles of Knowledge Sharing and Team Characteristics // The Journal of International Management Studies. 2013. Vol. 8, № 1. P. 124–133.

References

1. Shmakov B. V., Fomin M. A. Utochnenie sodержaniya ponyatiya «komanda» v kontseptsii upravleniya proektom [Clarification of the concept of team in the theory of project management]. *Nauka YuUrGU: materialy 67-i nauchnoi konferentsii. Seksii ekonomiki, upravleniya i prava* [Nauka SUSU: Proceedings of the 67th Theoretical Conference: Sections in economics, management and law]. Chelyabinsk, SUSU Publ., 2015, pp. 763–770.
2. O'Neill T. A., Salas E. Creating high performance teamwork in organizations. *Human Resource Management Review*, 2018, V. 28, Issue 4, pp. 325–331. DOI: [10.1016/j.hrmr.2017.09.001](https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2017.09.001)
3. Hagemann V., Kluge A. Complex problem solving in teams: The impact of collective orientation on team process demands. *Frontiers in Psychology*, 2017, V. 8, Article 1730. DOI: [10.3389/fpsyg.2017.01730](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01730)
4. Chanko A. D. Team building in modern organizations: An interdisciplinary synthesis of psychology and management. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8. Menedzhment – Bulletin of St. Petersburg University: Series 8: Management*, 2007, no. 2, pp. 157–177 (in Russian).
5. Dzhakupov S. M. *Tseleobrazovanie v sovmestnoi myslitel'noi deyatel'nosti* [Goal formation in joint mental activity]. Diss. Cand. Sci. (Psych.), 1985.
6. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p.

7. Belousova A. K. *Samoorganizatsiya sovmestnoi myslitel'noi deyatelnosti* [Self-organization of joint mental activity]. Rostov-on-Don, RSPU Publ., 2002. 360 p.
8. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts., Ermakov P. N. *Tekhnologii napravlennoi translyatsii smyslov v praktike uchebnogo protsessa* [Technologies of the directed translation of meanings in the educational process]. Moscow, Kredo Publ., 2016. 234 p.
9. Kagermazova L. Ts. *Smyslovye kommunikatsii v uchebnom protsesse: teoriya i tekhnologii napravlennoi translyatsii smyslov v obuchenii* [Meaning communications in the educational process: Theory and technologies of the directed translation of meanings in training]. Rostov-on-Don, 2009. 66 p.
10. Belousova A. K. *Smysloperedacha v sovmestnoi myslitel'noi deyatelnosti* [Meaning transmission in joint mental activity]. *Kategoriya smysla v filosofii, psikhologii, psikhoterapii i v obshchestvennoi zhizni: Materialy Vserossiiskoi psikhologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The category of meaning in philosophy, psychology, psychotherapy, and in public life: Proc. the all-Russian psychological conference with the international participation]. Rostov-on-Don, Kredo Publ., 23–26 April, 2014, pp. 225–226.
11. Dautov D. F., Belousova A. K. Mutual interaction of partners in joint mental activity in training. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of the Southern Federal University: Pedagogical Science*, 2009, no. 9, pp. 117–127 (in Russian).
12. Belousova A. K. Meaning transmission and its role in the formation of a combined psychological system. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal – Siberian Psychological Journal*, 2004, no. 20, pp. 22–28 (in Russian).
13. Dzhakupov S. M. Development of the meaning theory of thinking in the concept of co-dialogical cognitive activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*, 2008, no. 2, pp. 180–188 (in Russian).
14. Aubé C., Rousseau V., Brunelle E. et al. The relevance of being “on the same page” to succeed as a project team: A moderated mediation model. *Motivation and Emotion*, 2018, V. 42, Issue 6, pp. 804–815. DOI: [10.1007/s11031-018-9706-2](https://doi.org/10.1007/s11031-018-9706-2)
15. Aubé C., Rousseau V., Tremblay S. Perceived shared understanding in teams: The motivational effect of being ‘on the same page’. *British Journal of Psychology*, 2015, V. 106, Issue 3, pp. 468–486. DOI: [10.1111/bjop.12099](https://doi.org/10.1111/bjop.12099)
16. Cash P., Dekoninck E. A., & Ahmed-Kristensen S. Supporting the development of shared understanding in distributed design teams. *Journal of Engineering Design*, 2017, V. 28, Issue 3, pp. 147–170. DOI: [10.1080/09544828.2016.1274719](https://doi.org/10.1080/09544828.2016.1274719)
17. Paul S., He F., Dennis A. R. Group atmosphere, shared understanding, and team conflict in short duration virtual teams. *Proceedings of the 51st Hawaii International Conference on System Sciences*. Honolulu, 2018, pp. 361–370. DOI: [10.125/49935](https://doi.org/10.125/49935)

18. Dautov D. F., Suroedova E. A. *Fenomeny sovместnoi myslitel'noi deyatelnosti* [Phenomena of joint mental activity]. Rostov-on-Don, DSTU Publ., 2012. 168 p.
19. Frizen M. A. *Osobennosti razvitiya smyslovoi sfery podrostkov* [Characteristics of the development of adolescents' meaning sphere]. Khabarovsk, 2005.
20. Dotsenko E. L. *Mezhlichnostnoe obshchenie: semantika i mekhanizmy* [Interpersonal communication: Semantics and mechanisms]. Tyumen, Togirro Publ., 1998. 202 p.
21. Abakumova I. V., Godunov M. V. Meaning dissonance and alternative assessment of personality traits. *Natsional'noe zdorov'e – National Health*, 2017, no. 1–2, pp. 137–150 (in Russian).
22. Hedman-Phillips E., Kevin Barge J. Facilitating team reflexivity about communication. *Small Group Research*, 2017, V. 48, Issue 3, pp. 255–287. DOI: [10.1177/1046496416684962](https://doi.org/10.1177/1046496416684962)
23. Marlow Sh. L., Lacerenza C. N., Paoletti J., et al. Does team communication represent a one-size-fits-all approach?: A meta-analysis of team communication and performance. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018, V. 144, pp. 145–170. DOI: [10.1016/j.obhdp.2017.08.001](https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2017.08.001)
24. Sidorenkov A. V. (ed.) *Psikhologiya maloi gruppy: retrospektivnyi nauchno-vspomogatel'nyi ukazatel' otechestvennykh trudov* [The psychology of small groups: A retrospective research-accessory index of domestic works.]. Moscow, Credo Publ., 2014. 268 p.
25. Sidorenkov A. V., Mondrus A. L. Empirical foundation for the model of group cohesion. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2012, V. 33, no. 2, pp. 45–58 (in Russian).
26. Sysoeva A. I. Emotional determinants of cohesion in small groups. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 20, pp. 204–207 (in Russian).
27. Nemov R. S., Shestakov A. G. Cohesion as a factor of group efficiency. *Voprosy psikhologii*, 1981, no. 3, pp. 113–119 (in Russian).
28. Dontsov A. I. *Problemy gruppovoi splochnosti* [Problems of group cohesion]. Moscow, Moscow State University Publ., 1979. 126 p.
29. Carson J. B., Tesluk P. E., Marrone J. A. Shared leadership in teams: An investigation of antecedent conditions and performance. *Academy of Management Journal*, 2007, V. 50, no. 5, pp. 1217–1234. DOI: [10.5465/amj.2007.20159921](https://doi.org/10.5465/amj.2007.20159921)
30. Huang C.-H. Shared leadership and team learning: Roles of knowledge sharing and team characteristics. *The Journal of International Management Studies*, 2013, V. 8, no. 1, pp. 124–133.

Стратегии смыслообразования: переход от дуальности к триалектике

Ирина В. Абакумова¹, Михаил В. Годунов^{2*}, Денис В. Пеньков³

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Школа Сотворчества», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования», г. Краснодар, Российская Федерация

* E-mail: godunmv997@gmail.com

Аннотация

Введение. Авторы предлагают, исходя из проведенных ранее исследований смыслообразования на основе биполярных семантических шкал личностных свойств, переходить к триалектическому изучению стратегий смыслообразования. Такой взгляд обеспечивает проведение мультифакторной диагностики ценностно-смысловой сферы для более качественного моделирования поведения человека в различных ситуациях взаимодействий.

Теоретическое обоснование. В соответствии с трехуровневой внутренне-целостной моделью личности по Д. А. Леонтьеву, имеется некоторое взаимное соответствие между личностными смыслами и личностными свойствами, проявляемыми во взаимодействиях различного порядка. При рассмотрении телесности, чувственности, ментальности, каузальности и парадоксальности, как планов взаимодействия и развития личности, авторами предлагается рассматривать смыслы как полимодальные каузальные образы поступков и отношений.

Результаты и их обсуждение. Смыслообразующая стратегия определяет направление и качественное содержание генерируемого образа-смысла. Для более адекватного моделирования возможных стратегий, отражающих ключевые свойства личности, авторы считают целесообразным переходить на следующий – триалектический уровень рассмотрения смысловой системы. В качестве оригинального подхода предлагается соответствующая триада: гиподаaptивная, гипердаaptивная и преадаaptивная смыслообразующие стратегии. Это позволяет направить фокус исследовательского внимания на установление соотношений между данными смыслообразующими стратегиями как полюсами разнопланового развития личности. Такие соотношения могут выявляться благодаря наличию некоторого взаимного соответствия между ценностно-смысловой сферой и личностными свойствами,

проявляемыми в различных ситуационных взаимодействиях. Предлагаемый подход позволяет выявлять личностный профиль, выступающий мультифакторной моделью возможных состояний ценностно-смысловой сферы переживающего субъекта. В плане моделирования поведения выявляемый личностный профиль отражает не только направленность смысловой регуляции, но и качественное содержание генезиса личностных смыслов – показывает актуальную стратегию образования смыслов, являющихся полимодальными каузальными образами отношений и поступков.

Ключевые слова

смысл, смысловая сфера, смыслообразование, стратегия смыслообразования, свойство личности, полярная шкала, троичность, гиподаaptивная стратегия, гипердаaptивная стратегия, преадаaptивная стратегия

Основные положения

- ▶ смыслы рассматриваются как полимодальные каузальные образы исходя из иерархии влияния на функционирование личности;
- ▶ дополнено понятие стратегии смыслообразования и предложены определения троичных смыслообразующих стратегий: гиподаaptивной, гипердаaptивной и преадаaptивной;
- ▶ на основе взаимного соответствия смыслов и свойств личности предлагается использовать троичные шкалы личностных свойств для описания смыслообразующих стратегий.

Для цитирования

Абакумова И. В., Годунов М. В., Пеньков Д. В. Стратегии смыслообразования: переход от дуальности к триалектике // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 52–76. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.3

Материалы статьи получены 02.08.2018

UDC 159.99

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.3)

Meaning-Building Strategies: Transition From Duality to Trialectics

Irina V. Abakumova¹, Mikhail V. Godunov^{2*}, Denis V. Penkov³

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² School of Co-Creation, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Krasnodar Multidisciplinary Institute of Continuing Education, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: godunmv997@gmail.com

Abstract

Introduction. The authors suggest that instead of bipolar semantic scales of personal traits the focus of research on meaning-building should be shifted towards a trialectical framework of meaning-building strategies. This approach provides a multi-factor diagnosis of the value-meaning sphere of personality for better modeling of human behavior in various interaction situations.

Theoretical Basis. According to Leontiev's three-level internal integral model of personality, there are certain mutual correspondences between personal meanings and personal traits that manifest themselves in various interactions. In considering corporality, sensuality, mentality, causality, and paradoxicality as the areas for individuals' collaboration and development, meanings appear to be causal polymodal images of actions and relations.

Results and Discussion. Meaning-building strategy determines the orientation and content of the generated image-meaning. A trialectical framework for the consideration of the meaning system may help to provide more adequate modeling tools of possible strategies, which correspond to basic personal traits. The authors suggest an original approach which is based on the corresponding triad, namely hypoadaptive, hyperadaptive, and preadaptive meaning-building strategies. Thus, it is possible to establish correlations among these meaning-building strategies as poles of the multifaceted development of personality. Certain mutual correspondences between the value-meaning sphere and personal traits, which manifest themselves in various interaction situations, can help determine these correlations. The approach proposed by the authors is instrumental in revealing a personal profile as a multifactor model of possible states of the value-meaning sphere of the experiencing subject. In terms of behavior modeling, the revealed personal profile may not only determine the orientation of meaning regulation but also disclose the qualitative content of the genesis of personal meanings and demonstrates an actual strategy of building meanings as polymodal causal images of relations and actions.

Keywords

meaning, meaning sphere, meaning-building, meaning-building strategy, personality trait, polar scale, triplicity, hypoadaptive strategy, hyperadaptive strategy, preadaptive strategy

Highlights

- ▶ Based on the hierarchy of the influence on the functioning of personality, meanings can be considered as polymodal causal images.
- ▶ This study broadens the notion of meaning-building strategies and proposes a definition of triplicate meaning-building strategies – hypoadaptive, hyperadaptive, and preadaptive.

► Because of mutual correspondences between personal meanings and personal traits, triad scales of personal traits may be used to describe meaning-building strategies.

For citation

Abakumova I. V., Godunov M. V., Penkov D. V. Meaning-Building Strategies: Transition From Duality to Triadics. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 52–76 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.3

Original manuscript received 02.08.2018

Введение

При исследовании смысловой регуляции ранее нами рассматривалась элементарная персонологическая модель на основе дуальных соотношений личностных свойств [1]. Их представление в виде ансамбля биполярных семантических шкал показывало две стратегии организации смысловой сферы – позитивное развитие или деградацию личности. Данный подход сводил все многообразие вариантов развития личности к парным противопоставлениям. Однако после такого логически простейшего дуального описания для более адекватного представления многомерной смысловой реальности требуется переходить на следующий методологический уровень.

В данной статье генезис свойств личности и обуславливающих их личностных смыслов рассматривается с триалектических позиций на основе троичности смыслообразующих стратегий. Такой методологический подход позволяет проводить мультифакторную диагностику и качественную интерпретацию различных состояний ценностно-смысловой сферы личности для моделирования ее поведения в различных жизненных ситуациях. Это помогает осознанию особенностей своего бытия и инобытия как условий духовного самосовершенствования в пути самотрансценденции.

Целью данной статьи являются теоретическое обоснование перехода от дуальной к триадной модели смыслообразующих стратегий и их описание.

Теоретическое обоснование

Следование холистическому взгляду на поведение человека предполагает при исследовании смысловой сферы изучение глубинных внутренних состояний (воспринимаемых значений происходящего как личностных смыслов) в совокупности с внешними проявлениями свойств его личности. Связи между внутренними смыслами и внешними свойствами личности составляют познавательный интерес в плане моделирования взаимного влияния ее структурных уровней для прогнозирования поведения в ситуациях взаимодействий. Согласно внутренне-целостной трехуровневой модели личности [2], имеется

иерархическая система: мировоззренческое ядро, ценностно-смысловая сфера внутреннего мира и внешняя оболочка экспрессивно-инструментального уровня, отражающего характер, способности и роли взаимодействующего субъекта.

В рамках культурно-исторической концепции смысл первоначально рассматривался Л. С. Выготским как психолингвистическая категория. Она преобладает над значением высказывания, имея при этом доречевую природу, как аффективное отношение к внешнему миру [3]. Категория отношений в трудах В. Н. Мясищева рассматривается как результат отражения в сознании объективно существующего микро- и макробытия человека. При этом для формирования личностных свойств, составляющих нравственное ядро, в процессе деятельности необходимо организовывать отношения личности определенным образом: побуждать к сотрудничеству, взаимопомощи, коллективизму, подкреплять ход деятельности взаимоотношениями, побуждающими к нравственным поступкам [4]. Л. С. Выготским намечена позиция об обусловленности смысла мотивом деятельности, что впоследствии подробно рассмотрено А. Н. Леонтьевым [5]. Он доказал, что отношение мотива генерирует смысл, который, будучи пропущенным через такое отношение личности к происходящему, становится при этом личностным смыслом. Поэтому личностные смыслы имеют не только интеллектуальное содержание, но и глубокую эмоциональную окраску, как переживание.

По мнению В. М. Аллахвердова, приписывание смысла происходит в результате работы механизмов сознания, которые могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми. Такая работа заключается в том, что любой стимул или текст имеет не одно значение, при этом часть значений может восприниматься и при этом не осознаваться. Другая часть значений может осознаваться при условии непротиворечивого логического соединения с другими принятыми сознанием значениями. Приписанный сознанием смысл является одновременно и позитивным и негативным выбором, который имеет тенденцию к последствию [6]. Дальнейшая поступающая семантическая информация обрабатывается сознанием с учетом ранее сохраненных личностных смыслов как механизмов выделения и выбора.

А. В. Карпов считает, что изучение проблематики сознания является фундаментальной задачей общенаучного значения, и предлагает ее исследование с позиций метасистемного подхода. Его суть состоит в необходимости учета и привлечения в гносеологический арсенал методологического положения о том, что сознание относится к особому классу систем. В качестве кардинального отличия такой неклассической системы выступает локализация метасистемы [7]. Система сознания не только взаимодействует с внеположной объективной реальностью посредством психики как метасистемы, но и в своем собственно внутреннем содержании отражает метасистему.

Таким образом, внешняя локализация метасистемы является не единственно возможной, а имеет место внутренняя локализация системы сознания, что становится очевидным на примере психики. Получаемое «удвоение бытия» в силу отражательного атрибута психики означает существование в сознании субъективной реальности – внутренней. Таким образом, сознание, как система со встроенным метасистемным уровнем психики, самопрезентируется, формируя «бытие-для-себя», а точнее «психику-для-себя», что представляется единственно возможной формой субъективного существования психики. Данное встраивание в систему сознания метасистемы психики означает, что последняя фактически прекращает свое субъективное существование и трансформируется в бессознательное. Такое субъективное бессознательное самим индивидом не может ощущаться по определению, хотя психика объективно формирует такой функционально необходимый механизм конституирования системы сознания [7]. Для него порождаемое бессознательное обладает противоположно качественным определением, следовательно, посредством такого механизма порождения бессознательного вносится неопределенность в работу сознания. Тогда стратегией поведения индивида для достижения наилучшей адаптации в окружающем мире исследователь предлагает обеспечивать более полное и адекватное совпадение внутренней и внешней реальности в сознании. Это означает требование максимального подобия объективной реальности по отношению к содержательным и информационным характеристикам психики [7].

При рассмотрении когнитивных механизмов работы сознания, по данным А. Ю. Агафонова, человеком в данный момент времени может осознаваться только та часть информации, которую он понимает. При этом в своей памяти он хранит намного больше информации, чем он способен узнать или вспомнить. При восприятии многозначных и неопределенных стимулов осознание возможно лишь в условиях выбора из образцов понимания внешних воздействий, которые уже наличествуют, присутствуют в сознании, но не осознаются [8]. Эмпирическое исследование эффектов прайминга (действия предшествующего подобного стимула) показывает, что осознание возникает как завершающий результат неосознаваемых поисковых процессов по интерпретации внешних воздействий. На выбор при принятии решения оказывает действие сила влияния как ранее осознанной, так и неосознанной информации. Также на осознание существенно влияет актуальная иррелевантная информация, даже если она не осознается. Поэтому процесс осознания является неизбежным следствием конкурирующего выбора среди неосознаваемых ходов понимания [8]. Тогда сознание рассматривается как множественное понимание, означающее приписывание нескольких смыслов для каждого явления действительности.

С позиций экспериментальной психосемантики, по данным В. Ф. Петренко, в сознании переживающего субъекта содержится неповторимое семантическое пространство. В нем, как в уникальном «звездном небе», содержатся личностные смыслы как отражение отношений человека к единичным объектам [9]. Такая смысловая неповторимость является системой ориентиров для встраивания в сознание других людей, т. к. понимание человека возможно посредством переживания и прочувствования смоделированной системы смысловых конструкторов. С такой понимающей позиции открывается взгляд на становление личности через «веер возможностей» [9, с. 98], в силу того, что человек обладает загадочной способностью – свободой воли.

При изучении смыслообразования интерес представляет не только генезис смыслового плана, поскольку личность – не есть законченный продукт, а скорее процесс [10], но и содержательное описание личности. Такое описание помогает проявить «веер возможностей» как набор путей развития личности посредством выявления актуальных личностных свойств. Такое описание на языке свойств (черт) означает системный взгляд на проблематику личности, поскольку смысловой подход, показывающий динамику изменения личности, необходимо дополнять определением ее актуальных свойств, отражающих состояние как комплексный психологический портрет. Например, Р. Кэттелл *«предположил, что каждое слово, обозначающее то или иное свойство человека, потенциально представляет собой черту личности»* [цит. по: 11, с. 569].

Поскольку характер, согласно трехуровневой структуре личности по Д. А. Леонтьеву, является частью личности и входит в оболочку внешнего экспрессивно-инструментального уровня [2], то понятие «свойство личности» шире понятия «черта характера». Известно, что свойство личности – отличительный признак, элемент личности, выражающий суть внешних и внутренних взаимодействий [1]. Исходя из этого, в рассматриваемой модели личности ее внешняя оболочка содержит свойства личности, проявляемые человеком в различных взаимодействиях. Будем рассматривать отношения, возникающие между смыслами и свойствами личности, как взаимно обусловленные и обладающие некоторым взаимным соответствием [1]. С одной стороны, это означает, что личностные свойства отражают только те смыслы, которые присутствуют в ценностно-смысловой сфере и мировоззренческом ядре данной личности. С другой стороны, под воздействием личностных смыслов формируются особенности взаимодействий и оценок-отношений в различных ситуациях, что выражается соответствующими личностными свойствами как отличительными признаками. Такая особенность находит выражение в том, что термин «смыслообразование» на английский язык более корректно переводить как «meaning-building» вместо формального

перевода «sense-formation», с чем авторы сталкивались при переводе своих работ и изучении современных зарубежных источников.

В процессе своей жизни человек осуществляет различные взаимодействия как внутреннего, так и внешнего порядка с различной степенью согласованности [12]. Рассмотрим многомерность возникающих отношений и деятельности более подробно с позиций иерархии влияния на функционирование личности. В качестве планов развития и взаимодействия личности рассмотрим: телесность, чувственность, ментальность, каузальность, парадоксальность.

План *телесности*, как одна из интегральных характеристик экзистенциального опыта человека, с одной стороны, является фундаментом его психики, что подробно рассматривается в психоанализе. С другой стороны, в истории философских исследований дуализма тела и души показывается, что тело одухотворено, а душа телесна. Поэтому в настоящее время телесность, прежде всего, рассматривается с позиций биологического и социального, родового и универсального бытия, где жизнь выступает основополагающей человеческой ценностью. Телесность понимается не как сумма органов тела, а является в некоторой степени культивированным телом, приобретающим в дополнение к своим естественным характеристикам такие качества, которые формируются исторически для адаптации человека сначала в природной, а потом в социокультурной среде [13]. Телесность является предметом исследования для психологии экспрессивного поведения и телесно-ориентированных дисциплин психологии.

В плане *чувственности* содержится способность человека переживать аффективные состояния – эмоции (удовольствие, страдание, гнев и т. п.). В контексте гносеологии это отражает способность к «чувственному познанию» – восприятие посредством органов чувств. В кантовской философии указывается, что чувственность является способностью пассивного созерцания вследствие внешних воздействий, в отличие от интеллектуального созерцания. Чувственное представление, в отличие от рассудочного, показывает единичный предмет и дает непосредственное знание о нем. При этом априорными считаются только две формы чувственности – время, как форма внутреннего чувства, и пространство, как форма внешнего чувства [14]. Современные представления о чувственности как о восприятии окружающего и безразличном к нему отношении рассматривают это только как предпосылку субъективного оценочного отношения. Однако это отношение-оценка становится возможным благодаря существованию некоторых объективных образцов и норм, задаваемых рассудком. Такие нормы вырабатываются в процессе предметно-практической деятельности человечества в истории и закрепляются в культурный идеал как единство познавательного, этического и эстетического [5].

План *ментальности* (лат. «*mens*» – ум, мышление) содержит совокупность сознательных и бессознательных установок и предрасположенностей индивидов, а также социальных групп к определенному типу ценностей, мышления и действия. Менталитет человека, как образ мышления, представляет собой устойчивые психокультурные характеристики его сознания, которым относятся поведение, психологические реакции и приспособляемость к окружающей среде. Менталитет подразумевает также сопричастность человека к прошлому – как личному, родовому, так и историческому [15]. Ментальные схемы составляют план грубой информации, управляющей планом чувств. Именно на ментальном уровне содержатся семантические поля как поля значений для обозначения происходящего. В качестве управляющего сигнала ментальные программы могут обеспечивать наступление семантического биорезонанса – явления усиления информационного воздействия на биологический объект в тех случаях, когда это информационное воздействие является семантически подобным внутренней семантической природе объекта [16].

В плане *каузальности* (нем. «*cause*» – причина) происходит формирование упорядоченной (с разной степенью) картины мира в сознании человека, который выделяет источники и результаты происходящего. Это преследует главную цель – построение на основе имеющихся телесных, чувственных и ментальных данных по возможности непротиворечивой и целостной системы отображения реальности. Это установление, исходя из необходимости действующих закономерностей, таких, как детерминизм (лат. «*determino*» – определяю), происходит в соответствии с универсальным законом причины и следствия. Категория причинности напрямую связана с пониманием механизмов строения мира и его познания. Именно на основе причинного воздействия по цепям причинно-следственных связей осуществляются создание, передача, хранение, обработка и использование информации в биологических и искусственных системах [16].

В классической рациональности имеет место «лапласовский детерминизм» как крайне упрощенное проявление детерминизма, которому присущи: монокаузальность как обусловленность только одной причиной; отсутствие случайностей, являющихся причинами непознанного порядка; понимание свободы как познанной необходимости. Для постнеклассического выхода из созданного замкнутого круга, порождающего крайний фатализм, следует признать наличие нелинейных синергетических систем: чувствительных к начальным условиям, обладающих мультистабильностью и имеющих точки бифуркации [13].

Если ментальный план содержит значение как информацию, то на каузальном плане происходит формирование в сознании смыслов как причинных образов – полимодальных образов мировосприятия. Это возможно в силу умения человека совмещать в процессе познания сразу несколько

способов (модусов) освоения мира [17]. В древнеиндийской теории познания Санкхья говорится, что при встрече пяти чувств с объектом в акте восприятия рождается образ объекта [18]. Именно смыслы, как полимодальные каузальные образы, управляют ментальным планом и выступают источниками синергетического эффекта – запускают творческие акты и детерминируют деятельность индивида в целом [19].

В плане *парадоксальности* на основе понятий причинно-следственных связей возможна работа с ними как с осознанными образами для их преобразования. Парадокс (греч. «*paradoxos*» – неожиданный, странный) содержит иррациональное знание и не полностью подчиняется законам формальной логики. Парадоксальная логика, как способность в очевидном увидеть неочевидное (за деревьями разглядеть лес), вырабатывает нелинейные суждения, в которых нет полярных оценок, что позволяет нестандартно выйти за рамки противоположностей, а точнее, подняться к принципам организации системы и выбраться из смысловых тупиков. Такое духовное прозрение позволяет подняться выше рациональной логики; найти утверждение, не имеющее антитезиса; дает видение сквозь обусловленное. При данном подходе человек переходит из режима детерминированности (полной обусловленности) жизни к самодетерминации своей жизни, тогда и «*обнаруживается парадоксальная вещь: в любой ситуации нет такого выбора, который мы не могли бы сделать*» [20, с. 6]. Это план возможных состояний решений, с помощью которых идет управление каузальным планом как уровнем необходимого функционирования. Трансформация причин возможна только с более высокого уровня, поэтому план парадокса и является тем минимальным уровнем, с которого возможна работа с причинами. Развивать парадоксальное мышление помогают юмор, дзен-философия, умение пользоваться интуицией и тонко-чувственным (образным) восприятием.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования влияния смыслов на организацию и качественное содержание деятельности возникают вопросы определения способов организации ценностно-смысловой сферы и механизмов ее трансформации при переходе в новые условия или выборе других целей. Тогда динамика процессов образования смыслов будет показывать суть процессов, реализующихся во внутреннем и внешнем мире человека, что поможет более качественно предсказывать его поведение. Современный деятельностно-смысловой подход рассматривает образование смыслов как процесс их перетекания, распространения из ведущих структур ядра смысловой сферы к ее периферии – к частным проявлениям в конкретных жизненных ситуациях через проявление личностных свойств [19]. Это означает возможность не только

активизации источников ситуативных смыслов, как каузальных образов поступков, но и регуляцию в целом деятельности индивида на основе собственного образа мира.

Стратегия образования смыслов отражает взгляд в настоящее из будущего, направленный на порождение новых причин как целевое программирование ситуаций для их смены и преодоления сопротивления среды. В отличие от тактики, работающей с необходимыми следствиями, стратегия содержит нелинейные переходы на основе парадоксальной логики возможного к новым уровням сложности функционирования. Стратегия занимается качественным переходом системы от одних тенденций (контекстов) к другим с помощью целеполагания из надсистемы. Стратегия, как фильтр от случайностей, позволяет генерировать из хаоса четкий список поступков для удержания задаваемого образа мира [21].

Смыслообразующая стратегия задает ход и знак генерируемого образа-смысла. В процессе становления личности происходит развитие стратегий образования смыслов, на основе которых актуализируется стратегия формирования жизненных смыслов. Смыслы, как полимодальные каузальные образы, составляют ядро ценностно-смысловой и мотивационной сфер личности, детерминирующих ее деятельность на всех уровнях бытия, что было показано выше. Тогда можно дать следующее определение: *стратегия смыслообразования* – это организованный под влиянием мотивов, потребностей, целей, опыта, субъективных отношений способ формирования и развития системы личностных смыслов для их содержательного и качественного наполнения, а также отражающий специфику и динамику осуществления индивидом актуализации смыслов в конкретных ситуациях жизнедеятельности [1].

Проведенное нами ранее моделирование на основе биполярных семантических шкал представляется начальным и наиболее упрощенным описанием личности на основе ансамбля ее свойств. Такая элементарная персонологическая модель строилась на основе дуальных соотношений личностных свойств, показывающих две стратегии организации смысловой сферы – позитивное развитие или деградацию личности [1]. Данный подход сводил все многообразие вариантов развития личности к противопоставлениям – как в черно-белом кино. В качестве начального шага для развития ансамблевого подхода при моделировании смысловой регуляции это было оправдано – для вскрытия ее механизмов и особенностей нужно было начать хоть как-то двигаться. Однако после такого логически простейшего дуального описания для более адекватного представления многомерной смысловой реальности требуется переходить на следующий методологический уровень. Поэтому бинарная логика описания стратегий смыслообразования может быть дополнена триалектической интерпретацией. Это помогает выявить

большее количество смысловых нюансов и их специфические особенности, проявляющиеся в виде устойчивой стратегии, показать их разнородность и в то же время сопряженность, сходность в логике поведенческих проявлений.

В качестве художественного примера, живо иллюстрирующего вариативность смыслообразующих стратегий, показательна галерея типажей братьев Карамазовых. На их основе Ф. М. Достоевским описаны основные тенденции развития русского общества из общего корня – загнывающего барства (в образе их отца). Дмитрий – вспыльчивый, мятежный, легкомысленный, импульсивный, сластолюбивый; Алексей – религиозный правдоискатель, охваченный альтруистическими побуждениями; Иван – богоборец, рациональный и прямолинейный циник, отрицающий побудительную силу морали и не верящий в возможность высшего духовного творчества; Смердяков – ограниченный, малообразованный, жестокий и злой маргинал [22].

При социологическом изучении современного российского общества В. Е. Семенов предлагает типологию российских базовых менталитетов. На основе категоризации по оппозициям «дух – материя» и «коллектив – индивидуальность» выделяются ценностно-смысловые типы современного российского общества: религиозный менталитет – у образованных и энергичных, искренне верящих и придерживающихся традиционных духовно-нравственных ценностей, исповедуемых основными конфессиями; коллективистско-социалистический (просоциальный) менталитет у людей, исповедующих социальную справедливость, коллективизм и общественно-полезный труд; индивидуалистско-капиталистический менталитет – либералы новой формации, стремящиеся к карьерному успеху, выбирающие материальное благополучие, без активной общественной позиции, с поклонением западной массовой культуре; криминально-клановый менталитет – участники «теневых» криминальных групп с соответствующим ценностно-мотивационным и культурным уклоном в сторону коррумпированности и «уголовной романтики»; представители эклектично-мозаичного псевдоменталитета с конформистскими умонастроениями – современные обыватели без устойчивого мировоззрения, с изменчивым менталитетом (собранным осколками вышеуказанных типов), порожденным современной массовой медиакulturой и Интернетом [23].

Исходя из вышеизложенного, для более полного моделирования многообразия возможных стратегий целесообразно переходить на следующий – триалектический уровень рассмотрения смысловой системы. В философии имеются редкие примеры использования троичных систем различной природы для описания человека. В Аристотелевой этике описывается три вида наклонностей души: порок в силу избытка, порок в силу недостатка, добродетель в силу обладания серединой [24]. В этом подходе все три наклонности считаются противоположными друг другу: находящиеся посередине добродетели

души обладают избытком какого-либо качества сравнительно с пороком его недостатка и недостатком сравнительно с пороком избытка. Такая система фактически имеет расположение трех полюсов на одной линии, где середину занимает добродетель как уравновешенное, нейтральное состояние между двумя крайними полюсами. Согласно учению Платона, у Индивидуальной Души имеются три способности: волевая, аффективная и умственная – с приматом последней из них. Тогда в этике это отражает три добродетели в виде мужества, просветленного состояния аффектов и мудрости, которые объединены одной цельной добродетелью, выражающей их равновесие – справедливостью [25].

В более поздней философской традиции известны случаи использования триады для обозначения тройственного ритма движения бытия и мышления, например, в неоплатонизме и немецком классическом идеализме. В неоплатонизме, в частности у Прокла, разработан триадический метод для описания трех стадий (ступеней) в движении бытия: пребывания в себе как в единстве, выступления из себя (эманации) из-за различения с ним, возвращения из инобытия обратно к себе [26]. У Гегеля триада лежит в основе построений философской системы о прохождении процессуальности через три стадии: тезис, антитезис и синтез, снимающий их противоречие, уничтожающий форму и изменяющий содержание процесса, при этом сохраняющий его жизнеспособные элементы в переходе на более высокую стадию развития [27].

Следует обратить внимание, что два последних подхода отражают взгляд на процессуальность происходящего как последовательность стадий бытия, однако в данной работе фокус внимания направлен на установление соотношения между различными полюсами как стратегиями смыслообразования в структуре системы личности, что может быть отражено через проявление ее свойств.

В психологии для изучения личности известен триадический метод репертуарных решеток на основе личностных конструктов Дж. Келли [28]. Этот метод в социально-психологической модификации М. Ю. Кондратьева позволяет по особенностям выявления сходства между двумя объектами и их отличия от третьего выстраивать шкалу субъективных оценок и личных предрасположенностей в различных ситуациях. В исследовании, проведенном под руководством Д. А. Леонтьева, выявлено наличие трех видов личностного выбора: 1) реактивный выбор – на основе непосредственных предпочтений при отсутствии внутренней проблематизации и развернутой внутренней деятельности, т. е. лишенный осмысленности под действием случайностей; 2) активный выбор неизменности – человек использует имеющиеся у себя компетенции, задатки, интересы для продолжения пребывания в зоне комфорта с отказом от новых возможностей; 3) активный выбор неизвестности – при ориентации на новые возможности и понимание своего опыта как требующего

новых способов действий, т. е. предпочтение риска с неясными альтернативами [29]. При моделировании многоуровневой педагогической реальности А. А. Остапенко предлагает вводить третий полюс в различные обучающие дискурсы для снятия оппозиции «Я – Мы». Например, для традиционной диады: индивидуализм (гуманистическое Я над Мы) против коллективизма (советское Мы над Я) предлагается на основе православного мировоззрения применять иерархию, когда старший отвечает за младшего (христианское Я в Мы) [30].

Нами предлагается триалектический подход в изучении семантической организации ансамбля свойств личности. К такому троичному подходу подтолкнуло следующее обстоятельство, выявленное в биполярных семантических шкалах [1]: иногда в шкале рядом оказывались негативные личностные свойства, хотя и близкие семантически, но имеющее при этом разную степень выраженности, наполнения по типу «недостаток – избыток». Переплетенные свойства можно «расплести» – из смысловой «косички» одного полюса могут получаться две «растяжки», ветви. Тогда в биполярной шкале проявляется третий полюс, который становится центром третьей смыслообразующей стратегии в данном конструкте. Наличие таких логически необходимых отношений обусловлено различной мерой проявления противоположных смысловых начал, отражающей их количественно-качественное соотношение.

Первая, *гипоадаптивная* (гр. «*hupo*» – внизу, снизу, под) смыслообразующая стратегия показывает отсутствие или недостаточное проявление ключевого свойства личности в данном смысловом диполе. Это отражает слабые адаптационные способности при взаимодействиях в ситуации, проявляемые как пассивное приспособление по типу реактивного выбора для сохранения имеющихся предпочтений. Это проявляется в виде отсутствия или фрагментарности осмысленного подхода в деятельности и принятии решений. Такая реактивная позиция отражает недостаточную работу во внутреннем мире для адекватной оценки происходящего и полноценного встраивания в процессы внешнего мира. Главный атрибут этой стратегии – недоразвитость, для преодоления которой китайская Книга Перемен предлагает прохождение ученичества. Просвещение, как общение с Учителем, необходимо для раскрытия заложенных в ученике способностей, ибо его уход в самого себя останавливает внутреннюю жизнь [31]. Однако нахождение недоразвитого в состоянии ученичества закономерно до определенного уровня, только до некоторого времени, после которого недоразвитость становится уже незаконномерной. Эта задержка в развитии проявляет порок недостатка – инфантильность в виде сохранения и доминирования набора личностных свойств, присущих более ранним ступеням развития.

В основном такая детскость, как «застывание» на более ранних этапах становления личности, проявляется в неумении или нежелании своевременно

принимать продуманные решения. Инфантильный человек сконцентрирован только на себе, при этом как личность он не развивается, и самоанализ ему чужд. Такие люди часто не понимают окружающих, не разделяют их взгляды на мир и в поведении практически не считаются с их интересами. Основные признаки психологического инфантилизма: несамостоятельность и избегание проблем; отсутствие жизненных целей и стремлений; нежелание развиваться; неадекватные реакции на происходящее; эгоизм и безответственность; чрезмерная увлеченность играми, гаджетами, шопингом; неумение общаться; поверхностное мышление; малоподвижный образ жизни [32]. Такие особенности мировоззрения формируют соответствующие личностные смыслы, которые, как каузальные образы, детерминируют жизнь человека. У «взрослого ребенка» незрелость часто проявляется неспособностью или нежеланием брать на себя ответственность за свою жизнь – экстернальностью. Это означает ориентацию на внешний локус контроля своей жизни, когда ее значимые события и результаты деятельности слабо зависят от собственной активности. Человек с таким низким уровнем субъективного контроля убежден, что его успехи и неудачи – результат воздействия исключительно внешних сил: везения, случайностей, давления окружения, других людей [33].

При гиподаптивной стратегии еще одним деформированным конструктом Я-концепции является виктимность (лат. «*victima*» – жертва) как склонность становиться жертвой внешних обстоятельств. Такая особенность межличностного поведения, как «синдром жертвы», связана с неадекватно заниженной самооценкой, с чувством обделенности, с неспособностью или нежеланием отстаивать собственную позицию. Это может приводить к тому, что «человек-жертва» ненамеренно навлекает на себя агрессию со стороны других людей и провоцирует преступление [34]. В смысловом диполе «жертва – воин» проявление виктимности соответствует полюсу пассивной позиции человека, терпящего все внешние воздействия. В стрессовых ситуациях данная стратегия направлена на то, чтобы прятаться от решения и избегать действий.

Нами предлагается следующее определение: гиподаптивная смыслообразующая стратегия – это опирающийся на формальные предпочтения способ формирования каузальных образов, направленный на пассивное присоединение и ведомое движение в слое личностных смыслов, задаваемых непреодолимыми обстоятельствами жизнедеятельности без их фактического осознания.

Вторая, **гиперадаптивная** (греч. «*hyper*» – сверх нормы, чрезмерно) смыслообразующая стратегия показывает избыток ключевого личностного свойства, является ассимиляционной и направлена на активное приспособление человека. В таком типе приспособления выражается стремление индивида игнорировать приходящие в его жизнь неизбежные перемены и оставаться

в зоне комфорта. Для сохранения такого состояния неизменности человек задействует все доступные ресурсы. Ключевой характеристикой личности в этой стратегии выступает переразвитие. Книга Перемен описывает это как порок избытка в виде образа старости, которая всего достигла и с гордостью ждет только покоя. Такое удовлетворение заработано всем, что было сделано на предыдущих ступенях, но это удовлетворение замкнуто само в себе и означает замыкание человека в своей личной жизни без внимания к окружающим. Опираясь на покой, нельзя построить благополучие – необходимы скорейший выход из застоявшейся ситуации и ломка старого [31].

Полюс гипердаптивности отражает трансгрессию личности. Это процесс излишней персонализации, когда человек примеряет на себя чужие роли, маски, которые считает для себя приемлемыми. Идет заикливание на собственном *ego*, главным критерием становится соизмерение с другими и личный интерес, но не общепринятая норма, которая как раз и пренебрегается. Такое самопозиционирование и стремление казаться, а не быть личностью видится как десакрализация реальности и десоциализация человека как разобучение [35]. Переразвитие, перенапряжение и пресыщение при гипердаптивности, как форма социального опыта, может проявляться в сверхконтроле как своих, так и чужих взаимодействий. Ментальный «охват» ситуаций и излишняя гиперопека приводят не только к навязыванию чужой воли ее участникам, но и нарушают свободу их действий, ограничивая развитие и личности и группы. Состояние переразвития, как гипертрофированности, часто приводит к излишнему набору материальных благ и внешних атрибутов успешности. В смысловом диполе «жертва – воин» личность в состоянии переразвития может занимать активную воинствующую позицию. В этой крайней позиции состояние «воина» – это внутренняя характеристика человека, настроенного на постоянное противоборство с кем- или чем-либо; при этом он может проявлять неоправданную жесткость и даже жестокость.

В ситуации фрустрации, когда при столкновении с препятствием не получается добиться своих целей или удовлетворить потребность, у гипердаптивной личности часто проявляются раздражение, агрессия. При этом высказываются негативные эмоции по поводу возникшей ситуации, ее причин. Окружающие люди осуждаются, поучаются, высмеиваются, либо побуждаются к действиям, при этом только от них и ожидается решение проблем. В теории Розенцвейга о фрустрационной толерантности это показывает экстрапунитивную направленность реакций, отражающую в нестандартной ситуации препятственно-доминантный тип взаимодействий как деструктивный [36].

Наличие гипердаптивной стратегии показывает нежелание расширять свой опыт, а человеку в постоянно меняющемся мире необходимо при своем развитии проходить искушение переразвитием и избавляться

от соответствующих иллюзий. Отсутствие такой внутренней работы ведет к формированию соответственных негативных каузальных образов, перекрывающих направление личностного роста и задающих горизонтальное движение – однообразное развитие в самоподобных формах.

Нами сформулировано следующее определение: гиперадаптивная смыслообразующая стратегия – это основанный на собственном опыте и стереотипной предзаданности достигнутых целей способ формирования каузальных образов, направленный на сохранение неизменного содержания личностных смыслов с применением для этого всех доступных ресурсов и отказом от новых возможностей развития смысловой сферы.

Между этими двумя адаптивными стратегиями находится нейтральное состояние, отражающее одинаковое соотношение полярных смыслов, транслируемых ключевыми свойствами личности. Данный баланс – промежуточное положение между двумя способами образования смыслов, в протекании которых возможен равновероятный выбор (бифуркация).

Третья, **преадаптивная** (лат. «*prae*» – впереди, перед) стратегия смыслообразования начинается с нейтральной точки и открывает направление парадоксального подхода к взаимодействию в ситуациях. Как неравновесный третий аттрактор, это показывает направление неочевидного, но возможного развития личности с несколькими альтернативами. Преадаптивная стратегия показывает наличие такого положительного ключевого личностного свойства, которое помогает выполнять дополнительные функции, либо успешно взаимодействовать в будущем как в неподвижных условиях новых ситуаций. Аккомодационный характер данной стратегии означает проявление личной активности для варибельного приспособления поведенческих схем, что означает их превосходящую природу. Происходящая при этом перестройка смысловой сферы личности свидетельствует о ее самосовершенствовании как духовном росте.

Рассмотренные выше две адаптивные стратегии исходят из предопределенности целей и заданной внешней средой нормы ситуативной активности – отражают наличие жесткой причинно-следственной связи между жизненными отношениями человека и реализующим их поведением. Для преодоления таких ограничений адаптивности целесообразно говорить о надситуативной активности субъекта – преадаптивности [37]. В таком состоянии действующие причинные связи могут становиться менее строгими условиями жизни – появляется вариативность развития. В процессе совершенствования личности жесткие причины ее жизнедеятельности, порождающие необходимость реализации однозначных следствий, замещаются на предпосылки, формирующие возможность осуществления своего развития. Преадаптивность является одним из главных атрибутов творческого потенциала, материалом для раскрытия

которого, согласно Книге Перемен, является взаимодействие с хаосом. Встав на путь творческого действия, человеку требуется проявлять стойкость в его осуществлении, тогда накопленной полноты сил, как преадаптивных свойств, хватит для благотворной деятельности и достижения гармонии [31].

Преадаптивная личность имеет не внешний, а внутренний локус контроля своей жизни – интернальность, т. е. ответственность за свою жизнь принимает на себя, объясняя происходящее особенностями своего характера, своим поведением, способностями, умением строить отношения [33]. В ситуациях фрустрации у такого человека преобладает необходимо-упорствующий тип реагирования, как фиксация на разрешении ситуации разными способами: собственными силами, с помощью других людей или по естественному ходу событий, что представляется конструктивным [36]. Преадаптивные свойства для личности в ситуациях, протекаемых в настоящем, на первый взгляд кажутся избыточными и лишними. Однако в будущих ситуациях с новыми условиями именно преадаптивные свойства личности позволяют преодолевать кризисные состояния как внешнего, так и внутреннего порядка. Наличие толерантности к неопределенности отражает у человека важный атрибут Я-концепции – самосовершенствование его живой системы, как самонаводящейся на поиск и исполнение высшего смысла своей жизни. При таком осуществлении проявляется самотрансценденция как истинное духовное преображение человека, означающее выход за границы своего фактического феноменального бытия как «выход за свои пределы», к надличностным целям бытия, к высшему смыслу своей жизни и исполнению его как верховного промысла [38].

Д. А. Леонтьев в исследовании поведения человека предлагает дополнительно к традиционной психологии с акцентом на необходимость и детерминированность (то, чего *не может не быть*) выделять «вторую» психологию, акцентирующуюся на возможностях и самодетерминации, которые не порождаются строгими причинно-следственными связями, но *могут быть*. При этом траектория человека, кроме субчеловеческого, малозатратного существования может иметь собственно человеческий – автономный уровень развития для ориентации поведения в пространстве возможного, что является парадоксальным по отношению к обыденной детерминированности жизни [20]. Нелинейный переход от необходимости к вееру возможностей – парадоксальный поступок синергетической природы, который не оправдан с позиции низших биологических регуляторов, но является уникальным и осмысленным с позиции высших ценностей.

Так как суть самотрансценденции составляет поиск смысла жизни как высшего предназначения и его осуществление, то применение парадоксальной логики в обычных ситуациях возможно, когда человек знает о высших путях. Поиск предназначения – очень большой риск, самая трудная работа,

которая может и не привести к автоматическому успеху [39]. А. Маслоу в одном из поздних интервью сказал о том, что эмпирически не подтвердился его тезис о том, что удовлетворение базовых потребностей человека является однозначной причиной, неизбежно и безоговорочно порождающей переход его личности к самоактуализации. Им указано, что после выхода на уровень, когда базовые потребности не являются критическими для жизнедеятельности, одна часть людей продолжает двигаться в сторону самоактуализации, а другая часть останавливается [40]. Пока человек в поиске себя, он перебирает свои способности и не может ощутить свою состоятельность и зрелость – когда человек идет в новое, он слабо защищен в своем творчестве – уязвим в сравнении с теми, кто остается в зоне комфорта.

Нами предлагается следующее определение: преадаптивная смыслообразующая стратегия – это ориентированный на осознание мотивов и порождение актуальных целей способ формирования каузальных образов, направленный на формирование перспективных личностных смыслов и их своевременную трансформацию для осуществления возможности духовного роста под влиянием внутренних и внешних обстоятельств, оцениваемых как преодолимые условия жизненных ситуаций при самодетерминации индивидом своей деятельности.

Заключение

Три предлагаемые стратегии, задающие направленность и качественное содержание образуемых смыслов, реализуют принципиально разные подходы к взаимодействию в ситуациях. В гипоадаптивной и гиперадаптивной стратегиях происходит включение новой информации в имеющиеся схемы и последующее схематичное действие с новыми объектами на основе уже сложившихся умений и навыков. В преадаптивной стратегии происходит переменное приспособление схем поведения к новым ситуациям, требующим определенной активности, в том числе надситуативной, что означает ее предвосхищающий характер.

Представленный триалектический подход к изучению смыслообразующих стратегий может быть использован для выявления троичной организации комплекса свойств личности. В дальнейших исследованиях планируется эмпирическое изучение особенностей предложенных смыслообразующих стратегий, для которых будут разработаны семантические троичные шкалы. Тестирование с их применением будет проводиться совместно с комплексом апробированных методик на выявление особенностей смысловой регуляции. Применение такого троичного инструмента позволяет выявлять триады ключевых личностных свойств личности и их корреляцию с другими критериями развития смысловой сферы. На этой основе возможно построение

личностного профиля, выступающего мультифакторной моделью возможных состояний ценностно-смысловой сферы переживающего субъекта. В плане моделирования поведения, как одной из главных задач психологии, такой личностный профиль показывает направленность и качественные особенности смысловой регуляции – отражает актуально действующую стратегию образования смыслов как полимодальных каузальных образов.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-01 «Разработка технологий инициации смыслообразования как компонента современных коммуникативных систем с целью обеспечения информационной безопасности сети Интернет».

Acknowledgments

The financial support of the Southern Federal University (project no. 07/2017-01, “Developing the technologies of meaning-building initiation as a component of modern communication systems with the view of ensuring information security of the Internet”) is gratefully acknowledged.

Литература

1. Годунов М. В. Психологические особенности актуализации полярных оценок в смысловом пространстве лиц с различными стратегиями смыслообразования: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 152 с.
2. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 64 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Национальное образование, 2016. 368 с.
4. Мясичев В. Н. Структура личности и отношение человека к действительности // Психология личности. Хрестоматия. 9-е изд. Т. 2. Отечественная психология / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2013. С. 221–224.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. М.: КРЕДО, 2014. С. 268–284.
6. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология, Т. 1). СПб: «Издательство ДНК», 2000. 528 с.
7. Карпов А. В. Метасистемный подход к проблеме сознания // Мир психологии. 2016. № 2 (86). С. 15–31.
8. Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара: Универс Групп, 2006. 348 с.

9. *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2013. 448 с.
10. *Allport G. W.* Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale University Press, 1956. 106 p.
11. *Нуркова В. В.* Общая психология: учебник для академического бакалавриата / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. 3-е изд., перераб. М.: Юрайт, 2015. 604 с.
12. *Vasilyuk F. E.* Coexperiencing Psychotherapy as a Psychotechnical System // Journal of Russian & East European Psychology. 2015. Vol. 52, Issue 1. P. 1–58. DOI: [10.1080/10610405.2015.1064721](https://doi.org/10.1080/10610405.2015.1064721)
13. Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]. Под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РФ-Пресс, 2013. 496 с.
14. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: АСТ, 2017. 784 с.
15. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
16. *Лоцилов В. И.* Информационно-волновая медицина и биология. М.: Аллегро-пресс, 1998. 256 с.
17. *Абакумова И. В.* Обучение как двуединый процесс и его движущие силы в смысловой интерпретации // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. М.: КРЕДО, 2014. С. 10–18.
18. *Чаттерджи С., Датта Д.* Индийская философия. М.: Академический проект, 2017. 365 с.
19. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
20. *Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры в понимании психологии личности: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
21. *Почепцов Г. Г.* Стратегия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2005. 384 с.
22. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2016. 926 с.
23. *Семёнов В. Е.* Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 2. С. 116–143.
24. *Аристотель.* Этика. М.: Эксмо-Пресс, 2018. 320 с.
25. *Платон.* Диалоги. М.: Эксмо, 2016. 768 с.
26. *Proclus.* Commentary on Plato's Parmenides / translated by G. Morrow & J. Dillon; with introduction and notes by J. Dillon. Princeton, NJ, USA: Princeton University Press, 2017. 664 p.
27. *Гегель Г. В. Ф.* Введение в философию. Философская пропедевтика (Серия: Из наследия мировой философской мысли. История философии) / пер. С. Ф. Васильевой. М.: Либроком, 2018. 264 с.

28. Kelly G. The psychology of personal constructs (Vols. 1 and 2). N.Y.: Norton, 1955. 495 p.
29. Мандрикова Е. Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: дисс. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2006. 195 с.
30. Остапенко А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии. М.: Народное образование, 2005. 384 с.
31. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М.: Восточная литература, 2003. 606 с.
32. Жесткова Н. А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2013. № 2 (14). С. 128–136.
33. Ощепкова Г. И. Проявление экстернальности и интернальности при зависимом поведении // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 333–337.
34. Вишневецкий К. В. Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 417–418.
35. Ивановская О. В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 256–268.
36. Rosenzweig S. The picture-association method and its application in a study of reaction to frustration // Journal of Personality. 1945. Vol. 14, № 1. P. 3–23.
37. Петровский В. А. Личность как субъект активности // Психология личности. Хрестоматия. 9-е изд. Т. 2. Отечественная психология / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2013. С. 463–484.
38. Frankl V. The Doctor and the Soul. N.Y.: Vintage Books, 1973. 352 p.
39. Adler A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Band I: 1919–1929 / Hg. von H. L. Ansbacher, R. F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982. 267 s.
40. Frick W. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 Interview // Journal of Humanistic Psychology. 2000. Vol. 40, Issue 2. P. 128–147. DOI: [10.1177/0022167800402003](https://doi.org/10.1177/0022167800402003)

References

1. Godunov M. V. *Psikhologicheskie osobennosti aktualizatsii polyarnykh otsenok v smyslovom prostranstve u lits s razlichnymi strategiyami smysloobrazovaniya* [Psychological features of actualization of polar estimates in meaning space in individuals with different strategies of meaning-building]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Rostov-on-Don, 2017. 152 p.
2. Leont'ev D. A. *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on the psychology of personality]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 64 p.

3. Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Natsional'noe obrazovanie Publ., 2016. 368 p.
4. Myasishchev V. N. The structure of personality and individuals' attitudes towards reality. In: D. Ya. Raigorodskii (ed.) *Psikhologiya lichnosti. Khrestomatiya. 9-e izd. T. 2. Otechestvennaya psikhologiya* [Psychology of personality: V. 2: Soviet psychology]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2013, pp. 221–224.
5. Leont'ev A. N. Activity and consciousness. In: Abakumova I. V., Ermakov P. N., Rudakova I. A. *Obshchaya teoriya smysla, psikhologicheskie kontseptsii smysloobrazovaniya, smyslodidaktika. Khrestomatiya* [General theory of meaning, psychological concepts of meaning-building, meaning didactics]. Moscow, Kredo Publ., 2014, pp. 268–284.
6. Allakhverdov V. M. *Soznanie kak paradox: Eksperimental'naya psikhologika: T. 1* [Consciousness as a paradox: Experimental psychology: V. 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo DNK, 2000. 528 p.
7. Karpov A. V. Metasystemic approach to the problem of consciousness. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2016, no. 2 (86), pp. 15–31 (in Russian).
8. Agafonov A. Yu. *Kognitivnaya psikhomekhanika soznaniya, ili kak soznanie neosoznanno prinimaet reshenie ob osoznanii* [Cognitive psychomechanic of consciousness, or how consciousness unconsciously makes a decision about perception]. Samara, Univers Grupp Publ., 2006. 348 p.
9. Petrenko V. F. *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: A psychosemantic paradigm]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 448 p.
10. Allport G. W. *Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*. New Haven, Yale University Press, 1956. 106 p.
11. Nurkova V. V. *Obshchaya psikhologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [General psychology: A textbook for academic baccalaureate]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 604 p.
12. Vasilyuk F. E. Coexperiencing psychotherapy as a psychotechnical system. *Journal of Russian & East European Psychology*, 2015, V. 52, Issue 1, pp. 1–58. DOI: [10.1080/10610405.2015.1064721](https://doi.org/10.1080/10610405.2015.1064721)
13. Alekseev A. P., Vasil'ev G. G. *Kratkii filosofskii slovar'* [Desk dictionary of philosophy]. Moscow, RG-Press Publ., 2013. 496 p.
14. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, AST Publ., 2017. 784 p.
15. Gurevich A. Ya. *Istoricheskii sintez i Shkola "Annalov"* [Historical synthesis and the Annales school]. Moscow, Indrik Publ., 1993. 327 p.
16. Loshchilov V. I. *Informatsionno-volnovaya meditsina i biologiya* [Information-wave medicine and biology]. Moscow, Allegro-press Publ., 1998. 256 p.

17. Abakumova I. V. Teaching as a dual process and its driving forces in a meaning interpretation. In: Abakumova I. V., Ermakov P. N., Rudakova I. A. *Obshchaya teoriya smysla, psikhologicheskie kontseptsii smysloobrazovaniya, smyslodidaktika. Khrestomatiya* [General theory of meaning, psychological concepts of meaning-building, meaning didactics]. Moscow, Kredo Publ., 2014, pp. 10–18.
18. Chatterjee S., Datta D. *Indiiskaya filosofiya* [Indian philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 365 p.
19. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p.
20. Leont'ev D. A. New benchmarks in the understanding of personality psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy Psikhologii*, 2011, no. 1, pp. 3–27 (in Russian).
21. Pocheptsov G. G. *Strategiya* [Strategy]. Moscow, Refl-Buk Publ., 2005. 384 p.
22. Dostoevskii F. M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 926 p.
23. Semenov V. E. Russian identity and patriotism in a polymental society. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya – Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences: Social and Economic Psychology*, 2017, V. 2, no. 2, pp. 116–143 (in Russian).
24. Aristotle. *Ethics*. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2018. 320 p. (in Russian).
25. Plato. *Dialogues*. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 768 p. (in Russian).
26. Proclus. *Commentary on Plato's Parmenides*. Translated by G. Morrow & J. Dillon; with introduction and notes by J. Dillon. Princeton, NJ, USA, Princeton University Press, 2017. 664 p.
27. Hegel G. W. F. *Introduction to philosophy: Philosophical propaedeutics*. Moscow, Librokombiznys Publ., 2018. 264 p. (in Russian).
28. Kelly G. *The psychology of personal constructs* (Vols. 1 and 2). N.Y., Norton Publ., 1955. 495 p.
29. Mandrikova E. Yu. *Vidy lichnostnogo vybora i ikh individual'no-psikhologicheskie predposylki* [Types of personal choice and their individual-psychological preconditions]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Moscow, Moscow State University Publ., 2006. 195 p.
30. Ostapenko A. A. *Modelirovanie mnogomernoi pedagogicheskoi real'nosti: teoriya i tekhnologii* [Modeling multidimensional educational reality: Theory and technology]. Moscow, Narodnoe obrazovanie Publ., 2005. 384 p.
31. Shchutskii Yu. K. *Kitaiskaya klassicheskaya "Kniga Peremen"* [The classical Chinese Book of Changes]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 606 p.

32. Zhestkova N. A. Methodological approaches to studying social maturity and social infantilism of personality. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya – Bulletin of Perm University. Philosophy. Sociology. Psychology*, 2013, no. 2 (14), pp. 128–136 (in Russian).
33. Oshchepkova G. I. Manifestation of externality and internality with dependent behavior. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2015, no. 3 (41), pp. 333–337 (in Russian).
34. Vishnevetskii K. V. Classification of victimization. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 2, pp. 417–418 (in Russian).
35. Ivanovskaya O. V. Transcendence against transgression. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy – Scientific Problems of Humanitarian Studies*, 2010, no. 1, pp. 256–268 (in Russian).
36. Rosenzweig S. The picture-association method and its application in a study of reaction to frustration. *Journal of Personality*, 1945, V. 14, no. 1, pp. 3–23.
37. Petrovskii V. A. Personality as a subject of activity. In: D. Ya. Raigorodskii (ed.) *Psikhologiya lichnosti. Khrestomatiya. 9-e izd. T. 2. Otechestvennaya psikhologiya* [Psychology of personality: V. 2: Soviet psychology]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2013, pp. 463–484.
38. Frankl V. *The doctor and the soul*. N.Y., Vintage Books, 1973. 352 p.
39. Adler A. *Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze*. Band I: 1919–1929. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1982. 267 s.
40. Frick W. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 Interview. *Journal of Humanistic Psychology*, 2000, V. 40, Issue 2, pp. 128–147. DOI: [10.1177/0022167800402003](https://doi.org/10.1177/0022167800402003)

УДК 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.4)

Особенности ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров

Елена А. Кедярова¹, Маргарита Ю. Уварова¹, Надежда И. Чернецкая^{1*},
Ольга А. Шумовская²

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² ОГАУЗ ИГКБ № 1, г. Иркутск, Российская Федерация

* E-mail: chern@yandex.ru

Аннотация

Введение. Целью исследования было изучение особенностей ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров на этапе профессиональной самореализации. Большинство предпринятых в последние десятилетия исследований на эту тему сфокусированы больше на формировании психологической готовности к трудовой деятельности при получении профессионального образования и при вхождении в профессиональную деятельность. Дальнейшие этапы профессионализации врачей и психологов чаще всего изучаются в контексте проблемы профессионального выгорания. Новизна данного исследования заключается в сравнительном изучении особенностей ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров, специфика деятельности которых характеризуется повышенной стрессогенностью и эмоциональной напряженностью.

Методы. Были использованы психодиагностические тестовые методики: «Диагностика мотивационной структуры личности», «Направленность личности», «Когнитивная ориентация», «МАС», «Мотивация аффилиации», «Мотивация трудовой деятельности», «Ценностные ориентации», «Оценка удовлетворенности потребностей методом парных сравнений», «Степень напряженности», а также угловое преобразование Фишера для проверки статистической достоверности различий между сравниваемыми группами.

Результаты. Проведенное исследование показало, что для ценностно-мотивационной сферы личности психиатров и психологов характерен ряд различий. Мотивационная направленность личности психиатров в большей степени связана с социальным статусом и жизнеобеспечением, в отличие от психологов, для которых более важными являются общая активность и социальная полезность. Кроме того, для психологов характерным является высокий уровень когнитивных потребностей, для психиатров же более важными являются потребности в самореализации и социальные потребности. Данные результаты соотносятся с особенностями ценностных ориентаций: для психологов более важной является инструментальная ценность – «образованность», для психиатров – «терпимость».

Обсуждение результатов. Делается вывод о выявленных различиях в ценностно-мотивационной сфере психиатров и психологов. Предполагается, что некоторые из них, в процессе профессиональной самореализации, могут служить основанием для формирования успешной профессиональной деятельности, а другие, наоборот, возникновению синдрома эмоционального выгорания.

Ключевые слова

мотивация, ценностные ориентации, мотивационная направленность, ценностно-мотивационная сфера, профессиональная деятельность, психиатр, психолог, психология профессионализации, психология профессий, психология врача

Основные положения

- ▶ особенности ценностно-мотивационной сферы личности специалистов в период профессиональной самореализации могут способствовать успешной профессиональной деятельности, а другие, наоборот, возникновению синдрома эмоционального выгорания;
- ▶ удовлетворенность профессиональной самореализацией взаимосвязана с конструктивной профессиональной мотивацией и проявляется в большей степени у психологов;
- ▶ неконструктивная профессиональная мотивационная направленность, неудовлетворенность в самореализации в большей степени характерны для психиатров – следовательно, у данной группы специалистов может быть выше риск возникновения синдрома профессионального выгорания.

Для цитирования

Кедярова Е. А., Уварова М. Ю., Чернецкая Н. И., Шумовская О. А. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 77–102. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.4

Материалы статьи получены 22.05.2018

UDC 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.4)

Characteristics of Personal Value Motivational Sphere in Psychologists and Psychiatrists

Elena A. Kedyarova¹, Margarita Yu. Uvarova¹, Nadezhda I. Chernetskaya^{1*},
Ol'ga A. Shumovskaya²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk City Clinical Hospital no.1, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: cherneta@yandex.ru

Abstract

Introduction. This study investigates the characteristics of personal value motivational sphere in psychologists and psychiatrists at the stage of professional self-realization. Previous studies in this field have mainly been focused on studying the formation of psychological readiness for work at the stage of professional training or when entering into professional activity. Further stages of the professionalization of physicians and psychologists are most often considered in the context of professional burnout. The presence of stressful situations and emotional tension are characteristic of professional activities of psychologists and psychiatrists. This study compares the characteristics of value motivational sphere in these professional groups.

Methods. The study used the following techniques: (a) Diagnostics of Personal Motivational Structure, (b) Personality Orientation, (c) Cognitive Orientation, (d) MAS, (e) Motivation of Affiliation, (f) Motivation of Labor Activity, (g) Value Orientations, (h) Assessment of Satisfaction of Needs by the Method of Paired Comparisons, and (i) Degree of Tension. The differences between the two groups were assessed using Fisher's angular transformation.

Results. This study revealed certain differences in personal value motivational sphere in psychiatrists and psychologists. In the group of psychiatrists personal motivational orientation is more related to social status and livelihood. General activity and social utility are most important characteristics in the group of psychologists. Besides, psychologists are characterized by a high level of cognitive needs; needs for self-realization and social needs are more important for psychiatrists. The findings of the study correlate well with the characteristics of value orientations. Thus, the instrumental value of 'education' is more important for psychologists; the value of 'tolerance' is more important for psychiatrists.

Discussion. The authors suggest that in the process of professional self-realization certain characteristics of value motivational sphere in psychiatrists and psychologists may contribute to the formation of their successful professional activity. On the contrary, there are characteristics of value motivational sphere that may lead to emotional burnout.

Keywords

motivation, value orientations, motivational orientation, value motivational sphere, professional activity, psychiatrist, psychologist, psychology of professionalization, psychology of professions, psychology of physicians

Highlights

► In the process of professional self-realization certain characteristics of value motivational sphere in specialists may contribute to the formation of their successful professional activity. On the contrary, there are characteristics of value motivational sphere that may lead to emotional burnout.

- ▶ Satisfaction with professional self-realization is associated with constructive professional motivation and manifests itself mainly in the group of psychologists.
- ▶ Non-constructive professional motivational orientation and dissatisfaction with self-realization are more typical of psychiatrists. Therefore, the risk of developing professional burnout seems to be higher in this professional group.

For citation

Kedyarova E. A., Uvarova M. Yu., Chernetskaya N. I., Shumovskaya O. A. Characteristics of Personal Value Motivational Sphere in Psychologists and Psychiatrists. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 77–102 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.4

Original manuscript received 22.05.2018

Введение

Современные тенденции развития рынка труда предъявляют особенно высокие требования к личности специалистов помогающих профессий (врачей, педагогов, психологов, социальных работников и проч.), и просто качественной образовательной подготовки в их случае больше не достаточно: именно эти специалисты более остальных «работают душой», включаются в свою деятельность всей своей личностью, а не просто реализуют полученные знания, умения и навыки. Весь комплекс личностных качеств, являющихся наряду со знаниями, умениями и навыками инструментом профессиональной деятельности таких специалистов, называют то просто «ПВКЛ» (профессионально важные качества личности), то в русле современных терминологических тенденций – профессиональной психологической компетентностью [1, 2, 3].

При этом уделяется особое внимание психологической подготовке данных специалистов, ведь совершенно ясно, что именно на этапе получения профессионального образования должна закладываться не только система непосредственных инструментальных компетенций, но и система мотивов и ценностей профессионала, помогающего людям [4, 5, 6, 7].

В обозначенном контексте ценностно-мотивационная сфера личности профессионала (в нашем случае это врачи-психиатры и психологи) в системе профессиональной психологической компетентности приобретает особое место: именно эта сфера является системообразующим звеном личности, задает направление всей трудовой деятельности, определяет ее личный стиль. По мнению ряда авторов (М. И. Дьяченко, В. Ф. Жуковой, Л. А. Кандыбович, И. А. Кучерявенко, В. Д. Шадрикова и др.), ценности и мотивы профессионала являются определяющими в его самореализации [8, 9, 10, 11, 12].

Л. М. Емельяненко дополнительно уточняет, что ценностно-мотивационная сфера личности профессионала-врача, профессионала-педагога или профессионала-психолога выступает интегральным психическим образованием, делающим все профессиональные действия не механической работой, а осмысленной деятельностью. Ценности и мотивы личности формируют устойчивые профессиональные установки и профессиональную направленность, отражающие не только профессиональный, но и морально-нравственный уровень человека в труде [13].

Имеется ряд публикаций (А. Т. Араслановой, О. И. Комолкиной, А. Н. Нугаевой, S. Budhathoki, P. Heiligers, R. Kusurkar и др.), раскрывающих особенности различных аспектов ценностно-мотивационной сферы личности специалистов помогающих профессий на этапе профессионального образования: студентов медицинских вузов [14, 15, 16, 17, 18], учащихся медицинских колледжей [19, 20, 21], студентов-психологов [22].

А. А. Фитьмовой выявлено, что будущие врачи непозволительно часто демонстрируют неконструктивную профессиональную мотивацию (ориентированы на карьеру или на интеллектуальное превосходство с низким интересом к содержанию самой врачебной деятельности), что негативно сказывается на усвоении учебной программы, проявляется в невнимании к мелочам и деталям [14]. В. М. Зайцева показала, что только около трети будущих врачей имеют выраженный альтруистический профессиональный мотив помощи людям [15].

Преобладающая мотивационная направленность на общежитийский уровень взаимосвязана с более высоким риском возникновения синдрома эмоционального выгорания [23, 24]. При этом Р. Heiligers установил, что конструктивная мотивационная направленность характернее для будущих врачей мужского пола, а выгорание у таких врачей-мужчин наступает позже [17].

А. Н. Нугаева отмечает, что уровень гуманистических и альтруистических ценностей будущих психологов практически не меняется в ходе обучения, несмотря на кажущуюся очевидность предположения, будто психологическое образование непременно формирует гуманистически направленную личность. Автор называет эту желательную для психологов ценностно-мотивационную направленность нравственно-деловой и подчеркивает, что она, к сожалению, не формируется автоматически в ходе образовательной подготовки [22].

Таким образом, большинство предпринятых в последнее время исследований ценностно-мотивационной сферы личности медицинских работников и психологов касаются начальных этапов профессионализации и выполнены в контексте проблемы психологической готовности к профессиональной деятельности. При этом изучение особенностей ценностей и мотивации уже работающих врачей и психологов очень важно с учетом необходимости их

психологического сопровождения, сохранения их психологического здоровья [25, 26, 27, 28].

Актуальность сравнительного исследования ценностно-мотивационной сферы личности психологов и психиатров обусловлена, как минимум, двумя причинами.

Во-первых, профессиональная деятельность в области психологии и психиатрии относится к числу наиболее стрессогенных, наиболее истощающих психические ресурсы самих специалистов. Значимыми составляющими профессионального успеха психологов и психиатров являются любовь к людям, выраженная рефлексивность, эмпатичность, но именно названные качества относятся к наиболее «истощающим», наиболее «предрасполагающим» к эмоциональному выгоранию [29].

Во-вторых, сама суть психологии и психиатрии различна: если психолог по содержанию своей деятельности направлен на взаимодействие и развитие, то психиатр – на болезнь и ее лечение, что делает ценностно-мотивационные сферы личности специалистов, выбравших тот или иной путь помощи людям, изначально различными [30]. Впрочем, некоторые авторы, например, L. Eisenberg, указывают на то, что современная психиатрия непрерывно движется по пути гуманизации [31]. В целом же мы считаем правомерным предполагать, что психологи и психиатры уже на этапе получения профессии имеют разные ценностные и мотивационные качества, что делает сравнительное исследование этих качеств актуальным для сопровождения их профессиональной деятельности на всех этапах профессионализации.

Методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе Медико-психологического центра, отделения пограничных состояний, наркологического отделения Ангарской областной психиатрической больницы, а также пяти кризисных психологических консультационных центров г. Ангарска, г. Иркутска и г. Братска (муниципальных и частных) в 2006–2015 гг. (частью данного исследования является дипломная работа И. Ю. Тарасовой, выполненная в 2006 г. в Иркутском государственном университете. – *Прим. авт.*).

Первую выборку исследования составили 50 психологов. Вторую выборку составили 50 психиатров. Исследуемый контингент специалистов составляют женщины (70 % в выборке психологов и 60 % в выборке психиатров) и мужчины (соответственно, 30 % в выборке психологов и 40 % в выборке психиатров) в возрасте от 25 до 45 лет. Распределение по возрасту в сравниваемых выборках было одинаковым, т. е. средний возраст и размахи по возрасту в них были приблизительно равными. Распределение по полу немного различается в двух выборках, но не настолько, чтобы это различие могло лечь в основу

конкурирующей гипотезы, поэтому в дальнейшей работе данное различие в распределении мы будем игнорировать.

Был использован психодиагностический комплекс, включавший в себя следующие методики: «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман), «Направленность личности» (В. Смейкал и М. Кучер), «Когнитивная ориентация (локус контроля)» (Дж. Роттер), «МАС» М. Кубышкиной, «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна в модификации М. Ш. Магомед-Эминова, «Мотивация трудовой деятельности», «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Оценка удовлетворенности потребностей методом парных сравнений» (В. В. Скворцов), «Степень напряженности» [32, 33, 34].

Результаты

На рисунке 1 показаны усредненные значения общей и творческой активности, стремления к общению, обеспечению комфорта и социального статуса.

Рисунок 1. Соотношение усредненных показателей мотивационной структуры личности психологов и психиатров

Условные обозначения: Ж – жизнеобеспечение; К – комфорт; С – социальный статус; О – общение; Д – общая активность; ДР – творческая активность; ОД – социальная полезность.

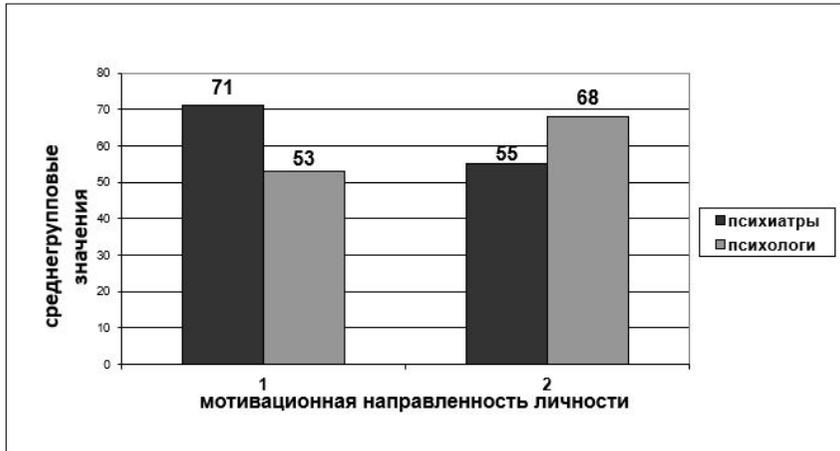
Figure 1. Correlations among mean values of personal motivational structure in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: Ж – livelihood (L); К – comfort (C); С – social status (S); О – communication (C); Д – general activity (G); ДР – creative activity (CA); ОД – social utility (SU).

Как видно из рисунка 1, между направленностью личности психологов и психиатров выявлены различия. В группе психиатров выявлено доминирование стремления к упрочнению социального статуса, к общению,

к обеспечению комфорта и жизнеобеспечения. У представителей группы психологов доминируют общая активность и социальная полезность. Но самое высокое значение показателей направленности в мотивационной структуре личности, как у психологов, так и у психиатров, занимает параметр «творческая активность».

Рисунок 2. Соотношение показателей рабочей и общежитейской мотивационной направленности в группах психологов и психиатров

Условные обозначения: 1 – рабочая мотивационная направленность; 2 – общежитейская мотивационная направленность.

Figure 2. Correlations between the values of working and general life's motivational orientation in the groups of psychologists and psychiatrists

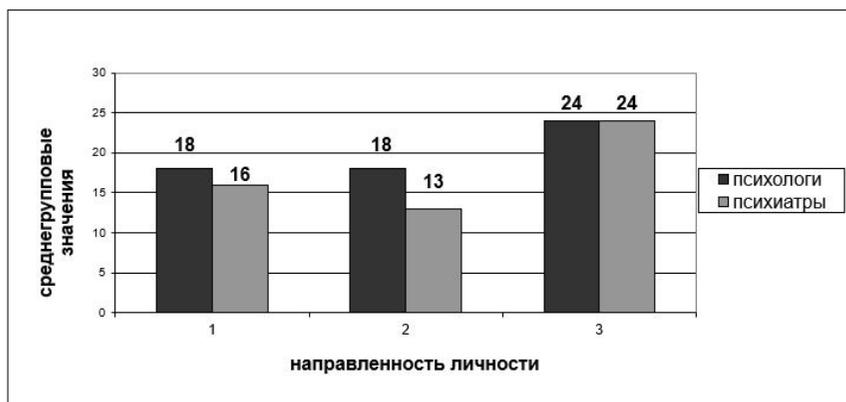
Legend: 1 – working motivational orientation; 2 – general life's motivational orientation.

По рисунку 2 можно также наблюдать различия в мотивационной направленности в группах психологов и психиатров, где в первом случае («рабочая» направленность) показатель равен 71, что превышает показатель психиатров, равный 53. Во втором случае рассматривается общежитейская направленность личности, где тоже видны различия между психологами и психиатрами: у психиатров показатель равен 68, а у психологов – 55, что показывает общежитейскую направленность психиатров.

Выраженная рабочая направленность психологов, вероятно, свидетельствует о том, что они заинтересованы в решении деловых проблем, ориентированы на деловое сотрудничество, способны отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели. Выраженная

общежитейская направленность психиатров, вероятно, свидетельствует о том, что они стремятся при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентированы на социальное одобрение. Можно также предполагать, что наличие в выборке психологов специалистов, работающих в полностью коммерческих консультационных центрах, смещает направленность психологов в сторону деловой, в то время как психиатры, работающие в муниципальных медицинских учреждениях, более безразличны к своей работе.

Рисунок 3. Соотношение показателей видов направленности личности представителей обеих групп испытуемых

Условные обозначения: 1 – направленность на себя; 2 – на взаимоотношения; 3 – на задание.

Figure 3. Correlations among the values of types of personal orientation in the groups of psychologists and psychiatrists

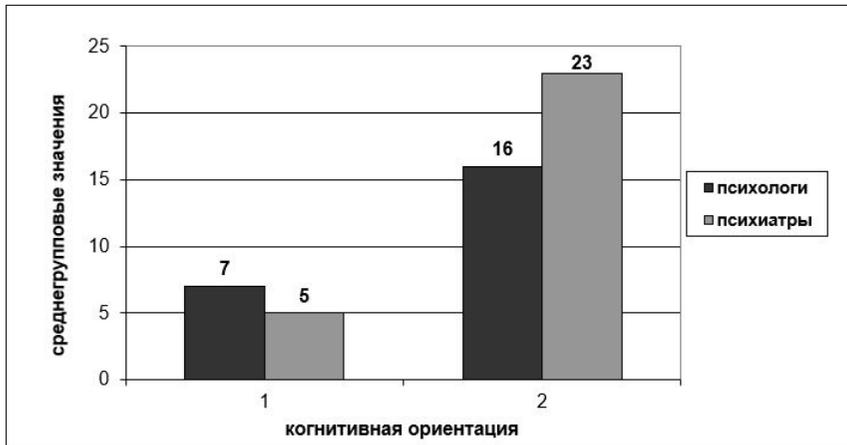
Legend: 1 – orientation towards self; 2 – orientation towards relationship; 3 – orientation towards work.

Из рисунка 3 видно, что у психологов и психиатров в равной степени обнаружены высокие показатели направленности личности на задание – это отражает интенсивность, с которой исследуемые специалисты выполняют задание, решают проблемы, и в какой мере они заинтересованы выполнять свою работу как можно лучше. Если сравнить среднегрупповые показатели направленности на себя и на взаимодействие, то у психологов они выше. Это, вероятно, говорит о том, что психологи ожидают прямого вознаграждения и удовлетворения независимо от того, какую работу и с кем они выполняют.

Как видно из представленного рисунка 4, у психологов и психиатров среднегрупповые показатели интернальности ярко выражены. Но, тем не менее, у психиатров интернальность чуть выше. Это, вероятно, говорит о том, что психиатры более убеждены, что их успехи или неудачи не случайны

и зависят от собственной компетентности, способностей, целеустремленности. Предполагается, что их интересы направлены на внутренний мир человека, который более значим, чем мир предметов и внешних обстоятельств. Вероятно, психиатры предпочитают индивидуальную работу. Экстернальность психологов обусловлена, вероятно, их социальной открытостью, гибкостью поведения.

Рисунок 4. Соотношение показателей когнитивной ориентации групп психологов и психиатров

Условные обозначения: 1 – экстернальность; 2 – интернальность.

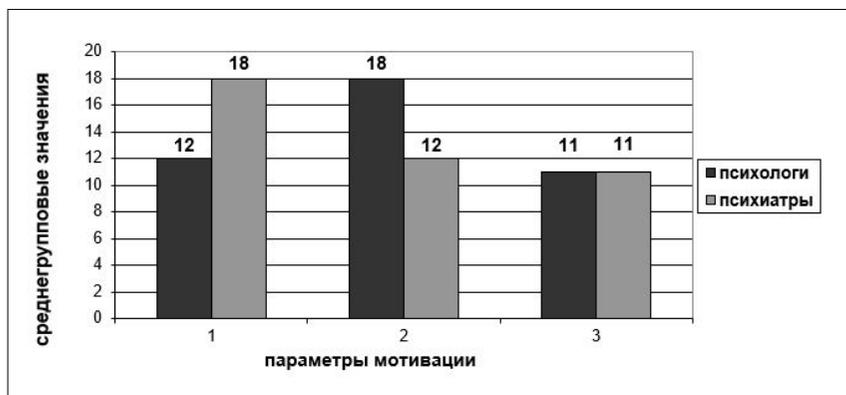
Figure 4. Correlations between the values of cognitive orientation in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – externality; 2 – internality.

Рассмотрев рисунок 5, можно также увидеть различия и по показателям мотивации психологов и психиатров. У психиатров преобладает стремление к социальному престижу, а у психологов преобладает стремление к соперничеству, их среднегрупповые значения равны 18. Стремление к достижению цели, по данным среднегрупповых значений, у исследуемых специалистов слабо выражено, среднегрупповые показатели по данному параметру равны 11. Выраженное стремление к соперничеству у психологов формирует привычку сравнивать свои наличные достижения с достижениями других; предполагается, что это связано с возрастающими требованиями к уровню мастерства специалистов, наличием конкурентов, готовностью специалистов к профессиональному и личностному самоутверждению. Преобладающее у психиатров стремление к социальному престижу выражается в желании

специалистов повышать свою значимость как профессионалов, развивать свои навыки и умения, ценить себя.

Рисунок 5. Соотношение показателей мотивации психологов и психиатров

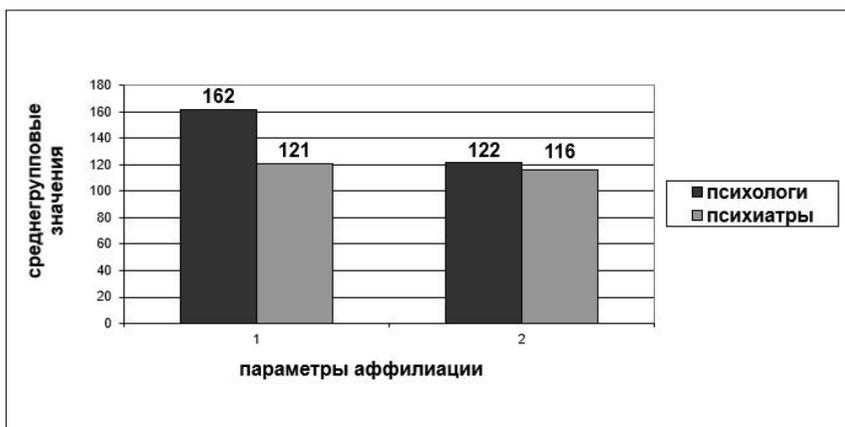
Условные обозначения: 1 – стремление к социальному престижу; 2 – стремление к соперничеству; 3 – стремление к достижению цели.

Figure 5. Correlations among the values of motivation in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – motivation towards social prestige; 2 – motivation towards competition; 3 – motivation towards goal achievement.

Из рисунка 6 видно, что полученные среднегрупповые значения близки к среднему уровню развития мотива. Тем не менее, у психологов по первому показателю (мотив «стремление к людям») среднегрупповое значение равно 162, что превышает показатель среднегруппового значения данного мотива у психиатров. У них выявлены средние значения мотивационных тенденций «стремление к людям» и «боязнь быть отвергнутым». Специалисты, обладающие такими мотивами, не рассматривают окружающих как средство удовлетворения личных потребностей, не стремятся к доминированию над ними, а рассчитывают на сотрудничество.

Можно отметить, что у психологов наиболее благоприятно сочетание обоих мотивационных стремлений, при котором «стремление к людям» развито сильно, а «боязнь быть отвергнутым» – средне. Доминирование у человека мотива «стремление к людям» порождает стиль общения с людьми, характеризующийся уверенностью, непринужденностью, открытостью и смелостью. Внешне это проявляется в особой озабоченности человека установлением, поддержанием дружеских взаимоотношений с людьми.

Рисунок 6. Соотношение показателей аффилиации у психологов и психиатров

Условные обозначения: 1 – оценка стремления к людям; 2 – оценка боязни быть отвергнутым.

Figure 6. Correlations between the values of affiliation in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – orientation towards people; 2 – fear of rejection.

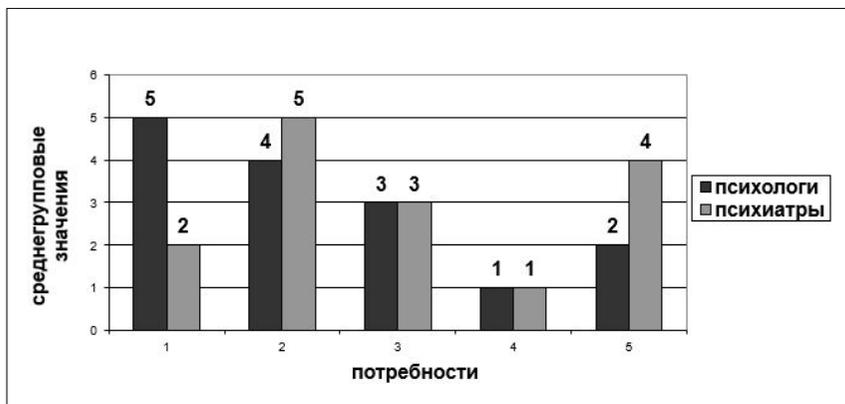
Данный мотив коррелирует со стремлением человека к одобрению со стороны окружающих людей, с уверенностью и желанием самоутверждения, проявлением большой активности и инициативы в общении с окружающими. Специалисты с преобладанием данного мотива достигают более высоких результатов в работе в тех случаях, когда они трудятся не в одиночку, а в составе группы. У них, как правило, более высокий уровень социальной активности, проявляющийся в стремлении включаться в соревнование, организовывать работу других людей.

Из рисунка 7 видно, что у психологов наибольшее среднегрупповое значение по количеству баллов получила когнитивная потребность, а у психиатров – потребность в самореализации. Возможно, у психологов трудовое поведение больше направлено на приобретение новых знаний, получение новой информации, изучение новых методов и т. д. Психиатры же склонны к реализации своего потенциала и роста как личности.

На втором месте у психологов выступает потребность в самореализации, а у психиатров – социальные (межличностные) потребности. На третьем месте по уровню значимости для психологов и психиатров являются физиологические потребности (отдых, жилье, питание) в равной степени значимости. На четвертом месте у психологов – социальные потребности,

у психиатров – когнитивные. На пятом месте – одинаково значимой для психологов и психиатров оказалась потребность в безопасности.

Рисунок 7. Соотношение показателей мотивации трудового поведения у психологов и психиатров

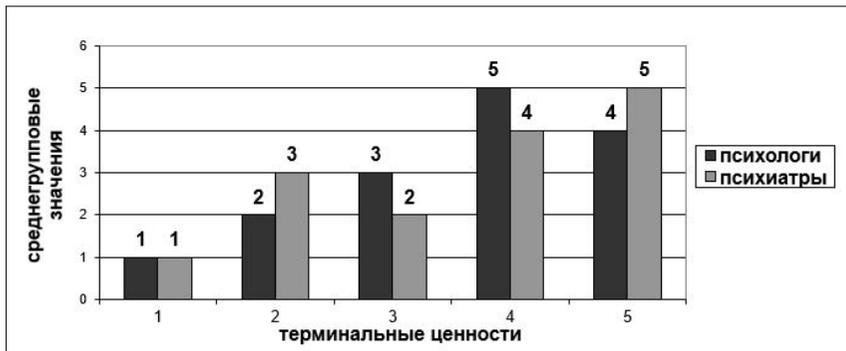
Условные обозначения: 1 – когнитивные потребности; 2 – потребности самореализации; 3 – физиологические потребности; 4 – потребности в безопасности; 5 – социальные потребности.

Figure 7. Correlations among the values of motivation towards labor behavior in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – cognitive needs; 2 – self-realization needs; 3 – physiological needs; 4 – safety needs; 5 – social needs.

Потребности, занимающие первое место у психологов и психиатров, можно отнести к потребностям роста (к высшим потребностям), а достичь высшую ступень пирамиды мотивов можно, только удовлетворив потребности низшего уровня. Зная свои основные мотивы, специалисты могут научиться контролировать их, для того чтобы развивать свою волю, а с этого и начинается подлинное развитие личности профессионала. Большое значение имеет то, что, «оттолкнувшись» от низших мотивов, человек «перерастает» самого себя и начинает решать принципиально иные задачи, связанные с подлинным смыслом учения – задачи развития своих способностей (для того чтобы понять свое предназначение).

Рассмотрев рисунок 8, можно увидеть различия между терминальными ценностями психологов и психиатров. Самую высокую оценку в баллах по результатам среднегрупповых значений у психиатров получили ценности познания (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития), а у психологов первое место по значимости занимают ценности здоровья (психического и физического).

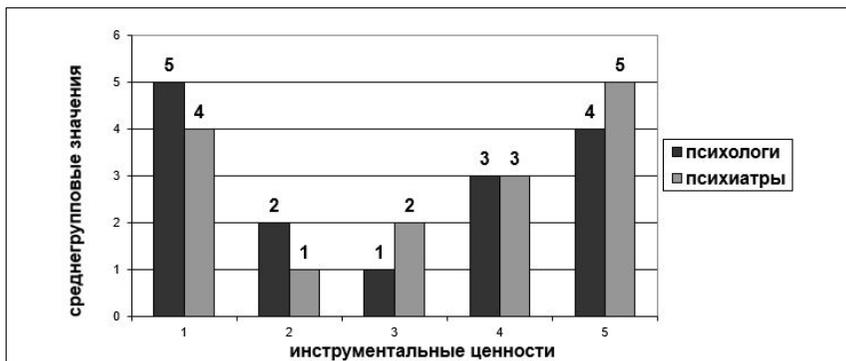

Рисунок 8. Соотношение показателей терминальных ценностей у психологов и психиатров

Условные обозначения: 1 – уверенность в себе; 2 – счастливая семейная жизнь; 3 – интересная работа; 4 – здоровье; 5 – познание.

Figure 8. Correlations among the values of ultimate values in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – self-confidence; 2 – happy family life; 3 – interesting work; 4 – health; 5 – knowledge.

Рисунок 9. Соотношение показателей инструментальных ценностей у психологов и психиатров

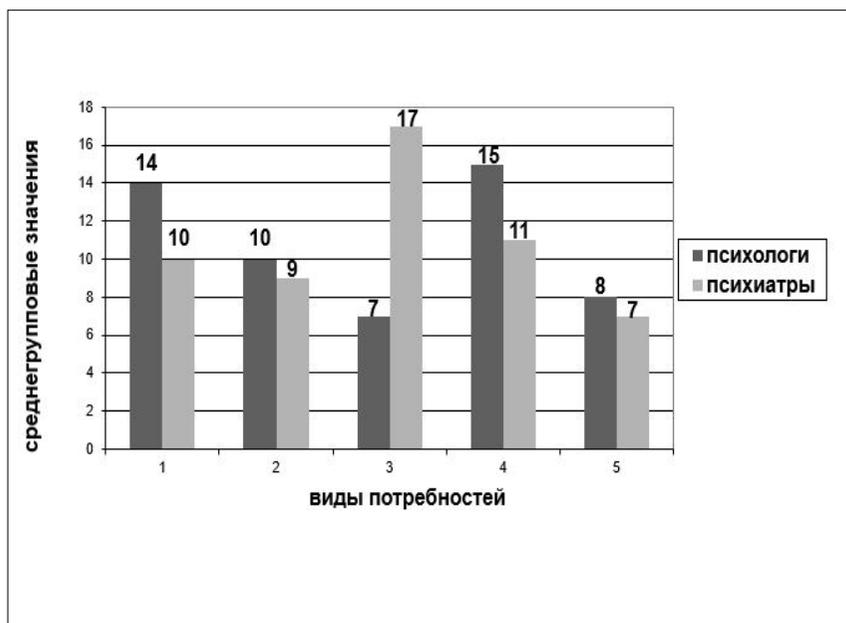
Условные обозначения: 1 – образованность; 2 – жизнерадостность; 3 – честность; 4 – широта взглядов; 5 – терпимость.

Figure 9. Correlations among the values of instrumental values in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – education; 2 – vitality; 3 – honesty; 4 – breadth of views; 5 – tolerance.

Из рисунка 9 видны различия между инструментальными ценностями психологов и психиатров. Для психологов наиболее значимой инструментальной ценностью является образованность (широта знаний, высокая общая культура), т. к. среднегрупповой показатель равен 5 баллам. У психиатров первое место по значимости занимает инструментальная ценность – терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).

Рисунок 10. Соотношение показателей удовлетворенности пяти главных потребностей у психологов и психиатров

Условные обозначения: 1 – материальные потребности; 2 – потребности в безопасности; 3 – потребности в самовыражении; 4 – потребности в признании; 5 – социальные (межличностные) потребности.

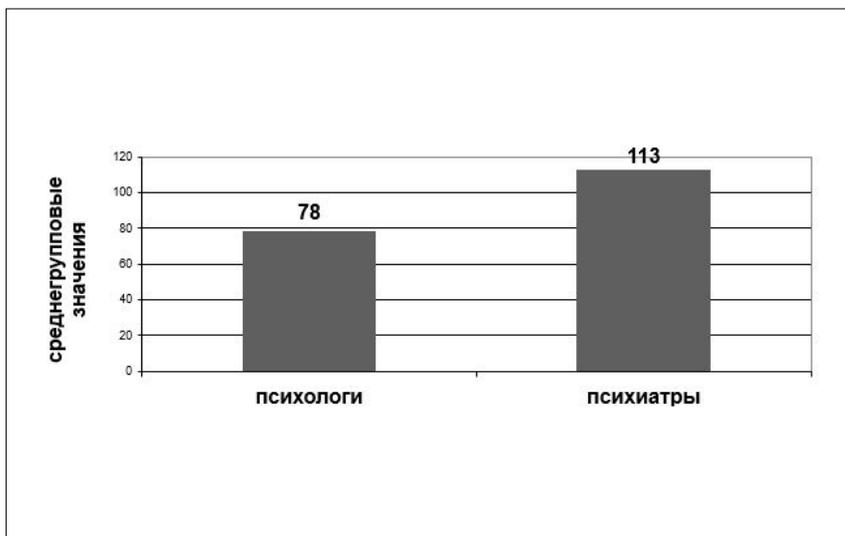
Figure 10. Correlations among the values of five basic needs satisfaction in the groups of psychologists and psychiatrists

Legend: 1 – material needs; 2 – safety needs; 3 – self-expression needs; 4 – recognition needs; 5 – social (interpersonal) needs.

На рисунке 10 видны различия по степени удовлетворенности потребностей у психологов и психиатров. У психологов на границе зон частичной неудовлетворенности и удовлетворенности находятся материальные потребности,

а также потребности в признании. У психиатров в зоне частичной неудовлетворенности находятся потребности в самовыражении. Остальные потребности психологов и психиатров находятся в зоне удовлетворенности.

Рисунок 11. Соотношение показателей психической напряженности у психологов и психиатров

Figure 11. Correlations among the values of mental tension in the groups of psychologists and psychiatrists

Из рисунка 11 видно, что психологи достоверно отличаются от психиатров по уровню психической напряженности, вызванной несоответствием личностных притязаний реальному их удовлетворению. У психологов показатель психической напряженности соответствует удовлетворительному психическому состоянию, тогда как у психиатров показатель психической напряженности соответствует повышенной дискомфортности. У них преобладает повышенная дискомфортность, что связано с принятием большой ответственности на себя за состояние пациента.

Различия между сравниваемыми группами были проверены статистически (см. таблицу 1).

Таблица 1. Эмпирические значения φ -углового преобразования Фишера**Table 1.** Empirical values of the Fisher's angular transformation (φ -test)

№	Эмпирические тестовые параметры мотивационной сферы <i>Empirical values of motivational sphere</i>	$\varphi_{\text{эмп.}}$ $\varphi_{\text{теор.}}$	Значимость <i>Significance</i>
<i>Показатели мотивационной структуры личности</i> <i>Values of personal motivational structure</i>			
1	Жизнеобеспечение Livelihood	1,06	
2	Комфорт Comfort	1,17	
3	Социальный статус Social status	1,38	
4	Общение Communication	1,98	$p < 0,05$
5	Общая активность General activity	0,87	
6	Творческая активность Creative activity	2,87	$p < 0,01$
7	Социальная полезность Social utility	0,26	
<i>Показатели общей мотивационной направленности</i> <i>Values of general motivational orientation</i>			
8	Рабочая мотивационная направленность Working motivational orientation	2,16	$p < 0,05$
9	Общежитейская мотивационная направленность General life's motivational orientation	0,98	
<i>Показатели профессиональной мотивационной направленности</i> <i>Values of professional motivational orientation</i>			
10	Направленность на себя Orientation towards self	0,77	
11	Направленность на взаимоотношения Orientation towards relationship	3,18	$p < 0,01$
12	Направленность на задание Orientation towards work	1,56	

№	Эмпирические тестовые параметры мотивационной сферы <i>Empirical values of motivational sphere</i>	$\Phi_{\text{эмл.}}$ $\Phi_{\text{эмп.}}$	Значимость <i>Significance</i>
<i>Когнитивная мотивационная ориентация</i> <i>Cognitive motivational orientation</i>			
13	Экстернальность <i>Externality</i>	1,47	
14	Интернальность <i>Internality</i>	1,52	
<i>Социальные мотивы</i> <i>Social motives</i>			
15	Стремление к социальному престижу <i>Motivation towards social prestige</i>	1,78	$p < 0,05$
16	Стремление к соперничеству <i>Motivation towards competition</i>	1,92	$p < 0,05$
17	Стремление к достижению цели <i>Motivation towards goal achievement</i>	1,13	
<i>Мотивация аффилиации</i> <i>Motivation of affiliation</i>			
18	Стремление к людям <i>Orientation towards people</i>	1,68	$p < 0,05$
19	Боязнь быть отвергнутым <i>Fear of rejection</i>	1,56	
<i>Основные потребности</i> <i>Basic needs</i>			
20	Когнитивные потребности <i>Cognitive needs</i>	2,11	$p < 0,05$
21	Потребности самореализации <i>Self-realization needs</i>	0,18	
22	Физиологические потребности <i>Physiological needs</i>	0,16	
23	Потребности в безопасности <i>Safety needs</i>	1,01	
24	Социальные потребности <i>Social needs</i>	0,84	

№	Эмпирические тестовые параметры мотивационной сферы <i>Empirical values of motivational sphere</i>	$\Phi_{\text{эмп.}}$ $\Phi_{\text{emp.}}$	Значимость <i>Significance</i>
<i>Терминальные ценности</i> <i>Ultimate values</i>			
25	Уверенность в себе Self-confidence	0,17	
26	Счастливая семейная жизнь Happy family life	1,12	
27	Интересная работа Interesting work	1,15	
28	Здоровье Health	1,41	
29	Познание Knowledge	0,88	
<i>Инструментальные ценности</i> <i>Instrumental values</i>			
30	Образованность Education	0,79	
31	Жизнерадостность Vitality	0,27	
32	Честность Honesty	1,12	
33	Широта взглядов Breadth of views	1,18	
34	Терпимость Tolerance	0,09	
<i>Показатели удовлетворенности основных потребностей</i> <i>Values of basic needs satisfaction</i>			
35	Материальные потребности Material needs	0,22	
36	Потребности в безопасности Safety needs	1,31	

№	Эмпирические тестовые параметры мотивационной сферы <i>Empirical values of motivational sphere</i>	$\Phi_{\text{эмп.}}$ $\Phi_{\text{эмп.}}$	Значимость <i>Significance</i>
37	Потребности в самовыражении Self-expression needs	1,86	$p < 0,05$
38	Потребности в признании Recognition needs	1,61	
39	Социальные (межличностные) потребности Social (interpersonal) needs	1,15	
40	Показатель обобщенной напряженности <i>Values of generalized tension</i>	2,22	$p < 0,05$

Примечание: * $\Phi_{\text{крит.}} = 1,64$ ($p < 0,05$) и $\Phi_{\text{крит.}} = 2,31$ ($p < 0,01$).

Note: * $\Phi_{\text{crit.}} = 1.64$ ($p < 0.05$), $\Phi_{\text{crit.}} = 2.31$ ($p < 0.01$).

Обсуждение результатов

Таким образом, в результате исследования можно отметить, что для психологов характерны: большая направленность на социальную полезность, преобладание когнитивных потребностей; более важной является инструментальная ценность «образованность», а также показатель психической напряженности, соответствующий удовлетворительному психическому состоянию. Для психиатров более характерна направленность на жизнеобеспечение, социальный статус; социальные потребности проявляются в меньшей степени, при этом показатель психической напряженности соответствует повышенной дискомфортности. Кроме того, для психиатров характерна неудовлетворенность в профессиональной самореализации. Учитывая данные отличия, можно предположить, что выявленные особенности ценностно-мотивационной сферы могут способствовать, в совокупности с рядом других факторов (специфика профессиональной деятельности, высокая степень ответственности и т. д.), более высокому риску возникновения синдрома профессионального выгорания у психиатров.

Проведенное исследование позволило полнее изучить мотивацию и ценностные ориентации психологов и психиатров, что было необходимо для определения потребностей работников, важных для прогноза успешности их профессиональной деятельности.

Литература

1. Эннс Е. А. Технологии формирования профессионального самосознания студентов помогающих профессий // Психология в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). СПб.: Реноме, 2011. С. 123–125. <https://moluch.ru/conf/psy/archive/32/1128/> (дата обращения: 04.01.2018).
2. Милакова В. В. Психологические особенности профессионального самоопределения будущих специалистов помогающих профессий социномического типа: дисс. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2007. 234 с.
3. Сорокоумова С. Н., Исаев В. П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 186–190.
4. Урываев В. А. Оценка уровня профессиональной психолого-педагогической подготовленности выпускников медицинских вузов руководителями лечебно-профилактических учреждений // Ярославский психологический вестник. 2004. Вып. 11. С. 45–47.
5. Quail M., Brundage S. B., Spitalnick J., Allen P. J., Beilby J. Student self-reported communication skills, knowledge and confidence across standardised patient, virtual and traditional clinical learning environments // BMC Medical Education. 2016. 16:73. DOI: [10.1186/s12909-016-0577-5](https://doi.org/10.1186/s12909-016-0577-5)
6. Phillips S. P., Dalgarno N. Professionalism, professionalization, expertise and compassion: a qualitative study of medical residents // BMC Medical Education. 2017. 17:21. DOI: [10.1186/s12909-017-0864-9](https://doi.org/10.1186/s12909-017-0864-9)
7. Williams B., Brown T., Boyle M., McKenna L., Palermo C., Etherington J. Levels of empathy in undergraduate emergency health, nursing, and midwifery students: a longitudinal study // Advances in Medical Education and Practice. 2014. № 5. P. 299–306. DOI: [10.2147/AMEP.S66681](https://doi.org/10.2147/AMEP.S66681)
8. Дьяченко М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 175 с.
9. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320, № 6. С. 117–121.
10. Кучерявенко И. А. Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 12. С. 60–62.
11. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 185 с.
12. Кораблина Е. П., Стоянова Е. Ю., Грибанова О. Н. Психологическая готовность к профессиональной деятельности у студентов медицинского колледжа дневного и вечернего отделений // Научное мнение. 2016. № 15. С. 84–87.

13. *Емельяненко Л. М.* Формирование у студентов-медиков мотивационной готовности к профессиональной деятельности // Научно-исследовательская работа. 2011. № 2. С. 35–38.
14. *Фитьмова А. А.* Развитие профессиональной мотивации будущих врачей в процессе обучения в вузе: дисс. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2012. 253 с.
15. *Зайцева В. М.* Индивидуально-психологические особенности личности студентов и мотивы в выборе врачебной специальности: на материале медицинского вуза: дисс. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2004. 199 с.
16. *Budhathoki S. S., Zwanikken P. A. C., Pokharel P. K., Scherpbier A. J.* Factors influencing medical students' motivation to practice in rural areas in low-income and middle-income countries: a systematic review // *BMJ Open*. 2017. Vol. 7, Issue 2. DOI: [10.1136/bmjopen-2016-013501](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-013501)
17. *Heiligers P. J. M.* Gender differences in medical students' motives and career choice // *BMC Medical Education*. 2012. 12:82. DOI: [10.1186/1472-6920-12-82](https://doi.org/10.1186/1472-6920-12-82)
18. *Kusurkar R. A., Croiset G., Galindo-Garré F., Olle Ten Cate* Motivational profiles of medical students: Association with study effort, academic performance and exhaustion // *BMC Medical Education*. 2013. 13:87. DOI: [10.1186/1472-6920-13-87](https://doi.org/10.1186/1472-6920-13-87)
19. *Арасланова А. Т.* Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях медицинского колледжа: дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2008. 237 с.
20. *Комолкина О. И., Чернецкая Н. И.* Профессиональные ценностные ориентации студентов и особенности их становления в процессе обучения в медицинском колледже // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14, № 2. С. 105–117. DOI: [10.21702/rpj.2017.2.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.6)
21. *Чернецкая Н. И., Комолкина О. И.* Мотивы выбора профессии медицинской сестры // *Педагогический имидж*. 2017. № 4 (37). С. 142–148.
22. *Нугаева А. Н.* Мотивационно-ценностная сфера личности специалиста-психолога как основа его профессионального развития // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 74–2. С. 203–208.
23. *Быков С. В., Ляпина И. А.* Эмоциональное выгорание как фактор трудового стресса работников психоневрологического диспансера // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*. 2013. № 1. С. 85–93.
24. *Туран Н. К.* О взаимосвязи эмоционального выгорания и профессиональной мотивации врачей общего профиля // *Психология в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.)*. СПб.: Реноме, 2013. С. 104–108. URL <https://moluch.ru/conf/psy/archive/109/4305/> (дата обращения: 16.05.2018).

25. Глуценко М. В., Кудрявая Н. В. Место психологии в профессиональной подготовке врача: гуманитарное приложение или составляющая профессиональной идентичности // Ярославский психологический вестник. 2004. Вып. 11. С. 86–87.
26. Дронова Е. А., Еремина М. В. Оценка формирования готовности врача к профессиональной деятельности в экстремальных ситуациях // Успехи современного естествознания. 2011. № 8. С. 101–101.
27. Кузеванова А. Л. Семейный врач в современной России: опыт социального портрета: дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2004. 180 с.
28. Утробина В. Г. Психологическая подготовка студентов-медиков – необходимое условие профессионализма будущего врача // Ярославский психологический вестник. 2004. Вып. 11. С. 75–76.
29. Виноградова Н. И., Цыдыпова С. Д. Становление профессионального здоровья будущего психолога образования // Ученые записки ЗабГУ. 2013. № 5 (52). С. 111–117.
30. Чернецкая Н. И. Особенности ценностно-смысловых ориентаций личности у представителей профессий системы «человек – человек» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Математика. 2016. Т. 16. С. 57–66.
31. Eisenberg L. Is psychiatry more mindful or brainier than it was a decade ago? // The British Journal of Psychiatry. 2000. Vol. 176. P. 1–5.
32. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004. 509 с.
33. Прохоров А. О. Практикум по психологии состояний: Учебное пособие. СПб: Речь, 2004. 480 с.
34. Верещагина Л. А. Психология персонала. Потребности, мотивация и ценности. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. 212 с.

References

1. Enns E. A. Tekhnologii formirovaniya professional'nogo samosoznaniya studentov pomagayushchikh professii [Technologies of the formation of professional self-consciousness in students of helping professions]. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Psychology in Russia and abroad: Proc. the International Theoretical Conference]. St. Petersburg, Renome Publ., 2011, pp. 123–125. Available at: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/32/1128/> (Accessed 04 January 2018).
2. Milakova V. V. *Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo samoopredeleniya budushchikh spetsialistov pomagayushchikh professii sotsionomicheskogo tipa* [Psychological features of professional self-determination of future specialists of helping professions of a socionomic type]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Astrakhan, 2007. 234 p.

3. Sorokoumova S. N., Isaev V. P. Specific character of professional activity of specialists of helping professions. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2013, no. 4, pp. 186–190 (in Russian).
4. Uryvaev V. A. Assessing the level of professional psychological and pedagogical readiness of graduates of medical schools heads of medical institutions. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik – Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2004, V. 11, pp. 45–47 (in Russian).
5. Quail M., Brundage S. B., Spitalnick J., Allen P. J., Beilby J. Student self-reported communication skills, knowledge and confidence across standardised patient, virtual and traditional clinical learning environments. *BMC Medical Education*, 2016, 16:73. DOI: [10.1186/s12909-016-0577-5](https://doi.org/10.1186/s12909-016-0577-5)
6. Phillips S. P., Dalgarno N. Professionalism, professionalization, expertise and compassion: a qualitative study of medical residents. *BMC Medical Education*, 2017, 17:21. DOI: [10.1186/s12909-017-0864-9](https://doi.org/10.1186/s12909-017-0864-9)
7. Williams B., Brown T., Boyle M., McKenna L., Palermo C., Etherington J. Levels of empathy in undergraduate emergency health, nursing, and midwifery students: a longitudinal study. *Advances in Medical Education and Practice*, 2014, no. 5, pp. 299–306. DOI: [10.2147/AMEP.S66681](https://doi.org/10.2147/AMEP.S66681)
8. D'yachenko M. I. *Psikhologicheskie problemy gotovnosti k deyatel'nosti* [Psychological problems of readiness for activity]. Minsk, BSU Publ., 1976. 175 p.
9. Zhukova V. F. Psychological and pedagogical analysis of the category of 'psychological readiness'. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Tomsk Polytechnic University*, 2012, V. 320, no. 6, pp. 117–121 (in Russian).
10. Kucheryavenko I. A. Problem of psychological readiness for professional activity. *Molodoi uchenyi – Young Scientist*, 2011, V. 2, no. 12, pp. 60–62 (in Russian).
11. Shadrikov V. D. *Problemy sistemogeneza professional'noi deyatel'nosti* [Problems of the system genesis of professional activity]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 185 p.
12. Korablina E. P., Stoyanova E. Yu., Griбанова O. N. Psychological readiness for professional activity in day and evening students of a medical college. *Nauchnoe mnenie – Scientific Opinion*, 2016, no. 15, pp. 84–87 (in Russian).
13. Emelyanenko L. M. Formation of motivational readiness for professional activity among medical students. *Nauchno-issledovatel'skaya rabota – Research Work*, 2011, no. 2, pp. 35–38 (in Russian).
14. Fit'mova A. A. *Razvitie professional'noi motivatsii budushchikh vrachei v protsesse obucheniya v vuze* [Development of professional motivation in future physicians during training in higher school]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Stavropol, 2012. 253 p.

15. Zaitseva V. M. *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti studentov i motivy v vybore vrachebnoi spetsial'nosti: na materiale meditsinskogo vuza* [Individual and psychological characteristics of students' personality and motives for choosing a medical specialty: A case of medical high schools]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Smolensk, 2004. 199 p.
16. Budhathoki S. S., Zwanikken P. A. C., Pokharel P. K., Scherpbier A. J. Factors influencing medical students' motivation to practice in rural areas in low-income and middle-income countries: a systematic review. *BMJ Open*, 2017, V. 7, Issue 2. DOI: [10.1136/bmjopen-2016-013501](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-013501)
17. Heiligers P. J. M. Gender differences in medical students' motives and career choice. *BMC Medical Education*, 2012, 12:82. DOI: [10.1186/1472-6920-12-82](https://doi.org/10.1186/1472-6920-12-82)
18. Kusurkar R. A., Croiset G., Galindo-Garré F., Olle Ten Cate. Motivational profiles of medical students: Association with study effort, academic performance and exhaustion. *BMC Medical Education*, 2013, 13:87. DOI: [10.1186/1472-6920-13-87](https://doi.org/10.1186/1472-6920-13-87)
19. Araslanova A. T. *Formirovanie kommunikativnoi kompetentnosti studentov v usloviyakh meditsinskogo kolledzha* [Formation of communicative competence among students in the medical college]. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Orenburg, 2008. 237 p.
20. Komolkina O. I., Chernetskaya N. I. Students' professional value guidelines and their formation when studying at a medical college. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 2, pp. 105–117 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2017.2.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.6)
21. Chernetskaya N. I., Komolkina O. I. The motives for choosing nursing as a profession. *Pedagogicheskii imidzh – Pedagogical Image*, 2017, no. 4 (37), pp. 142–148 (in Russian).
22. Nugaeva A. N. Motive-value sphere of a psychologist's personality as a basis of his/her vocational development. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 74–2, pp. 203–208 (in Russian).
23. Bykov S. V., Lyapina I. A. Emotional burnout as a factor of working stress in employees of psychoneurological dispensaries. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2013, no. 1, pp. 85–93 (in Russian).
24. Turan N. K. O vzaimosvyazi emotsional'nogo vygoraniya i professional'noi motivatsii vrachei obshchego profilya [On the relationship of burnout and professional motivation in general practitioners]. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Psychology in Russia and abroad: Proc. the International Theoretical Conference]. St. Petersburg, Renome Publ., 2011, pp. 104–108. Available at: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/109/4305/> (Accessed 16 May 2018).

25. Glushchenko M. V., Kudryavaya N. V. The role of psychology in the professional training of physicians: Humanities application or a component of professional identity. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik – Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2004, V. 11, pp. 86–87 (in Russian).
26. Dronova E. A., Eremina M. V. Assessing the formation of a physician's readiness for professional activity in extreme situations. *Uspekhi sovremenogo estestvoznaniya – Advances in Modern Natural Science*, 2011, no. 8, pp. 101–101 (in Russian).
27. Kuzevanova A. L. *Semeinyi vrach v sovremennoi Rossii: opyt sotsial'nogo portreta* [The family doctor in modern Russia: An experience of a social portrait]. Diss. Cand. Sci. (Soc.). Volgograd, 2004. 180 p.
28. Utrobina V. G. Psychological training of medical students as an important condition for the professionalism of future doctors. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik – Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2004, Issue 11, pp. 75–76 (in Russian).
29. Vinogradova N. I., Tsydypova S. D. Formation of the professional health of future education psychologists. *Uchenye zapiski ZabGU – Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2013, no. 5 (52), pp. 111–117 (in Russian).
30. Chernetskaya N. I. Characteristics of personal value meaning orientations in representatives of 'subject – subject' professions. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Matematika – Izvestiya of the Irkutsk State University. Series: Mathematics*, 2016, V. 16, pp. 57–66 (in Russian).
31. Eisenberg L. Is psychiatry more mindful or brainier than it was a decade ago? *The British Journal of Psychiatry*, 2000, V. 176, pp. 1–5.
32. Il'in E. P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 509 p.
33. Prokhorov A. O. *Praktikum po psikhologii sostoyanii* [Tutorial of the psychology of states]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2004. 480 p.
34. Vereshchagina L. A. *Psikhologiya personala. Potrebnosti, motivatsiya i tsennosti* [Psychology of personnel: Needs, motivation, and values]. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentri Publ., 2012. 212 p.

УДК 159.91

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.5)

Психофизиологические корреляты решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации

Павел Н. Ермаков¹, Екатерина Г. Денисова^{2*}

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: keithdenisova@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты исследования психофизиологических коррелят процесса решения вербальных задач на смысл. Новизна исследования заключается в использовании задач на смысл как инструмента моделирования процесса смыслообразования в условиях психофизиологического эксперимента. Авторы предполагают, что характеристики электрической активности мозга могут отражать особенности процесса решения задач, направленных на раскрытие личностного смысла.

Методы. С целью проверки выдвинутой гипотезы использовался метод электроэнцефалографии (ЭЭГ). Регистрация электроэнцефалограммы мозга проводилась в 128 отведениях с использованием многоканального электроэнцефалографа «Нейровизор-136» (производства компании «МКС», Россия). В исследовании приняли участие юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет, объем выборки составил 52 человека. Участникам эксперимента в интерактивном режиме предъявлялись вербальные задачи, моделирующие ситуацию смысловой инициации, и эмоционально нейтральные логические задания.

Результаты. Установлено, что частотно-пространственные характеристики биоэлектрической активности коры головного мозга во время решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации достоверно отличаются от показателей активности во время решения простых мыслительных задач ($p < 0,05$). Кроме того, отмечаются половые различия частотно-пространственных характеристик ЭЭГ ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов. Повышение функциональной активности фронтальных и центральных областей мозга, а также увеличение высокочастотной ритмики в темпорально-париетально-окципитальной зоне левого полушария могут отражать увеличение когнитивно-аффективной нагрузки во время решения задач в ситуации смысловой инициации.

Процесс смыслообразования, по-видимому, реализуется посредством мультимодального синтеза, при участии семантической и образной долговременной памяти.

Ключевые слова

ЭЭГ-корреляты, энцефалография, психофизиология, смыслообразование, смысловая инициация, вербальные задачи, задачи на смысл, мозговые механизмы, мышление, личностный смысл

Основные положения

- ▶ процесс решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации отражает особенности процесса смыслообразования и характеризуется особой частотно-пространственной организацией биоэлектрической активности коры головного мозга;
- ▶ решение задач на смысл сопровождается снижением медленноволновой активности дельта- и тета-диапазонов, десинхронизацией альфа-ритма, а также увеличением относительного показателя представленности бета2- и гамма-ритмов;
- ▶ в подгруппах юношей и девушек наблюдаются различные изменения суммарной электрической активности коры головного мозга при сравнении показателей простой мыслительной деятельности и активности во время решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации;
- ▶ увеличение активности фронтальных отделов коры и выраженная активация левой темпорально-париетально-окципитальной зоны при решении вербальных задач в ситуации смысловой инициации характерны для подгруппы девушек;
- ▶ в подгруппе юношей изменения суммарной электрической активности коры головного мозга при решении вербальных задач на смысл менее выражены и в основном характеризуются повышением уровня активности фронтальной коры и париетально-окципитальной области левого полушария.

Для цитирования

Ермаков П. Н., Денисова Е. Г. Психофизиологические корреляты решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 103–127. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.5

Материалы статьи получены 08.08.2018

UDC 159.91

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.5)

Psychophysiological correlates of the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings

Pavel N. Ermakov¹, Ekaterina G. Denisova^{2*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: keithdenisova@gmail.com

Abstract

Introduction. This paper presents the study of psychophysiological correlates of the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings. For the first time in psychophysiological research the authors employed meaning tasks as a tool for modeling the meaning-building process. The authors assume that certain patterns of the electrical activity of the brain may be associated with the process of solving verbal tasks in situations initiating personal meanings.

Methods. The study sample comprised 52 individual participants – boys and girls aged 18 to 25 years. The participants were visually presented with two types of tasks, namely (a) emotionally neutral logical tasks (control) and (b) verbal tasks that modeled situations of personal meaning initiation (test). The EEG activity was recorded from 128 leads using a multi-channel electroencephalograph (Neurovisor-136, Medical Computer Systems, LTD, Russia).

Results. Brain activity patterns during the solving of verbal tasks in a situation of personal meaning initiation significantly differ from activity during the solving of simple mental tasks ($p < 0.05$). The results indicate an increase in the functional activity of the frontal and central regions of the brain, as well as the temporal-parietal-occipital area of the left hemisphere. In addition to these differences, the results indicate that there were sex differences in the EEG frequency and spatial characteristics ($p < 0.05$).

Discussion. The increase in functional activity in frontal and central brain regions and the increase in high-frequency rhythms in the temporal-parietal-occipital area of the left hemisphere may be associated with an increase in cognitive and affective loads during the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings. It seems that creation of personal meaning is realized by means of multimodal synthesis and is associated with verbal and non-verbal long-term memory.

Keywords

EEG correlates, encephalography, psychophysiology, creation of personal meaning, meaning initiation, verbal tasks, meaning tasks, brain mechanisms, thinking, personal meaning

Highlights

- ▶ The performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings is associated with a certain frequency and spatial organization of the bioelectric activity of the cerebral cortex and characteristics of the process of personal meanings creation.
- ▶ The performance of 'meaning tasks' is accompanied by a decrease in the slow-wave activity of delta and theta frequency bands, an increase in a relative index of beta2 and gamma rhythms, and alpha desynchronization.
- ▶ The comparison of psychophysiological correlates of mental activity during the performance of simple mental tasks and verbal tasks in situations initiating personal meanings demonstrated different changes in the electrical activity of the cerebral cortex in the subgroups of boys and girls.
- ▶ In the subgroup of girls, the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings is associated with the increased activity in the frontal cortex and activation in the left temporal-parietal-occipital area.
- ▶ In the subgroup of boys, changes in the electrical activity of the cerebral cortex during the performance of 'meaning tasks' are less evident and are mainly characterized by the increased activity in the frontal cortex and the parietal-occipital area of the left hemisphere.

For citation

Ermakov P. N., Denisova E. G. Psychophysiological correlates of the performance of verbal tasks in situations initiating personal meanings. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 103–127 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.5

Original manuscript received 08.08.2018

Введение

Смысловая реальность как предмет научного исследования в психологии широко представлена в трудах отечественных ученых [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Исследователи обращают внимание на необходимость исследования механизмов смыслообразования [7, 8, 9]. В отношении стратегий смыслообразования в отечественной литературе нет единой позиции. Встречаются описания механизмов и стратегий усвоения смысла, классификации и стратегии образования личностных смыслов, а также пути формирования и способы трансляции смысловых установок [10, 11 и др.].

Исследование механизмов смыслообразования входит в проблематику когнитивной науки. Фундаментальные исследования мышления показали необходимость изучения не только движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые детерминируют содержание и направленность мышления субъекта [12]. В свою очередь, изучение

процессуальной стороны мыслительной деятельности уже давно вышло за рамки психологии и обратилось к методам психофизиологического исследования. С позиций смысловой теории мышления О. К. Тихомирова именно смыслообразование выступает как основной процесс интеграции новообразований в мышлении [13]. Ситуация смысловой инициации рассматривается как процесс объединения в акте мышления его когнитивного и аффективного компонентов, в результате которого появляется субъективно новое – личностный смысл. При этом интегративная роль смысловой сферы реализуется через опосредование порождения и функционирования когнитивных образований (образов, понятий, знаний) и процессов целеполагания [2, 9].

Психофизиологические особенности активности мозга в процессе мыслительной деятельности (решения вербальных задач) рассматриваются в ряде работ [14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и др.]. Активно исследуются мозговые механизмы решения креативных задач [21, 22, 23, 24 и др.]. В работах последних десятилетий изучаются нейрофизиологические корреляты стратегий и индивидуальных особенностей когнитивных процессов [25, 26, 27, 28], понятийного мышления [29], вербального интеллекта [30] и творческого мышления [31, 32, 33, 34]. В рамках развития данной проблематики при помощи методов нейровизуализации была выстроена своя схема исследования, методология моделирования мыслительной деятельности в условиях психофизиологического эксперимента, накоплено огромное количество данных. Однако используемые в лабораторных условиях для моделирования мыслительного процесса задачи не дают возможность в полной мере изучить особенности обработки информации, связанной с индивидуальным опытом и смысловой сферой личности, а работ, посвященных психофизиологическим коррелятам данного процесса, на сегодняшний день практически нет.

В этой связи актуальным становится комплексное изучение процесса смыслообразования с позиций его психологических и психофизиологических особенностей. Исследование психофизиологических коррелятов процесса решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации может в значительной мере расширить современные представления о психологической и психофизиологической природе смыслообразования. Такой подход позволит расширить и уточнить представления о психологических и психофизиологических механизмах, лежащих в основе мышления человека.

Целью проведенного исследования выступило изучение психологических и психофизиологических особенностей решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации. *Предметом* – психологические особенности и биоэлектрическая активность коры головного мозга юношей и девушек в процессе решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации.

Гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

1. Характеристики биоэлектрической активности коры головного мозга могут отражать особенности процесса решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации.

2. Характеристики биоэлектрической активности коры головного мозга в процессе решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации у юношей и девушек могут различаться.

Методы

В исследовании приняли участие юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет, средний возраст $19,8 \pm 1,6$. Объем выборки – 52 человека (27 девушек, 25 юношей) с нормальным или скорректированным зрением.

Репрезентативность выборки определяется количеством участников эксперимента (необходимой и достаточной выборкой) и их искренним желанием принять участие в исследовании.

В ходе психофизиологического эксперимента использовался метод электроэнцефалографии (ЭЭГ). В начале эксперимента предъявлялись тренировочные задачи для обучения испытуемого правилам поведения в ходе записи ЭЭГ и адаптации к ситуации эксперимента. Далее участникам эксперимента в интерактивном режиме были визуально предъявлены вербальные задачи открытого типа (без заданного ответа или способа решения), моделирующие ситуацию смысловой инициации, а также контрольные задания – простые, эмоционально нейтральные логические задания.

Регистрация электроэнцефалограммы проводилась с использованием многоканального электроэнцефалографа «Нейровизор-136» (производства компании «МКС», Россия). Запись велась монополярно, стандартно, в 128 отведениях с двумя референтными ипсилатеральными ушными электродами (A1, A2). Для обработки записей ЭЭГ использовалось следующее программное обеспечение: Microsoft Excel, HBI database, WinEEG. Коррекция артефактов проводилась по независимым компонентам. Анализировались отрезки от начала до завершения выполнения тестовых (экспериментальных) и контрольных задач. Эпоха анализа составляла 1 секунду, полуперекрывание эпох – 50 %, временное окно Ханна. Для дальнейшего анализа для каждого испытуемого и каждого задания были рассчитаны абсолютные значения мощностей в дельта (δ) – 1.5–4 Гц, тета (θ) – 4–8 Гц, альфа (α) – 8–13 Гц, бета1 (β_1) – 13–20 Гц, бета2 (β_2) – 20–30 Гц и гамма (γ_1) – 30–50 Гц диапазонах.

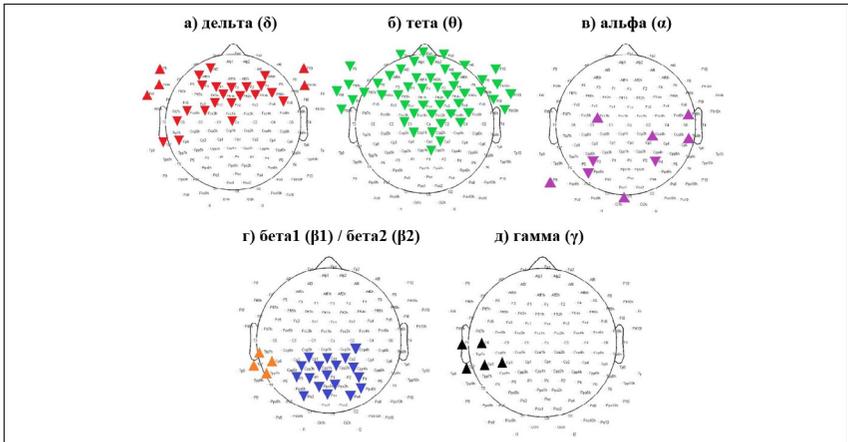
Сравнительный анализ достоверности различий показателей спектральной мощности и индекса по частотным диапазонам проводился с помощью многофакторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA (repeated measures ANOVA) и сравнительного post-hoc анализа по критерию LSD Фишера.

По относительному показателю мощности (индекс,%) удалось выявить достоверные изменения во всех ритмических диапазонах электрической активности головного мозга при решении задач на смысл в сравнении с активностью во время решения контрольных заданий (рисунок 2).

При решении вербальных задач на смысл во фронтальных (Af3, Aff5, Aff6, F3, F1, Fz, F2, F4, Fft1, Fft2, Fft4, Fft6, Fc1, Fcz, Fc6, Fcc5, Fcc3) и центральных отведениях со сдвигом влево (C5, Tr7, Cp5, Cz) дельта-индекс значительно снижается, а во фронтально-темпоральных (F9, F10, Fft9, Fft10, Ft9, Ft10) отведениях билатерально – возрастает. Генерализованное снижение тета-индекса отмечается во фронтальных, фронтально-темпоральных и центральных отведениях. Индекс альфа-диапазона снижается в париетальной области слева (P9, P3, Ppо5) и отведениях Oz и P4, возрастает в центральных (Fcc3, Ccp4) и темпоральных отведениях справа (Ftt8, Ttp8). Индекс бета1 снижается в париетальных отведениях по центру со сдвигом к затылку (Cp1, Cpz, Cp2, Cpp3, Cpp1, Cpp2, Cpp4, P3, P1, Pz, P4, Ppо1, Ppо2, Ppо6, Pо3, Poz, Pо4). При этом в темпоральных отведениях справа отмечается возрастание индекса бета2 (Ttp7, Tr7, Cp5, Tpp7) и гамма-индекса (T3, C5, Tr7, Cp5, Cp3).

Рисунок 2. Различия по относительному показателю мощности (%) основных ритмов ЭЭГ во время выполнения тестовых и контрольных заданий ($p < 0,05$)

Условные обозначения: а) различия дельта-индекса; б) различия тета-индекса; в) различия альфа-индекса; г) различия бета-индекса; д) различия гамма-индекса.

Figure 2. Differences in the relative power values (%) of EEG rhythms during the performance of test and control tasks ($p < 0.05$)

Legend: a) differences in the delta index; b) differences in the theta index; c) differences in the alpha index; d) differences in the beta index; e) differences in the gamma index.

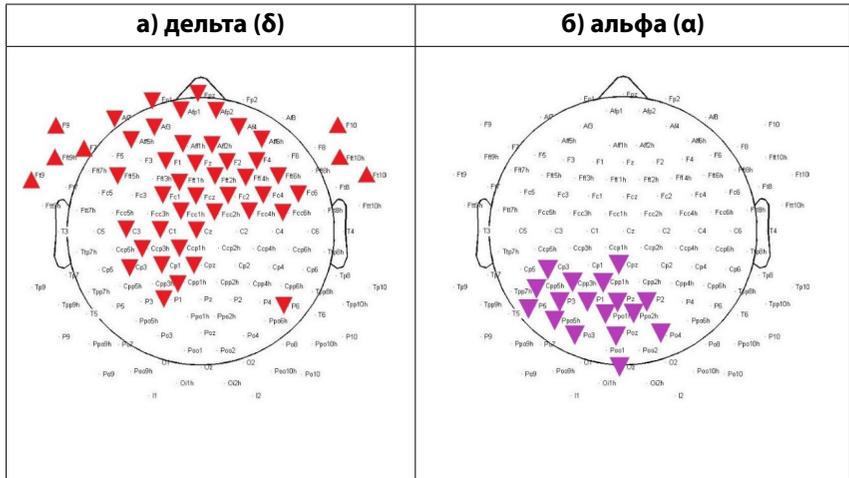
Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что биоэлектрическая активность коры головного мозга во время решения вербальных задач на смысл, в сравнении с контрольными пробами, характеризуется снижением мощности и индекса медленноволновой активности дельта-диапазона и индекса тета-диапазона во фронтальной и центральной областях, десинхронизацией альфа-ритма в затылочных областях со сдвигом влево и возрастанием альфа-индекса в темпоральной области справа. Кроме того, удалось установить, что при решении задач, инициирующих процесс смыслообразования, индекс бета1 снижается в париетальных отведениях по центру со сдвигом к затылку, а в темпоральных отведениях слева отмечается возрастание индекса бета2 и гамма-индекса.

Для того чтобы охарактеризовать частотно-пространственной функциональной организацией коры головного мозга в процессе решения вербальных задач в подгруппах юношей и девушек, сравнительный анализ мощностей и индексов основных ритмов ЭЭГ при помощи многофакторного дисперсионного анализа (Repeated measures ANOVA) был проведен по усредненным показателям спектральной мощности и индекса в очищенных от артефактов отрезках, соответствующих периодам решения тестовых (смысловых) и контрольных заданий в подгруппах юношей и девушек по-отдельности (девушки ТЕСТxКОНТРОЛЬ; юноши ТЕСТxКОНТРОЛЬ).

При анализе спектральной мощности основных ритмов ЭЭГ во время выполнения функциональных проб (тест) в сравнении с активностью при решении контрольных заданий в подгруппе девушек были выявлены статистически значимые различия в дельта- и альфа-диапазонах (рисунок 3).

Полученные в подгруппе девушек результаты в целом повторяют картину, полученную при сравнении мозговых коррелят решения вербальных задач на смысл и выполнения контрольных заданий во всей выборке. Во фронтальных отведениях со сдвигом вправо (Fp1, FPz, Afp1, Afp2, Af7, Af3, Af4, Af8, Aff5, Aff1, Aff2, Aff6, F1, Fz, F2, F4, Fft5, Fft1, Fft2, Fft4, Fft6, Fc1, Fcz, Fc2, Fc4, Fc6, Fcc1, Fcc2, Fcc4, Fcc6) и центральных отведениях со сдвигом влево (C3, C1, Cz, Csp3, Csp1, Cp3, Cp1, Cpz, Cpp1), а также в отведениях P1 и P6, мощность дельта-ритма значимо снижается. Во фронтально-темпоральных (F9, F10, F7, Fft9, Fft10, Ft9, Ft10, Ftt10) отведениях билатерально мощность дельта-ритма возрастает. Отмечено снижение мощности альфа-ритма в париетальной (Cp3, Cpz, Cpp5, Cpp3, Cpp1, P5, P3, P1, Pz, P2, Ppo5 Ppo1, Ppo2) и окципитальной (Po3, Poz, Po4, Oz) областях.

В результате сравнительного анализа индексов основных ритмов во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе девушек выявлены достоверные изменения в дельта-, тета-, альфа- и бета-диапазонах (рисунок 4).

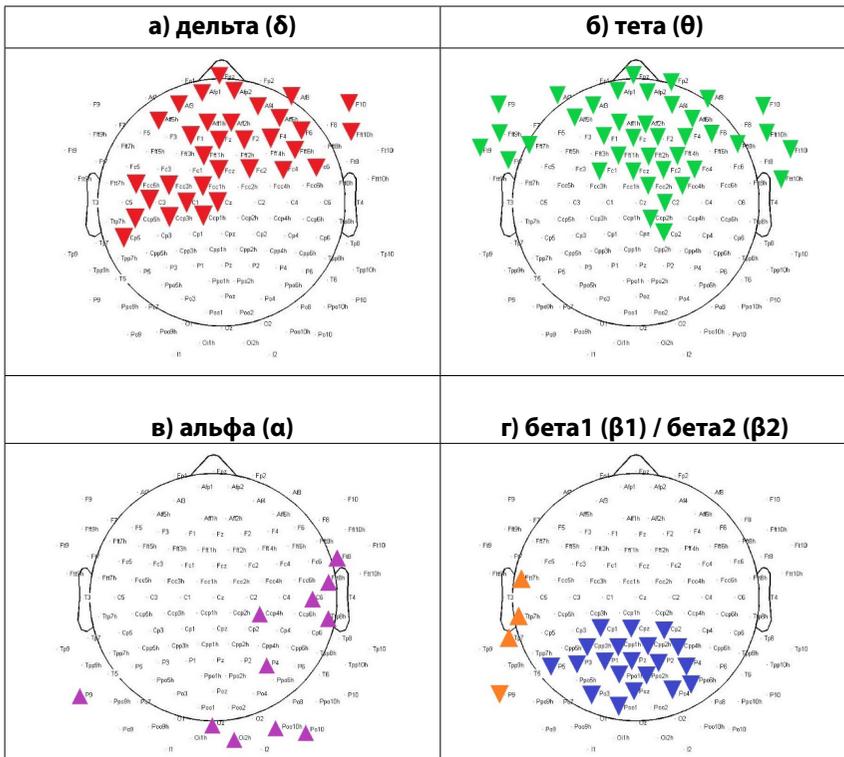
Рисунок 3. Различия по усредненным показателям мощности основных ритмов ЭЭГ во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе девушек ($p < 0,05$)

Условные обозначения: а) различия дельта-диапазона; б) различия альфа-диапазона.

Figure 3. Differences in the average power values of EEG rhythms during the performance of test and control tasks in the subgroup of girls ($p < 0.05$)

Legend: a) differences in the delta frequency range; b) differences in the alpha frequency range.

При решении вербальных задач на смысл во фронтальных со сдвигом вправо (Fpz, Afp1, Afp2, Af3, Af4, Aff5, Aff1, Aff2, Aff6, F1, Fz, F2, F4, F6, F10, Fft1, Fft2, Fft4, Fft6, Fft10, Fcz, Fc2, Fc4, Fc6) и центральных отведениях со сдвигом влево (Fcc5, Fcc3, Fcc1, C3, C1, Cz, Ccp5, Ccp3, Ccp1, Cp5) дельта-индекс значительно снижается. Снижение тета-индекса отмечается во фронтальных отведениях со сдвигом вправо (Fpz, Afp1, Afp2, Af7, Af3, Af4, Af8, Aff5, Aff1, Aff2, Aff6, F9, F1, Fz, F2, F4, F6, F10, Fft1, Fft2, Fft4, Fft6, Fcz, Fc2, Fc4, Fc6), билатерально во фронтально-темпоральной области (Fft9, Fft8, Fft10, Ft9, Ft7, Ft10, Ftt10) и центральных отведениях (Fcc2, Fcc4, C2, Ccp2, Cp2). Индекс альфа-диапазона возрастает в темпоральных (Ftt8, Ft8, Ttp8), центральных (C6, Ccp4) и затылочных (P4, Oz, Oi2, Poo10, Po10) отведениях правого полушария и отведении P9. Индекс бета1 снижается в парietальных отведениях по центру со сдвигом к затылку (Cp1, Cpz, Cp2, Cpp3, Cpp1, Cpp2, Cpp4, P5, P3, P1, Pz, P2, P4, Ppo1, Ppo2, Ppo6, Po3, Poz, Po4, Poo1). Индекс бета2 снижается в отведении P9 и возрастает в темпоральных отведениях справа (Ftt7, Ttp7, Tp7).

Рисунок 4. Различия индексов основных ритмов ЭЭГ во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе девушек ($p < 0,05$)

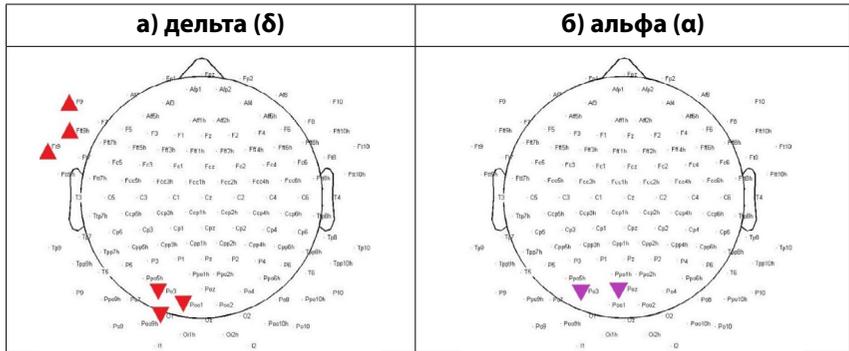
Условные обозначения: а) различия дельта-индекса; б) различия тета-индекса; в) различия альфа-индекса; г) различия бета-индекса.

Figure 4. Differences in the indices of EEG rhythms during the performance of test and control tasks in the subgroup of girls ($p < 0.05$)

Legend: a) differences in the delta index; b) differences in the theta index; c) differences in the alpha index; d) differences in the beta index.

В подгруппе юношей анализ спектральной мощности основных ритмов ЭЭГ во время выполнения функциональных проб (тест), в сравнении с активностью при решении контрольных заданий, показал значительно меньше значимых различий (рисунок 5).

В затылочной области со сдвигом вправо удалось установить значимое снижение мощности дельта- (P_{o3} , P_{o1} , $O1$) и альфа- (P_{o3} , P_{o2}) диапазонов. Кроме того, у юношей мощность дельта-ритма возрастает во фронтально-темпоральных отведениях левого полушария ($F9$, $Ft9$, $Ft9$).

Рисунок 5. Различия по усредненным показателям мощности основных ритмов ЭЭГ во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе юношей ($p < 0,05$)

Условные обозначения: а) различия дельта-диапазона; б) различия альфа-диапазона.

Figure 5. Differences in the average power values of EEG rhythms during the performance of test and control tasks in the subgroup of boys ($p < 0.05$)

Legend: a) differences in the delta frequency range; b) differences in the alpha frequency range.

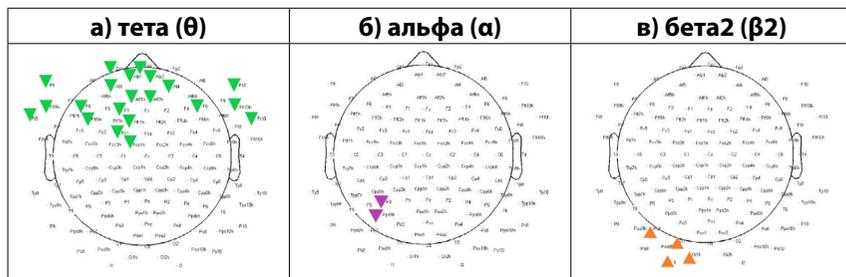
В результате сравнительного анализа индексов основных ритмов во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе девушек выявлены достоверные изменения в тета-, альфа- и бета2-диапазонах (рисунок 6).

Снижение тета-индекса отмечается во фронтальных отведениях билатерально (Fp1, Fpz, Afp1, Afp2, Af3, Af4, Aff1, Aff2, F9, F5, F1, F6, F10, Fft9, Fft5, Fft1, Fft10, Ft9, Ft10, Fc1, Fcc1). В левом полушарии в париетальных отведениях P3 и Pp05 снижается индекс альфа-ритма и возрастает индекс бета2 в затылочной области (Po7, O1, Oi1, I1).

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что характеристики биоэлектрической активности коры головного мозга в процессе решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации у юношей и девушек различаются.

В подгруппе девушек биоэлектрическая активность коры головного мозга во время решения вербальных задач на смысл, в сравнении с контрольными пробами, характеризуется снижением мощности и индекса медленноволновой активности дельта-диапазона и индекса тета-ритма во фронтальной и центральной областях, десинхронизацией альфа-ритма в затылочных областях со сдвигом влево и возрастанием альфа-индекса в темпоральной и париетальной областях правого полушария. Также удалось установить,

что при решении задач на смысл индекс бета1 снижается в париетальных отведениях по центру со сдвигом к затылку, а в темпоральных отведениях справа отмечается возрастание индекса бета2.

Рисунок 6. Различия индексов основных ритмов ЭЭГ во время выполнения тестовых и контрольных заданий в подгруппе юношей ($p < 0,05$)

Основные обозначения: а) различия тета-индекса; б) различия альфа-индекса; в) различия бета-индекса.

Figure 6. Differences in the indices of EEG rhythms during the performance of test and control tasks in the subgroup of boys ($p < 0.05$)

Legend: a) differences in the theta index; b) differences in the alpha index; c) differences in the beta index.

В подгруппе юношей частотно-пространственная функциональная организация коры головного мозга в процессе решения вербальных задач, в сравнении с контрольными заданиями, отличается генерализованным фронтальным снижением тета-индекса, повышением мощности дельта-ритма во фронтальной области левого полушария, а также десинхронизацией альфа-ритма и возрастанием высокочастотного бета2-ритма париетально-окципитальной области слева.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на фоне общего повышения медленноволновой активности во фронтальных и центральных областях, при сравнении с контрольными пробами, эта активность значительно снижается. В научной литературе снижение медленноволновой принято считать показателем более высокого уровня активации [35, 36]. Однако снижение мощности и длительности синхронизации в дельта-диапазоне при решении тестовых задач может также свидетельствовать о меньшей концентрации внимания респондентов на условии задачи [37, 38]. Центрально-лобный тета-ритм традиционно связывают с общим повышением активации, концентрации внимания, усилением ориентировочной реакции и эффективности переработки информации [39,

40, 41, 42]. Соответственно, снижение индекса тета-ритма при решении задач на смысл во фронтальных и центральных областях может свидетельствовать о снижении когнитивного напряжения и уровня активации передних отделов коры. При этом, одновременное снижение дельта- и тета-индекса может быть рассмотрено неоднозначно. С одной стороны, большая активация может отражать усиление сознательного контроля, с другой – снижение концентрации внимания респондентов на условии задачи [36, 38, 43, 44].

Выраженная десинхронизация альфа-ритма, вероятно, может быть рассмотрена как повышение активности зоны ТПО левого полушария, при этом снижение индекса бета-1 окципитальной области будет отражать переход от образного мышления к логико-семантическому мультимодальному синтезу во время решения задач, направленных на инициацию личностного смысла. Данное предположение может быть подкреплено как данными психофизиологических исследований, указывающих на роль зоны ТПО в обеспечении мыслительной деятельности [31, 45], так и нейропсихологическими данными о развитии «семантической афазии» при поражении зоны ТПО левого (у правшей) полушария [46]. Что касается длительности синхронизации бета-ритма, можно предположить, что увеличение индекса бета-2 в темпоральной области слева отражает увеличение активности центров переработки вербальной информации. Однако необходимо отметить, что пространственная локализация этих различий соответствует центральной части поясной извилины и сопровождается увеличением индекса гамма-ритма. Преобладание высокочастотной ритмики связывают с увеличением нагрузки на рабочую память [47], а также с повышением субъективной значимости стимула [26]. Соответственно, можно предположить, что повышение индекса бета-2- и гамма-ритмов в левой темпоральной области при решении задач на смысл отражает не только характер, но и эмоциогенность стимула, а также сопровождается большей нагрузкой на рабочую память.

В современной литературе все больше исследователей приходит к выводу о том, что при внешнем сходстве поведенческих проявлений и равной эффективности когнитивной деятельности мозговая активность мужчин и женщин может принципиально отличаться [28, 31, 48, 49, 50]. Данные, полученные в ходе сравнения усредненных показателей мощности и относительного показателя представленности ритмических компонентов в ЭЭГ при решении тестовых и контрольных задач в подгруппах юношей и девушек, позволяют заключить, что характеристики биоэлектрической активности коры головного мозга в процессе решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации у юношей и девушек различаются.

В подгруппе девушек биоэлектрическая активность коры головного мозга во время решения вербальных задач на смысл, в сравнении с контрольными пробами, характеризуется снижением мощности и индекса медленноволновой

активности дельта-диапазона и индекса тета-ритма во фронтальной и центральной областях, десинхронизацией альфа-ритма в затылочных областях со сдвигом влево, что сходно с картиной различий во всей выборке. В подгруппе девушек также удалось установить повышение альфа-индекса в темпоральной и париетальной областях правого полушария, снижение индекса бета1 в париетальных отведениях со сдвигом к затылку и возрастание индекса бета2 в правой темпоральной области. Полученные результаты согласуются с данными исследований вербальной творческой деятельности О. М. Разумниковой и И. В. Тарасовой [22, 31] и данными о преобладании левополушарной активности у женщин [51]. Кроме того, показано, что с активностью преимущественно левого полушария связана работа семантической памяти [21, 52]. Другими словами, наши результаты свидетельствуют о том, что процесс продумывания ответа на задачи, иницирующие личностный смысл, характеризуется выраженным смещением фокуса активности в левое полушарие и требует большего вовлечения семантической памяти.

В подгруппе юношей частотно-пространственная функциональная организация коры головного мозга в процессе решения смысловых задач, в сравнении с контрольными заданиями, отличается генерализованным фронтальным снижением тета-индекса, повышением мощности дельта-диапазона во фронтальной области левого полушария, а также десинхронизацией альфа-ритма и возрастанием высокочастотного бета2-ритма париетально-окципитальной области слева. Необходимо отметить, что сходная картина в подгруппах наблюдается только по индексу тета-ритма. Во всех других ритмических диапазонах различий, во-первых, значительно меньше, во-вторых, они имеют другую пространственную локализацию. Согласно описанным результатам, в группе юношей решение вербальных задач на смысл также характеризуется большей активацией задних отделов коры левого полушария. Схожие данные были получены при исследовании работы мозга во время решения вербальных задач и исследовании мозговых механизмов понятийного мышления [17, 29]. Вероятно, увеличение длительности синхронизации бета-2 может объясняться привлечением образов долговременной памяти.

Заключение

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что особенности процесса смыслообразования во время решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации характеризуются особой частотно-пространственной организацией биоэлектрической активности коры головного мозга.

Биоэлектрическая активность коры головного мозга во время решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации, в сравнении с контрольными

пробами, характеризуется снижением мощности и индекса медленноволновой активности дельта-диапазона и индекса тета-диапазона во фронтальной и центральной областях, десинхронизацией альфа-ритма в затылочных областях со сдвигом влево и возрастанием альфа-индекса в темпоральной области справа ($p < 0,05$). Кроме того, удалось установить, что при решении задач, инициирующих процесс смыслообразования, индекс бета1 снижается в париетальных отведениях по центру со сдвигом к затылку, а в темпоральных отведениях слева отмечается возрастание индекса бета2 и гамма-индекса ($p < 0,05$). Полученные результаты, по-видимому, свидетельствуют о повышении функциональной активности фронтальных и центральных областей мозга, а также зоны ТПО левого полушария, и могут отражать эмоциогенность стимула и отказ от стереотипного способа решения задач на смысл.

Специфика перехода от простой мыслительной деятельности к решению вербальных задач в ситуации смысловой инициации различается у юношей и девушек. В подгруппе девушек биоэлектрическая активность коры головного мозга во время решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации, в сравнении с контрольными пробами, характеризуется снижением мощности и индекса медленноволновой активности дельта-диапазона и индекса тета-ритма во фронтальной и центральной областях, десинхронизацией альфа-ритма в затылочных областях со сдвигом влево и возрастанием альфа-индекса в темпоральной и париетальной областях правого полушария ($p < 0,05$). Также удалось установить, что при решении задач в ситуации смысловой инициации индекс бета1 снижается в париетальных отведениях по центру со сдвигом к затылку, а в темпоральных отведениях справа отмечается возрастание индекса бета2 ($p < 0,05$). В подгруппе юношей суммарная электрическая активность коры головного мозга в процессе решения смысловых задач, в сравнении с контрольными заданиями, характеризуется генерализованным снижением тета-индекса и повышением мощности дельта-ритма во фронтальной области левого полушария, а также десинхронизацией альфа-ритма и возрастанием бета2-ритма париетально-окципитальной области слева ($p < 0,05$). Описанные различия, по-видимому, свидетельствуют о том, что процесс смыслообразования у девушек в большей степени опирается на мультимодальную информацию и выстраивание семантических отношений. В то время как юноши в большей степени опираются на наглядные образы долговременной памяти.

Результаты исследования могут найти практическое применение в сфере образования при разработке программ, направленных на развитие личностного потенциала, стимуляцию познавательной и творческой активности учащихся, а также в практической работе психологов при разработке методик нейропсихологической коррекции и реабилитации обучающихся с особыми образовательными потребностями и трудностями в обучении.

Литература

1. *Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
2. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
3. *Строй Г. В.* Генезис понятия «личностный смысл» в психологии // Образование. Наука. Научные Кадры. 2011. № 3. С. 212–214.
4. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Кн. 2. Образовательные технологии: новые ракурсы. М.: Кредо, 2013. 122 с.
5. *Братусь Б. С.* Проблема возвращения категории «души» в научную психологию // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 3–12.
6. *Горская Н. Е.* Современные подходы к проблеме смысла и смыслообразования в учебном процессе // Социальная компетентность. 2017. Т. 2, № 4. С. 46–51.
7. *Абакумова И. В., Годунов М. В., Енин А. Л., Генердукаева З. Ш.* Стратегии смыслообразования: современные представления в работах отечественных исследователей: учебное пособие. М.: КРЕДО, 2016. 36 с.
8. *Годунов М. В., Елагина М. Ю., Белова Е. В.* Исследование личностных профилей полярных стратегий смыслообразования // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 3. С. 30–47. DOI: [10.21702/rpj.2017.3.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.2)
9. *Почтарева Е. Ю.* Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovaya-sfera-lichnosti-suschnost-determinanty-mehanizmy-razvitiya> (дата обращения: 17.02.2018).
10. *Ермаков П. Н., Абакумова И. В.* Формирование идеологических установок и мировоззренческих ценностей личности в контексте теории смысла и смыслообразования // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. М.: Когито-Центр, 2015. С. 274–277.
11. *Зорина Е. С., Зеленов А. А.* Психологические основы смыслотехник как современных образовательных методов // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 1. С. 76–84. DOI: [10.21702/rpj.2016.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.1.6)
12. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
13. *Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., Васильев И. А., Войсункий А. Е., Корнилова Т. В.* Смысловая теория мышления // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovaya-teoriya-myshleniya> (дата обращения: 13.02.2018).

14. *Иваницкий А. М., Ильюченко И. П.* Картирование биопотенциалов при решении вербальной задачи // Журнал Высшей Нервной Деятельности. 1992. Т. 42, № 4. С. 627–635.
15. *Pulvermüller F., Keil A., Elbert T.* High-frequency brain activity: perception or active memory? // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3, Issue 7. P. 250–252. DOI: [10.1016/S1364-6613\(99\)01344-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(99)01344-3)
16. *von Stein A., Rappelsberger P., Sarnthein J., Petsche H.* Synchronization Between Temporal and Parietal Cortex During Multimodal Object Processing in Man // Cerebral Cortex. 1999. Vol. 9, № 2. P. 137–150.
17. *Воробьева Е. В., Харитонова И. Ю.* Генотип-средовые детерминанты мощности ритмических составляющих ЭЭГ при вербально-ассоциативной деятельности // Новые исследования. 2010. № 2 (23). С. 5–16.
18. *Popova T. V., Koryukalov Y. I., Kourova O. G.* Some of the Brain Mechanisms of the State of Induced Relaxation // Advances in Bioscience and Bioengineering. 2014. Vol. 2, Issue 2. P. 8–13. DOI: [10.11648/j.abb.20140202.11](https://doi.org/10.11648/j.abb.20140202.11)
19. *Milz P., Faber P. L., Lehmann D. et al.* The functional significance of EEG microstates. Associations with modalities of thinking // NeuroImage. 2016. Vol. 125. P. 643–656. DOI: [10.1016/j.neuroimage.2015.08.023](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2015.08.023)
20. *Wang M., Hao N., Ku Y., Grabner R. H., Fink A.* Neural correlates of serial order effect in verbal divergent thinking // Neuropsychologia. 2017. Vol. 99. P. 92–100. DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2017.03.001](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2017.03.001)
21. *Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P. J., Kounios J.* Neural Activity When People Solve Verbal Problems with Insight // PLOS Biol. 2004. 2 (4). e97. DOI: [10.1371/journal.pbio.0020097](https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097)
22. *Тарасова И. В., Разумникова О. М., Вольф Н. В.* Связь изменений мощности ЭЭГ с инструкцией, стимулирующей творческое мышление у мужчин и женщин // Журнал высшей нервной деятельности. 2006. Т. 56, № 2. С. 611–617.
23. *Дикая Л. А., Шиварева С. Ю.* Мозговая организация функциональных связей у лиц, занимающихся научной и литературной профессиональной деятельностью, при решении вербальных творческих задач // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/1. С. 18–21.
24. *Ермаков П. Н., Скиртач И. А., Ковш Е. М.* Особенности частотно-пространственной организации коры мозга у музыкантов во время создания импровизации на основе стимульного материала с агрессивным и миролюбивым «характерами» // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12, № 4. С. 127–136. DOI: [10.21702/rpj.2015.4.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2015.4.10)
25. *Grossman M., Smith E. E., Koenig P. et al.* The neural basis for categorization in semantic memory // NeuroImage. 2002. Vol. 17. P. 1549–1561.

26. *Jensen O., Kaiser J., Lachaux J.-P.* Human gamma frequency oscillations associated with attention and memory // *Trends in Neurosciences*. 2007. Vol. 30, Issue 7. P. 317–324. DOI: [10.1016/j.tins.2007.05.001](https://doi.org/10.1016/j.tins.2007.05.001)
27. *Заиченко А. А., Картавенко М. В.* Особенности ритмической активности головного мозга при актуализации модально-специфических видов памяти // *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2010. № 10 (111). С. 167–174.
28. *Reed J. L., Gallagher N. M., Sullivan M., Callicott J. H., Green A. E.* Sex differences in verbal working memory performance emerge at very high loads of common neuroimaging tasks // *Brain and Cognition*. 2017. Vol. 113. P. 56–64. DOI: [10.1016/j.bandc.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.01.001)
29. *Голованова И. В., Балин В. Д.* Психофизиологические корреляты успешного и неуспешного решения мыслительных задач и их связь с пониманием инструкций // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-korrelyaty-uspeshnogo-i-neuspeshnogo-resheniya-myslitelnyh-zadach-i-ih-svyaz-s-ponimaniem-instruktsiy> (дата обращения: 17.07.2018).
30. *Старченко М. Г.* Исследование нейрофизиологического обеспечения параметров вербальной креативности-беглости, гибкости, оригинальности. Сообщение 2. – Данные позитронно-эмиссионной томографии // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. № 2 (68). С. 13–15.
31. *Разумникова О. М.* Частотно-пространственная организация активности коры мозга человека при конвергентном и дивергентном мышлении в зависимости от фактора пола: Сообщение I. Анализ мощности ЭЭГ // *Физиология человека*. 2004. Т. 30, № 6. С. 17–27.
32. *Бехтерева Н. П., Данько С. Г., Старченко М. Г., Шемякина Н. В.* Электроэнцефалографические исследования креативного мышления как когнитивно-специфического функционального состояния: Материалы Международной конференции «Творчество: взгляд с разных сторон». Москва–Звенигород, 2005. С. 48–54.
33. *Дикая Л. А., Дикий И. С.* Творческий мозг: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 218 с.
34. *Fink A., Benedek M., Koschutnig K., Papousek I., Weiss E. M., Bagga D., Schöpf V.* Modulation of resting-state network connectivity by verbal divergent thinking training // *Brain and Cognition*. 2018. Vol. 128. P. 1–6. DOI: [10.1016/j.bandc.2018.10.008](https://doi.org/10.1016/j.bandc.2018.10.008)
35. *Кирой В. Н., Ермаков П. Н.* Электроэнцефалограмма и функциональные состояния человека. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 264 с.
36. *Кропотов Ю. Д.* Количественная ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга человека и нейротерапия: пер. с англ. / под ред. В. А. Пономарева. Донецк: Издатель Заславский А. Ю., 2010. 512 с.

37. *Knyazev G. G.* EEG delta oscillations as a correlate of basic homeostatic and motivational processes // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36, Issue 1. P. 677–695. DOI: [10.1016/j.neubiorev.2011.10.002](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2011.10.002)
38. *Harmony T.* The functional significance of delta oscillations in cognitive processing // *Frontiers in Integrative Neuroscience*. 2013. Vol. 7. DOI: [10.3389/fnint.2013.00083](https://doi.org/10.3389/fnint.2013.00083)
39. *Афтанас Л. И., Рева Н. В., Варламов А. А., Павлов С. В., Махиев В. П.* Анализ вызванной синхронизации и десинхронизации ЭЭГ при эмоциональной активации у человека: временные и топографические характеристики // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2003. Т. 53, № 4. С. 485–494.
40. *Разумникова О. М., Вольф Н. В., Тарасова И. В.* Влияние мотивации на частотно-пространственные характеристики активности коры головного мозга при выполнении образных и вербальных творческих заданий // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2008. Т. 58, № 5. С. 540–553.
41. *Danilova N. N., Strabykina E. A.* Frequency-selective generators of oscillatory brain activity allow identifying processes of a working memory // *International Journal of Psychophysiology*. 2010. Vol. 77, Issue 3. P. 208. DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2010.06.011](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2010.06.011)
42. *Данилова Н. Н., Ушакова Т. Н., Волков Г. В., Плигина А. М., Страбыкина Е. А.* Отображение семантических категорий в электрической активности мозга // *Экспериментальная психология*. 2013. Т. 6, № 4. С. 5–21.
43. *Posner M. I., Petersen S. E.* The Attention System of the Human Brain // *Annual Review of Neuroscience*. 1990. Vol. 13. P. 25–42.
44. *Fan J., McCandliss B. D., Sommer T., Raz A., Posner M. I.* Testing the Efficiency and Independence of Attentional Networks // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2002. Vol. 14, Issue 3. P. 340–347. DOI: [10.1162/089892902317361886](https://doi.org/10.1162/089892902317361886)
45. *Mihov K. M., Denzler M., Förster J.* Hemispheric specialization and creative thinking: a meta-analytic review of lateralization of creativity // *Brain and Cognition*. 2010. Vol. 72, № 3. P. 442–448.
46. *Лурия А. П.* Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2003. 384 с.
47. *Думенко В. Н., Козлов М. К.* Динамика мощности гамма-активности ЭЭГ вызванных ответов на лицевую экспрессию в условиях нагрузки на рабочую память // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2012. 62 (1). С. 20–32.
48. *Halpern D. F.* Sex differences in cognitive abilities. 3rd ed. Mahwah, N.Y.; London: Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2000. 420 p.
49. *Thomsen T., Hugdahl K., Erslund L. et al.* Functional magnetic resonance imaging (fMRI) study of sex differences in a mental rotation task // *Medical Science Monitor*. 2000. 6 (6). P. 1186–1196.
50. *Fink A., Neubauer A. C.* EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: Differential effects of sex and verbal intelligence //

International Journal of Psychophysiology. 2006. Vol. 62, Issue 1. P. 46–53.

DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2006.01.001](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2006.01.001)

51. Вольф Н. В., Разумникова О. М., Брызгалов А. О., Онищенко М. А., Лапуна Е. Ю. Нейрофизиологический анализ механизмов полового диморфизма когнитивных стратегий: роль селективных процессов // Бюллетень СО РАМН. 2010. Т. 30, № 4. С. 6–13.
52. Klimesch W. EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis // Brain Research Reviews. 1999. Vol. 29, Issues 2–3. P. 169–195. DOI: [10.1016/S0165-0173\(98\)00056-3](https://doi.org/10.1016/S0165-0173(98)00056-3)

References

1. Asmolov A. G. *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii* [On the other side of consciousness: Methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow, Mysl' Publ., 2002. 480 p.
2. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p.
3. Stroi G. V. Genesis of the concept of personal meaning in psychology. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye Kadry – Education. Science. Scientific Personnel*, 2011, no. 3, pp. 212–214 (in Russian).
4. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T. *Novodidaktika. Kn. 2. Obrazovatel'nye tekhnologii: novye rakursy* [New-didactics. Book 2. Educational technologies: new viewpoints]. Moscow, Kredo Publ., 2013. 122 p.
5. Bratus' B. S. The problem of restoring the category of soul in academic psychology. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 3 (15), pp. 3–12 (in Russian).
6. Gorskaya N. E. Modern approaches to meaning and meaning-building issues in the educational process. *Sotsial'naya kompetentnost' – Social Competence*, 2017, V. 2, no. 4, pp. 46–51 (in Russian).
7. Abakumova I. V., Godunov M. V., Enin A. L., Generdukaeva Z. Sh. *Strategii smysloobrazovaniya: sovremennye predstavleniya v rabotakh otechestvennykh issledovatelei* [Meaning-building strategies: Modern ideas in the works of domestic researchers]. Moscow, Kredo Publ., 2016. 36 p.
8. Godunov M. V., Elagina M. J., Belova E. V. Studying the personal profiles of the polar meaning-building strategies. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 3, pp. 30–47 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2017.3.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.2)
9. Pochtareva E. Yu. Value-meaning sphere of personality: Essence, determinants, and mechanisms of development. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series:*

- Philosophy. Psychology*. 2017. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovaya-sfera-lichnosti-suschnost-determinanty-mehanizmy-razvitiya> (Accessed 17 February 2018).
10. Ermakov P. N., Abakumova I. V. Formirovanie ideologicheskikh ustanovok i mirovozzrencheskikh tsennostei lichnosti v kontekste teorii smysla i smysloobrazovaniya [Formation of ideological attitudes and worldview values of individuals in the context of the theory of meaning and meaning-building]. *Ot istokov k sovremennosti. 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileinoi konferentsii v 5 tomakh* [Proc. the anniversary conference "From the beginning to the present: 130 years of the organization of the psychological society at Moscow University: in 5 volumes"]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2015, pp. 274–277.
  11. Zorina E. S., Zelenov A. A. Psychological bases of meaning techniques as modern educational methods. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 1, pp. 76–84 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2016.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.1.6)
  12. Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p.
  13. Babaeva Yu. D., Berezanskaya N. B., Vasil'ev I. A., Voiskunskii A. E., Kornilova T. V. Meaning theory of thinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14: Psychology*, 2008, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovaya-teoriya-myshleniya> (Accessed 13 February 2018).
  14. Ivanitskii A. M., Il'yuchenok I. R. Mapping of brain biopotentials during solution of verbal tasks. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 1992, V. 42, no. 4, pp. 627–635 (in Russian).
  15. Pulvermüller F., Keil A., Elbert T. High-frequency brain activity: perception or active memory? *Trends in Cognitive Sciences*, 1999, V. 3, Issue 7, pp. 250–252. DOI: [10.1016/S1364-6613\(99\)01344-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(99)01344-3)
  16. von Stein A., Rappelsberger P., Sarnthein J., Petsche H. Synchronization between temporal and parietal cortex during multimodal object processing in man. *Cerebral Cortex*, 1999, V. 9, no. 2, pp. 137–150.
  17. Vorobyeva E. V., Kharitonova I. Yu. Genotype–environmental determinants of the power of EEG rhythmic components in verbal-associative activity. *Novye issledovaniya – New Studies*, 2010, no. 2 (23), pp. 5–16 (in Russian).
  18. Popova T. V., Koryukalov Y. I., Kourova O. G. Some of the brain mechanisms of the state of induced relaxation. *Advances in Bioscience and Bioengineering*, 2014, V. 2, Issue 2, pp. 8–13. DOI: [10.11648/j.abb.20140202.11](https://doi.org/10.11648/j.abb.20140202.11)
  19. Milz P., Faber P. L., Lehmann D. et al. The functional significance of EEG microstates. Associations with modalities of thinking. *NeuroImage*, 2016, V. 125, pp. 643–656. DOI: [10.1016/j.neuroimage.2015.08.023](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2015.08.023)

20. Wang M., Hao N., Ku Y., Grabner R. H., Fink A. Neural correlates of serial order effect in verbal divergent thinking. *Neuropsychologia*, 2017, V. 99, pp. 92–100. DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2017.03.001](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2017.03.001)
21. Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P. J., Kounios J. Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLOS Biol*, 2004, 2 (4), e97. DOI: [10.1371/journal.pbio.0020097](https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097)
22. Tarasova I. V., Razumnikova O. M., Vol'f N. V. Relationship between changes in the EEG power and instructions stimulating creative thinking in men and women. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 2006, V. 56, no. 2, pp. 611–617 (in Russian).
23. Dikaya L. A., Shivareva S. Yu. Brain organization of functional associations in persons engaged in scientific and literary professional activity during the performance of verbal creative tasks. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2011, no. 9/1, pp. 18–21 (in Russian).
24. Ermakov P. N., Skirtach I. A., Kovsh E. M. Features of frequency-spatial organization of the cerebral cortex among musicians during the creation of improvisation based on stimulus materials with aggressive and peaceful characters. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2015, V. 12, no. 4, pp. 127–136 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2015.4.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2015.4.10)
25. Grossman M., Smith E. E., Koenig P. et al. The neural basis for categorization in semantic memory. *NeuroImage*, 2002, V. 17, pp. 1549–1561.
26. Jensen O., Kaiser J., Lachaux J.-P. Human gamma frequency oscillations associated with attention and memory. *Trends in Neurosciences*, 2007, V. 30, Issue 7, pp. 317–324. DOI: [10.1016/j.tins.2007.05.001](https://doi.org/10.1016/j.tins.2007.05.001)
27. Zaichenko A. A., Kartavenko M. V. Features of rhythmic activity of the brain during the actualization of modal-specific types of memory. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki – Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 2010, no. 10 (111), pp. 167–174 (in Russian).
28. Reed J. L., Gallagher N. M., Sullivan M., Callicott J. H., Green A. E. Sex differences in verbal working memory performance emerge at very high loads of common neuroimaging tasks. *Brain and Cognition*, 2017, V. 113, pp. 56–64. DOI: [10.1016/j.bandc.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.01.001)
29. Golovanova I. V., Balin V. D. Psychophysiological correlates of successful and unsuccessful problem solving and its connection with instructions understanding. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 2017, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-korrelyaty-uspeshnogo-i-neuspeshnogo-resheniya-myslitelnyh-zadach-i-ih-svyaz-s-ponimaniem-instruktsiy> (Accessed 17 July 2018).

30. Starchenko M. G. Investigation of neurophysiological support of parameters of verbal creativity-fluency, flexibility, and originality. Message 2: Data of positron emission tomography. *Dannye pozitronno-emissionnoi tomografii – International Research Journal*, 2018, no. 2 (68), pp. 13–15 (in Russian).
31. Razumnikova O. M. Frequency-spatial organization of human cerebral cortex activity in convergent and divergent thinking depending on sex: Message 1: EEG power analysis. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2004, V. 30, no. 6, pp. 17–27 (in Russian).
32. Bekhtereva N. P., Dan'ko S. G., Starchenko M. G., Shemyakina N. V. Elektroentsefalograficheskie issledovaniya kreativnogo myshleniya kak kognitivno-spetsificheskogo funktsional'nogo sostoyaniya [Electroencephalographic studies of creative thinking as a cognitive-specific functional state]. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii "Tvorchestvo: vzglyad s raznykh storon"* [Proc. the International Conference "Creativity: Views from different angles"]. Moscow–Zvenigorod, 2005, pp. 48–54.
33. Dikaya L. A., Dikii I. S. *Tvorcheskii mozg* [Creative brain]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2015. 218 p.
34. Fink A., Benedek M., Koschutnig K., Papousek I., Weiss E. M., Bagga D., Schöpf V. Modulation of resting-state network connectivity by verbal divergent thinking training. *Brain and Cognition*, 2018, V. 128, pp. 1–6. DOI: [10.1016/j.bandc.2018.10.008](https://doi.org/10.1016/j.bandc.2018.10.008)
35. Kiroi V. N., Ermakov P. N. *Elektroentsefalogramma i funktsional'nye sostoyaniya cheloveka* [Electroencephalogram and the human functional state]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1998. 264 p.
36. Kropotov Yu. D. *Kolichestvennaya EEG, kognitivnye vyzvannye potentsialy mozga cheloveka i neirotserapiya* [Quantitative EEG, cognitive evoked potentials of the human brain and neurotherapy]. Donetsk, Zaslavskii A. Yu. Publ., 2010. 512 p.
37. Knyazev G. G. EEG delta oscillations as a correlate of basic homeostatic and motivational processes. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2012, V. 36, Issue 1, pp. 677–695. DOI: [10.1016/j.neubiorev.2011.10.002](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2011.10.002)
38. Harmony T. The functional significance of delta oscillations in cognitive processing. *Frontiers in Integrative Neuroscience*, 2013, V. 7. DOI: 10.3389/fnint.2013.00083
39. Aftanas L. I., Reva N. V., Varlamov A. A., Pavlov S. V., Makhiev V. P. Analysis of evoked synchronization and desynchronization of EEG at emotional activation in humans: Temporal and topographic characteristics. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 2003, V. 53, no. 4, pp. 485–494 (in Russian).
40. Razumnikova O. M., Wolf N. V., Tarasova I. V. Motivation impact on the frequency-spatial characteristics of brain cortex during performing creative

- imaginary and verbal tasks. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 2008, V. 58, no. 5, pp. 540–553 (in Russian).
41. Danilova N. N., Strabykina E. A. Frequency-selective generators of oscillatory brain activity allow identifying processes of a working memory. *International Journal of Psychophysiology*, 2010, V. 77, Issue 3, p. 208. DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2010.06.011](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2010.06.011)
  42. Danilova N. N., Ushakova T. N., Volkov G. V., Pligina A. M., Strabykina E. A. Displaying semantic categories in brain electrical activity. *Eksperimental'naya psikhologiya – Experimental Psychology*, 2013, V. 6, no. 4, pp. 5–21 (in Russian).
  43. Posner M. I., Petersen S. E. The attention system of the human brain. *Annual Review of Neuroscience*, 1990, V. 13, pp. 25–42.
  44. Fan J., McCandliss B. D., Sommer T., Raz A., Posner M. I. Testing the efficiency and independence of attentional networks. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2002, V. 14, Issue 3, pp. 340–347. DOI: [10.1162/089892902317361886](https://doi.org/10.1162/089892902317361886)
  45. Mihov K. M., Denzler M., Förster J. Hemispheric specialization and creative thinking: a meta-analytic review of lateralization of creativity. *Brain and Cognition*, 2010, V. 72, no. 3, pp. 442–448.
  46. Luriya A. R. *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of neuropsychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 384 p.
  47. Dumenko V. N., Kozlov M. K. Dynamics of the gamma-band power of induced EEG responses to facial stimuli with increased visual working memory load. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 2012, 62 (1), pp. 20–32 (in Russian).
  48. Halpern D. F. *Sex differences in cognitive abilities*. 3rd ed. Mahwah; N.Y.; London: Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2000. 420 p.
  49. Thomsen T., Hugdahl K., Erslund L. et al. Functional magnetic resonance imaging (fMRI) study of sex differences in a mental rotation task. *Medical Science Monitor*, 2000, 6 (6), pp. 1186–1196.
  50. Fink A., Neubauer A. C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: Differential effects of sex and verbal intelligence. *International Journal of Psychophysiology*, 2006, V. 62, Issue 1, pp. 46–53. DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2006.01.001](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2006.01.001)
  51. Vol'f N. V., Razumnikova O. M., Bryzgalov A. O., Onishchenko M. A., Lapina E. Yu. Neurophysiological analysis of sexual dimorphism mechanisms of cognitive strategies: Effects of selective processes. *Byulleten' Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk – Bulletin of Siberian Branch of Russian Academy of Medical Sciences*, 2010, V. 30, no. 4, pp. 6–13 (in Russian).
  52. Klimesch W. EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis. *Brain Research Reviews*, 1999, V. 29, Issues 2–3, pp. 169–195. DOI: [10.1016/S0165-0173\(98\)00056-3](https://doi.org/10.1016/S0165-0173(98)00056-3)

УДК 316.6:159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.6)

Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения

Анжелика И. Лучинкина*, Ирина С. Лучинкина

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Российская Федерация

* E-mail: a.luchinkina@kipu-rc.ru

Аннотация

Введение. В статье приводится анализ суицидального поведения подростков в зависимости от выраженности у них определенных когнитивных искажений. В работе впервые приводятся данные стандартизации опросника, выявляющего когнитивные искажения личности. Несомненной научной новизной является тот факт, что выраженное суицидальное поведение подростков детерминировано социально-психологическими причинами. Авторами теоретически доказаны и эмпирически выявлены четыре типа суицидального поведения личности в интернет-пространстве. Авторами анализируются групповые и индивидуальные когнитивные механизмы, включающие тот или иной тип суицидального поведения личности в интернет-пространстве.

Методы. В эмпирическом исследовании приняли участие подростки, имеющие низкий социометрический статус в школьных группах и посещающие группы с суицидальным контентом в интернет-пространстве. Использовались теоретический анализ, контент-анализ, анкетирование, психодиагностическое тестирование, в том числе и авторские исследовательские опросники.

Результаты. В ходе исследования подростки были отнесены к группам с разными типами суицидального поведения: суицидентов, имитаторов, художников, зрителей. Эмпирически выявлено, что наиболее часто встречающиеся в выборке групповые когнитивные механизмы – иллюзорная корреляция, искажение в оценке гомогенности группы, групповая поляризация и предвзятость подтверждения. Наиболее распространенными индивидуальными когнитивными механизмами оказались дихотомическое мышление, катастрофизация, персонализация, обесценивание позитивного, эмоциональное обоснование и навешивание ярлыков.

Обсуждение результатов. Эмпирически определены различия в выборе подростками групповых и индивидуальных когнитивных механизмов коммуникации в зависимости от группы суицидального поведения. Предложена программа когнитивной коррекции для каждой из выделенных групп, в связи с тем, что другие методы показали свою несостоятельность.

Ключевые слова

групповые когнитивные механизмы, индивидуальные когнитивные механизмы, типы суицидального поведения, подростки, интернет-пространство, суициденты, когнитивные ошибки, виктимность, социометрический статус, коррекция

Основные положения

- ▶ в основе суицидального поведения личности лежат 4 фактора: поведение жертвы; непризнанность – демонстративность, несостоятельность, уникальность; героизация смерти – слом культурных барьеров, вовлеченность в интернет-пространство; негативность мира – социальный пессимизм, направленность деятельности в интернет-пространстве;
- ▶ вес каждого из факторов позволяет выделить 4 типа суицидального поведения: суициденты, имитаторы, художники, зрители;
- ▶ существует устойчивая взаимосвязь между типом суицидального поведения личности в интернет-пространстве и выраженностью ее когнитивных искажений;
- ▶ существуют достоверные различия в выборе групповых и индивидуальных коммуникативных механизмов коммуникации у представителей разных типов суицидального поведения.

Для цитирования

Лучинкина А. И., Лучинкина И. С. Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 128–143. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.6

Материалы статьи получены 27.08.2018

UDC 316.6:159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.6)

Characteristics of Communicative Behavior on the Internet Among Adolescents with Different Suicidal Behaviors

Anzhelika I. Luchinkina*, Irina S. Luchinkina

Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: a.luchinkina@kipu-rc.ru

Abstract

Introduction. Adolescent suicidal behavior is determined by socio-psychological factors. This study aims to analyze suicidal behavior among adolescents depending on their cognitive distortions and represents the first attempt to present standardization

data on the cognitive distortions questionnaire. The authors (a) describe four suicidal behaviors on the Internet, (b) analyze group and individual cognitive mechanisms that determine these suicidal behaviors on the Internet.

Methods. The empirical study involved adolescents with low sociometric statuses in their school groups, who visited the social networking groups containing suicidal content. Theoretical analysis, content analysis, questionnaire survey, and psychodiagnostic tests, including the questionnaires developed by the authors, were employed in the study.

Results. According to different suicidal behaviors the authors distinguished the following groups among the surveyed adolescents: suiciders, imitators, artists, and spectators. Illusory correlation, distortion in the evaluation of group homogeneity, group polarization, and confirmation bias were the most common group cognitive mechanisms in the whole sample. Dichotomous thinking, catastrophizing, personalization, devaluation of positive events, emotional reasoning, and stigmatization were the most common individual cognitive mechanisms.

Discussion. The findings of the study suggest that the group of suicidal behaviors determine the differences in adolescents' choice of group and individual cognitive mechanisms of communication. Because of invalidity of other techniques, the authors propose a program of cognitive correction in each of the distinguished groups.

Keywords

group cognitive mechanisms, individual cognitive mechanisms, suicidal behaviors, adolescents, Internet, suiciders, cognitive errors, victimization, sociometric status, correction

Highlights

- ▶ The following four factors underlie suicidal behaviors: (a) victim behavior; (b) non-recognition – demonstrativeness, failure, and uniqueness; (c) heroization of death – breaking down cultural barriers, Internet involvement; and (d) negativity of the world – social pessimism, orientation of activities in the Internet.
- ▶ The factors mentioned above enabled authors to distinguish among four suicidal behaviors – suiciders, imitators, artists, and spectators.
- ▶ There is an association between adolescents' suicidal behaviors on the Internet and their cognitive distortions.
- ▶ There are significant differences in the choice of group and individual communication mechanisms among representatives of different suicidal behaviors.

For citation

Luchinkina A. I., Luchinkina I. S. Characteristics of Communicative Behavior on the Internet Among Adolescents with Different Suicidal Behaviors. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 128–143 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.6

Original manuscript received 27.08.2018

Введение

Небывалая активизация интереса интернет-пользователей к виртуальным группам смерти, мифологизации мышления, и связанная с этим героизация смерти ставят перед исследователем задачу поиска как индивидуальных, так и общих причин суицидального поведения подростков. Научная проблема исследования заключается в выявлении механизмов, характерных для разных типов суицидального поведения личности.

В психологической литературе суицидальное поведение изучалось в разных аспектах: возрастная динамика суицидов (А. Г. Абрумova, К. С. Веселовский) [1, 2, 3, 4]; акцентуации и психические расстройства (А. Е. Личко, А. А. Александров) [5, 6]; межличностные отношения со сверстниками и родителями (Л. Я. Жезлова) [7]; влияние подростковых субкультур на суицидальные намерения подростков; типология подростковых суицидов (Е. М. Вроно, Н. А. Ратинова и др.) [8, 9, 10, 11], влияние воспитания на формирование суицидальных наклонностей (В. М. Бехтерев и И. А. Сикорский, М. И. Гернет, А. Ф. Кони, П. А. Сорокин) [3]; суицидальное поведение как молодежная девиация (Ю. А. Клейберг, В. А. Шапинский, А. И. Ковалева) [12, 13]. Несмотря на высокую научную активность в этом направлении, психологические механизмы, характерные для разных типов суицидального поведения личности, остались малоизученными.

Учитывая, что эмоционально-поведенческие реакции личности не являются непосредственными ответами на внешние стимулы, а обрабатываются и интерпретируются, исходя из особенностей внутренней когнитивной системы, отметим основные когнитивные искажения личности, проявляющиеся на индивидуальном уровне: произвольное умозаключение, селективность внимания, сверхобобщение, преувеличение/преуменьшение, персонализация, дихотомическое мышление, катастрофизация, излишняя ответственность.

Для нашего исследования выберем следующие индивидуальные когнитивные механизмы [14, 15, 16]: 1) дихотомическое мышление; 2) катастрофизацию; 3) обесценивание позитивного; 4) эмоциональное обоснование, убеждение, что нечто должно быть правдой только потому, что вы «чувствуете» (по сути, верите) в это настолько сильно, что игнорируете или обесцениваете доказательства обратного; 5) навешивание ярлыков; 6) мысленный фильтр (избирательное абстрагирование); 7) чтение мыслей; 8) персонализацию – представление о себе как о причине негативного поведения других; 9) долженствование (мышление в стиле «я должен»); 10) сверхгенерализацию.

Кроме того, стоит отметить групповые когнитивные механизмы, проявляющиеся в формах восприятия информации [17, 18, 19, 20]:

1. Групповая поляризация – расхождения мнений интернет-пользователей в ходе дискуссии [21, 22].

2. Иллюзорная корреляция – восприятие интернет-пользователями преувеличенно тесной взаимосвязи между какими-либо значениями или событиями, которой в реальности не существует, либо значительно меньше, чем предполагают участники интернет-дискуссии (например, приписывание группе этнического меньшинства отрицательных качеств).

3. Искажение в оценке гомогенности членов другой группы – приписывание социокультурной группе определенных качеств, попытки обосновать свою точку зрения; искажение в пользу своей группы; искажение переноса; склонность к подтверждению, интерпретация информации с целью подтвердить свое мнение, адаптация информации для подтверждения своих убеждений; отклонение в сторону позитивного исхода.

4. Предвзятость подтверждения – принятие или непринятие логической силы аргумента в ходе интернет-дискуссии в зависимости от веры в истинность или ложность заключения; фрейминг; ретроспективное искажение [19, 23, 24].

Авторская типология суицидального поведения подростков

В целом, под суицидальным поведением мы будем понимать любые действия, в основе которых лежат представления о лишении себя жизни [25]. В наших более ранних исследованиях мы отмечали, что суицидальная личность в виртуальном пространстве включает следующие составляющие: когнитивную – убеждения и уровень инструментальной компетентности личности, мифологическую – личные мифологемы подростков, мотивационную – мотивы нахождения в Сети. В качестве дополнительных переменных нами был принят социально-психологический статус подростка в группе сверстников и уровень виктимности.

Согласно проведенным исследованиям, нами были выделены 4 фактора суицидального поведения подростков [26, 27]:

1. Фактор А: поведение жертвы.
2. Фактор В: непризнанность – демонстративность, несостоятельность, уникальность.
3. Фактор С: героизация смерти – слом культурных барьеров, вовлеченность в интернет-пространство.
4. Фактор D: негативность мира – социальный пессимизм, направленность деятельности в интернет-пространстве.

Вес факторов и выраженность когнитивной, мифологической и мотивационной составляющих позволил выделить 4 типа суицидального поведения подростков [26, 27, 28]:

1. *Имитаторы* – подростки с преобладанием факторов поведения жертвы (А) и негативности мира (D). Основная личная мифологема: арлекин. Основной мотив деятельности в интернет-пространстве – репликация

в девиантной форме реализации, что приводит к тиражированию своих страниц в интернет-пространстве и ведению асоциальной деятельности [26].

2. *Суициденты* – подростки с преобладанием факторов А и С. Основная личная мифологема: пустое место. Основной мотив – мотив воплощения в роль героя суицидальной направленности, что мешает жизнедеятельности в реальном пространстве [26].

3. *Художники* – подростки с ведущими факторами А и В. Основная личная мифологема: жертва. Основным мотив – взнос в девиантной форме реализации [26].

4. *Зрители* – подростки, у которых ни один из факторов не выражен. Основная личная мифологема: путник. Основным мотив – нормативные потребительские и творческие мотивы (личного пространства, взноса, воплощения в роль, репликации) [26, 28].

Целью эмпирического исследования стало выявление коммуникативных психологических механизмов у подростков с разными типами суицидального поведения.

Методы

Использовались теоретический анализ, констатирующий эксперимент. На этапе констатирующего эксперимента для выявления типов суицидального поведения подростков применялся опросник А. И. Лучинкиной «Типология суицидального поведения подростков» (ТСПП); для выявления индивидуальных когнитивных искажений – опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» (ОКИ); для выявления групповых когнитивных искажений – контент-анализ текстов в социальных сетях [26, 29, 30].

Опросник «Типология суицидального поведения подростков» включал в себя 20 вопросов, отнесенных к четырем моделям суицидального поведения подростков. Вопросы направлены на выявление мотивов деятельности в интернет-пространстве, когнитивных установок, личных мифологем подростков, их отношения к смерти, к себе самому и к миру в целом. Любой вопрос предполагал 4 варианта ответов, каждый из которых соответствовал выделенным моделям суицидального поведения [26].

Опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (ОКИ) разработан на основе когнитивно-поведенческой теории психологов и психотерапевтов А. Бека и Д. Бек для выявления доминирующих когнитивных искажений в психике (дихотомического мышления, катастрофизации, обесценивания позитивного, эмоционального обоснования, навешивания ярлыков, мысленного фильтра, чтения мыслей, персонализации, долженствования, сверхгенерализации). Опросник содержит 40 вопросов, каждый из которых имеет 3 варианта ответов. Все вопросы распределены

по 10 шкалам и направлены на выявление соответствующего когнитивного искажения [29].

Экспериментальная база исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 811 подростков 8–10 классов средних образовательных учреждений г. Симферополь Республики Крым, состоящих или неоднократно посещающих виртуальные группы с суицидальным контентом и имеющих низкий социометрический статус в классе. Среди них было 456 девочек и 355 мальчиков. Подростки, которые не проявляли интерес к группам с суицидальным контентом, к исследованию не привлекались. Исследование проходило в рамках работы экспериментальных площадок по профилактике суицидального поведения детей и подростков, организованной кафедрой психологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет».

Этапы эксперимента

Констатирующий эксперимент включал в себя два этапа. На первом этапе при помощи опросника А. И. Лучинкиной «Типология суицидального поведения подростков» (ТСПП) нами были определены типы суицидального поведения подростков. На втором этапе при помощи опросника И. С. Лучинкиной «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» (ОКИ) и контент-анализа текстов в социальных сетях выявлены когнитивные искажения, характерные для каждого типа суицидального поведения подростков [26, 29].

Результаты

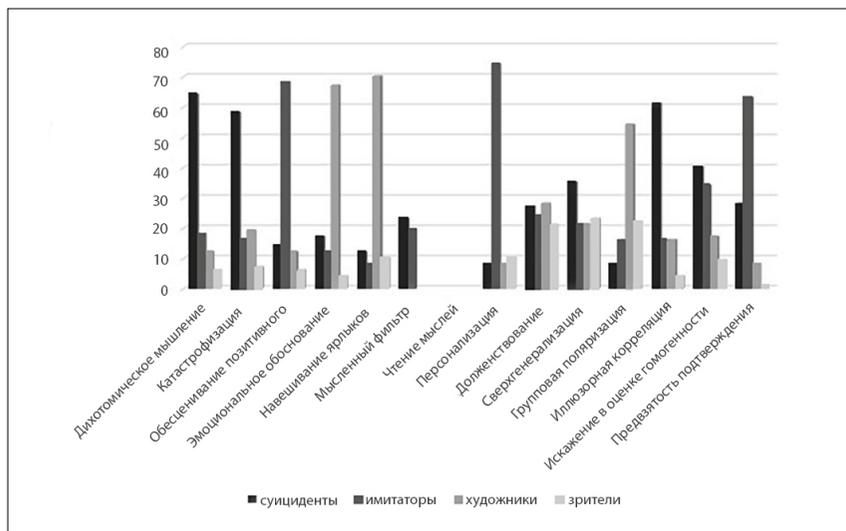
По результатам исследования выявлены 4 группы подростков, имеющие отличия в уровнях виктимности, суицидальных рисков, личной мифологии, мотивации деятельности в интернет-пространстве: суициденты (67 человек); имитаторы (148 человек); художники (218 человек); зрители (378 человек).

Анализ частоты встречаемости тех или иных когнитивных механизмов группового коммуникативного поведения показал, что респонденты, отнесенные к группе «суициденты», склонны к фреймингу, предвзятости подтверждения. В комментариях респондентов этой группы самоубийство связывается со смелостью, любовь – с несчастьем, ссора – со смертью.

В исследуемом массиве из 1000 сообщений нами было выделено 321 послание с нарушенной причинно-следственной связью на тему смерти. 218 сообщений принадлежат респондентам группы «**суициденты**». Другим групповым когнитивным механизмом для «суицидентов» является искажение в оценке гомогенности членов другой группы. Так, оценивая преимущества

группы с суицидальным контентом, респонденты отмечают, что «остальные их не понимают, в мире отсутствуют любовь и уважение, только эта группа способна понять личность». Респонденты этой группы часто прибегают к фреймингу – «передергиванию» событий, что ведет к их неправильному восприятию (рисунок 1).

Рисунок 1. Распределение групповых и когнитивных механизмов по типам суицидального поведения

Figure 1. Distribution of group and cognitive mechanisms by suicidal behaviors

Следует отметить, что у данного типа респондентов выражены все типы индивидуальных когнитивных искажений, но значительно преобладают дихотомическое мышление и катастрофизация ($p \leq 0,05$). В 96 % случаев респонденты этой группы выбирают ответ «а» в опроснике «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» при ответе на вопросы по шкалам «дихотомическое мышление» и «катастрофизация»:

«Что Вы думаете (что бы Вы подумали), находясь в интернет-пространстве, когда...

1. ... между Вами и Вашим оппонентом возникает спорный диалог?

а) если я не выиграю данный спор и не докажу свою правоту, то проиграю и покажу, что я слабый;

2. ... видите в комментариях интернет-группы групповую «травлю» какого-то пользователя?

а) я так расстроюсь, что буду очень долго переживать и с трудом выполнять какие-либо действия;

11. ...кто-то пишет оскорбительные комментарии под Вашими фотографиями?

а) мне будет очень стыдно и обидно знать, что кто-то считает меня некрасивым/неумным/глупым, моя самооценка от этого может пострадать;

12. ...увидите информацию о животных, которые стали жертвами плохих хозяев?

а) это мерзко, ужасно и больно читать такие посты, я боюсь жить в таком ужасном мире!

21. ...видите, что в интернет-группе высмеивают человека Вашего пола/национальности/расы с помощью интернет-мемов?

а) это прямое оскорбление и унижение. Там, где высмеивают людей по указанным признакам – гнилое общество и отсутствие толерантности;

22. ...читаете посты о произошедших пожарах?

а) мне становится страшно и опасно, так как помещения часто бывают непроверенные, проводка неисправная, а знания техники безопасности нагоняют ужас!

31. ...если Вас кто-то из хорошо знакомых людей (одногруппников, коллег и т.д.) удалит из друзей без всяких причин?

а) если удалил из друзей, значит, хорошим отношениям конец, и я буду напряженно относиться к данному человеку;

32. ...кто-то в общем диалоге начнет критиковать или негативно комментировать Вас и Ваши сообщения?

а) это очень неприятно и ужасно. Я так расстроюсь, что не смогу вообще ничего делать».

В группе **«имитаторы»** наиболее выраженными являются такие групповые механизмы, как искажение в оценке гомогенности членов другой группы, склонность к подтверждению, ретроспективное искажение. В групповых сообщениях, комментариях к фотографиям респонденты этой группы используют приписывание своей группе и своим убеждениям особый смысл: смерть решает все проблемы; только тот, кто может умереть, понимает смысл жизни. При этом другим группам отводится роль неполноценных «прожигателей» жизни.

Среди индивидуальных когнитивных механизмов наиболее часто встречаются обесценивание позитивного и персонализация ($p \leq 0,05$). При этом в 87 % случаев респонденты выбирают ответы «а» по следующим вопросам:

«Что Вы думаете (что бы Вы подумали), находясь в интернет-пространстве, когда...

3. ...кто-то из неизвестных Вам интернет-пользователей оценил лайком и позитивным комментарием Вашу фотографию?

а) действительно, эта фотография удачная, но она не говорит о моей красоте и приятной внешности в целом;

8. ...диалог в личной переписке крайне скудный и вялый?

а) диалог был скудный и вялый, значит, я был недостаточно хорошим собеседником и плохо выстраиваю контакт;

13. ...кто-то из незнакомых Вам интернет-пользователей оценит Ваш пост или комментарий в интернет-сообществе лайком и позитивной обратной связью («Какой интересный и глубокий комментарий, сразу видно, – умный человек!»)?

а) соглашусь, этот комментарий хороший, но я не всегда могу писать подобные, так что «умный человек» – относительно поспешный вывод;

18. ...Вы написали свое мнение в комментариях (без критики, троллинга и издевок), а Вам в ответ написали, что Вы своими словами кого-то обидели?

а) если мои слова кого-то обидели или зацепили, значит, я недостаточно толерантен и отзывчив, мне нужно контролировать свои комментарии;

23. ...люди восторгаются Вашим профилем в социальной сети (Вконтакте, Facebook, Instagram и пр.)?

а) страница, действительно, хорошая, но едва ли она была такой без фильтров, красивых фотографий (природы, еды и др.) и фотшопа;

б) мне приятно, что оценили мои старания, но есть и более идеальные страницы;

с) ничего не думаю (мне приятно);

24. ...на Вас подписалось достаточно большое количество человек?

а) я понимаю, что моя интернет-популярность растет, но я продолжаю ощущать свою страницу недостаточно хорошей и интересной для других людей;

28. ...Вы написали пост о том, что внешность – показатель внутренней гармонии, а Вас обвинили в оскорблении бодипозитивных идей?

а) действительно, я не подумал о том, что мои размышления о внешности не должны задевать других людей, я ни в коем случае не хотел своим постом кого-либо обидеть и заставить переживать;

33. ...подарил Вам подарок или набор стикеров?

а) подарки лучше дарить по праздникам и более практичные, стикеры и подарки в социальных сетях – это лишняя трата денег;

38. ...Вы в общем диалоге написали свое мнение и стали камнем преткновения других участников и возникновением серьезного спора: одни критиковали Ваше мнение, а другие защищали?

а) очень неприятно, лучше бы я этого не делал, поссорил людей. Чувствую себя виноватым».

Для группы **«художники»** наиболее характерны такие групповые когнитивные механизмы, как групповая поляризация, предвзятость подтверждения.

В комментариях к фотографиям и текстам респонденты этой группы чаще, чем другие, из любого события извлекают только подтверждение своей точки зрения. Среди «художников» различаются группы с диапазоном от незначительных повреждений целостности тела до тяжелых нарушений.

Среди индивидуальных когнитивных механизмов чаще встречаются эмоциональное обоснование и навешивание ярлыков ($p \leq 0,05$). В интернет-общении это выражается в кличках, негативных высказываниях.

У подростков, представленных в группе «зрители», среди групповых коммуникативных механизмов наиболее представлено отклонение в сторону позитивного исхода, индивидуальные когнитивные искажения статистически достоверно не выражены. Поведение этих подростков не имеет патологий. Однако, в силу выраженного интереса к группам с суицидальным контентом, мы сочли необходимым рассмотреть особенности и этой группы в данном исследовании.

Обсуждение результатов

Как показали результаты исследования, существуют отличия в выборе подростками групповых и индивидуальных когнитивных механизмов коммуникации в зависимости от группы суицидального поведения. Во-первых, требует понимания предмет коррекции – поведение или личность. В нашем случае мы настаиваем на психологической коррекции личности, учитывая сложность расшатывания неконструктивных когнитивных установок и замену неэффективных групповых и индивидуальных когнитивных механизмов более приемлемыми.

Вторым вопросом в дискуссии может стать вопрос о выборе методов психологической коррекции. Как показывает практика, педагоги чаще используют поощрение и наказание, однако, судя по количеству школьников с поведенческими девиациями, эти методы не являются эффективными. Мы предлагаем когнитивно-бихевиоральную коррекцию, в которой эти методы не будут единственными. В настоящий момент идет экспериментальное исследование, где проверяется наша система социально-психологического сопровождения. О результатах нами будет доложено после ее апробации.

Результаты исследования могут быть использованы педагогами и психологами для построения и апробации системы психологической профилактики и коррекции личности подростков с суицидальным поведением.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать выводы о характерных для подростков с разными типами суицидального поведения групповых и индивидуальных когнитивных механизмов коммуникации в интернет-пространстве.

Так, для «суицидентов» основными групповыми механизмами коммуникации являются иллюзорная корреляция и искажение в оценке гомогенности группы, а индивидуальными – дихотомическое мышление и катастрофизация; для «имитаторов» групповыми – искажение в оценке гомогенности группы и предвзятость подтверждения, индивидуальными – персонализация и обесценивание позитивного; для «художников» групповыми механизмами стали групповая поляризация и предвзятость подтверждения, индивидуальными – эмоциональное обоснование и навешивание ярлыков; «зрители» не имеют ярко статистически выраженных групповых и индивидуальных когнитивных механизмов общения.

Дальнейшего исследования требует динамика формирования суицидального поведения подростков в интернет-пространстве.

Литература

1. *Абрумова А. Г.* Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 6. С. 107–115.
2. *Веселовский К. С.* Опыты нравственной статистики в России. СПб.: Тип. М-ва внутрен. дел, 1847. 64 с.
3. *Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др.* Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2001. 200 с.
4. *Клейберг Ю. А.* Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2016. 290 с.
5. *Личко А. Е.* Суицидальное поведение подростков // Клинико-психологические социальные и правовые проблемы суицидального поведения. М., 1974. С. 71–79.
6. *Александров А. А.* Современная психотерапия. Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997. 335 с.
7. *Жезлова Л. Я.* Сравнительно-возрастные аспекты суицидального поведения у детей и подростков // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. Т. 92. М., 1981. С. 124–133.
8. *Вроно Е. М.* О возрастном своеобразии аутоагрессивного поведения у психически здоровых подростков // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. М.: Изд-во Моск. НИИ психиатрии, 1989. С. 39–46.
9. *Булацель П. Ф.* Самоубийство с древнейших времен до наших дней. Исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. СПб.: Паровая типо-литография, 1900. 206 с.
10. *Демина Л. Д., Ральникова И. А.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Алтай: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000. 123 с.

11. *Wenzel A.* Group cognitive therapy of addictions / A. Wenzel, A. T. Beck. N.Y.: Guilford Press, 2012. 255 p.
12. *Шапинский В. А.* Девиантное поведение и социальный контроль: учебное пособие / В. А. Шапинский, В. И. Мареев. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1997. 98 с.
13. *Сучкова М. А., Данилова М. В.* Особенности суицидального риска у подростков: анализ гендерных проявлений // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 875–877.
14. *Бек Дж.* Когнитивная терапия: полное руководство: пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2006. 400 с.
15. *Beck A.T., Freeman A.* Cognitive therapy of personality disorders. New York: Guilford Press, 2003. 506 p.
16. *Beck A. T. et al.* An Inventory for Measuring Depression // Archives of General Psychiatry. 1961. 4 (6). P. 561–571. DOI: [10.1001/archpsyc.1961.01710120031004](https://doi.org/10.1001/archpsyc.1961.01710120031004)
17. *Clark D. A., Beck A. T.* Scientific foundations of cognitive theory and therapy of depression. New York: Wiley, 1999. 504 p.
18. *Gackenbach G.* Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal, and Transpersonal Implications. San Diego et al.: Academic Press, 2007. 392 p.
19. *Riva G.* Mind, cognition and society in the Internet age. Washington: IOS Press, 2001. 311 p.
20. *Harris R.* A cognitive psychology of mass communication. New Jersey: L. Erlbaum Associates, 2008. 464 p.
21. *Donath J.* Identity and deception in the virtual community // Communities in Cyberspace. 1999. P. 29–59.
22. *Акулич М. М.* Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 8. С. 47–54.
23. *Arestova O., Babanin L., Voiskounsky A.* Psychological research of computer-mediated communication in Russia // Behaviour & Information Technology. 1999. Vol. 18, Issue 2. P. 141–147. DOI: [10.1080/014492999119174](https://doi.org/10.1080/014492999119174)
24. *Siegel J.* Group Processes in Computer-Mediated Communication / J. Siegel, S. Kiesler // Behavior and Human Decision Processes. 1986. № 37. P. 157–187.
25. *Шмаков А. А.* Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1 (4). С. 293–305.
26. *Лучинкина А. И.* Суицидальная личность подростка в виртуальном пространстве // Педагогическое образование в изменяющемся мире. Казань: Отечество, 2017. С. 9–17.
27. *Лучинкина А. И.* Психологический анализ отклонений в процессе интернет-социализации личности // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2016. № 1 (33). С. 54–62.

28. Лучинкина А. И. Специфика мотивации интернет-пользователей // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 6–12. С. 105–109.
29. Лучинкина И. С. Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2017. № 4 (40). С. 42–46.
30. Стернин И. А., Камбаралиева У. Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20–34.

References

1. Abramova A. G. The analysis of the psychological crisis conditions and their dynamics. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1985, V. 6, no. 6, pp. 107–115 (in Russian).
2. Veselovskii K. S. *Opyty npravstvennoi statistiki v Rossii* [Experience of moral statistics in Russia]. St. Petersburg, Tip. M-va vnutren. del Publ., 1847. 64 p.
3. Gilinskii Ya., Gurvich I., Rusakova M. *Deviantnost' podrostkov: Teoriya, metodologiya, empiricheskaya real'nost'* [Adolescent deviance: Theory, methodology, and empirical reality]. St. Petersburg, Meditsinskaya pressa Publ., 2001. 200 p.
4. Kleiberg Yu. A. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 290 p.
5. Lichko A. E. Suicidal behavior among adolescents. *Kliniko-psikhologicheskie sotsial'nye i pravovye problemy suitsidal'nogo povedeniya – Clinical and Psychological Social and Legal Issues of Suicidal Behavior*, Moscow, 1974, pp. 71–79 (in Russian).
6. Aleksandrov A. A. *Sovremennaya psikhoterapiya* [Modern psychotherapy]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 335 p.
7. Zhezlova L. Ya. Comparative age aspects of suicidal behavior in children and adolescents. *Aktual'nye problemy suitsidologii. Trudy Moskovskogo NII psikiatrii – Actual problems of suicidology: Proceedings of the Moscow Institute of Psychiatry*, V. 92, Moscow, 1981, pp. 124–133 (in Russian).
8. Vrono E. M. Age-related specific characteristics of auto-aggressive behaviour in mentally healthy adolescents. In: *Sravnitel'no-vozzrastnye issledovaniya v suitsidologii* [Comparative and age-related studies in suicidology]. Moscow, Moscow Institute of Psychiatry Publ., 1989, pp. 39–46.
9. Bulatsel' P. F. *Samoubiistvo s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Istoricheskii ocherk filosofskikh vozzrenii i zakonodatel'stv o samoubiistve* [Suicide from ancient times to the present day: A historical sketch of the philosophical views of suicide and legislations]. St. Petersburg, Parovaya tipo-litografiya Publ., 1900. 206 p.

10. Demina L. D., Ral'nikova I. A. *Psikhicheskoe zdorov'e i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Mental health and defence mechanisms of the person]. Altai, Altai State University Publ., 2000. 123 p.
11. Wenzel A. *Group cognitive therapy of addictions*. N.Y., Guilford Press, 2012. 255 p.
12. Shapinskii V. A. *Deviantnoe povedenie i sotsial'nyi kontrol'* [Deviant behavior and social control]. Rostov-on-Don, Rostov State Pedagogical University Publ., 1997. 98 p.
13. Suchkova M. A., Danilova M. V. Characteristics of adolescent suicide risk: An analysis of gender manifestations. *Molodoi uchenyi – Young Scientist*, 2014, no. 8, pp. 875–877 (in Russian).
14. Beck J. *Cognitive therapy*. Moscow, I.D. Vil'yams Publ., 2006. 400 p.
15. Beck A. T., Freeman A. *Cognitive therapy of personality disorders*. New York, Guilford Press, 2003. 506 p.
16. Beck A. T. et al. An inventory for measuring depression. *Archives of General Psychiatry*, 1961, 4(6), pp. 561–571. DOI: [10.1001/archpsyc.1961.01710120031004](https://doi.org/10.1001/archpsyc.1961.01710120031004)
17. Clark D. A., Beck A. T. *Scientific foundations of cognitive theory and therapy of depression*. New York, Wiley, 1999. 504 p.
18. Gackenbach G. *Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications*. San Diego et al., Academic Press, 2007. 392 p.
19. Riva G. *Mind, cognition and society in the Internet age*. Washington, IOS Press, 2001. 311 p.
20. Harris R. *A cognitive psychology of mass communication*. New Jersey, L. Erlbaum Associates, 2008. 464 p.
21. Donath J. Identity and deception in the virtual community. *Communities in Cyberspace*, 1999, pp. 29–59.
22. Akulich M. M. Internet trolling: Concept, content, and forms. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Bulletin of Tyumen State University: Socio-Economic and Legal Research*, 2012, no. 8, pp. 47–54 (in Russian).
23. Arestova O., Babanin L., Voiskounsky A. Psychological research of computer-mediated communication in Russia. *Behaviour & Information Technology*, 1999, V. 18, Issue 2, pp. 141–147. DOI: [10.1080/014492999119174](https://doi.org/10.1080/014492999119174)
24. Siegel J. Group processes in computer-mediated communication. *Behavior and Human Decision Processes*, 1986, no. 37, pp. 157–187.
25. Shmakov A. A. Speech tactics of deviant communicative behavior of Internet users. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2015, no. 1 (4), pp. 293–305 (in Russian).
26. Luchinkina A. I. Suicidal personality of adolescents in the virtual space. *Pedagogicheskoe obrazovanie v izmenyayushchemsya mire – Pedagogical*

- Education in a Changing World*. Kazan, Otechestvo Publ., 2017, pp. 9–17 (in Russian).
27. Luchinkina A. I. Psychological analysis of deviations in the process of Internet socialization. *Gumanitarnye nauki – Humanities (Yalta)*, 2016, no. 1 (33), pp. 54–62 (in Russian).
  28. Luchinkina A. I. Specific character of Internet users' motivation. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 2014, no. 6–12, pp. 105–109 (in Russian).
  29. Luchinkina I. S. Methodological problems in the study of the communicative behaviour of Internet users. *Gumanitarnye nauki – Humanities (Yalta)*, 2017, no. 4 (40), pp. 42–46 (in Russian).
  30. Sternin I. A., Kambaralieva U. D. Theoretical issues in the description of communicative behavior. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Research*, 2018, no. 2 (16), pp. 20–34 (in Russian).

УДК 316.6:159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7)

Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России

Надежда В. Сиврикова^{1*}, Маргарита И. Постникова², Елена Л. Солдатова³,
Татьяна Г. Пташко¹, Елена Г. Черникова¹, Анна А. Шевченко⁴

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

² Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

³ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

* E-mail: bobronv@cspu.ru

Аннотация

Введение. Авторами доказывается актуальность изучения особенностей жизнестойкости представителей разных поколений. Новизна исследования состоит в сравнении уровня жизнестойкости и отдельных ее компонентов в трех группах: представителей советского, постсоветского и переходного поколений.

Методы. В статье приводятся результаты исследования, целью которого являлось выявление особенности жизнестойкости у представителей разных поколений. В исследовании приняли участие 465 человек в возрасте от 16 до 83 лет (230 мужчин и 235 женщин). Была использована методика «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой.

Результаты. Применение дисперсионного анализа позволило выявить различия в показателях жизнестойкости и ее структурных компонентов у разных поколенческих групп. Доказано, что выраженность жизнестойкости и ее компонентов значительно отличается у представителей советского и переходного поколений. Результаты исследования показали, что уровень контроля ($p \leq 0,0001$), принятия риска ($p \leq 0,0001$) и жизнестойкости ($p \leq 0,0001$) у представителей постсоветского поколения выше, чем у представителей переходного поколения, а самый низкий их уровень отмечается у представителей советского поколения. Мужчины переходного и советского поколений обладают более высоким уровнем контроля ($p \leq 0,0001$), принятия риска ($p \leq 0,05$) и жизнестойкости ($p \leq 0,05$), чем женщины.

Обсуждение результатов. В заключение делается вывод о том, что уровень жизнестойкости различается у представителей разных поколений и у респондентов разного пола. Результаты исследования указывают на необходимость изучения

особенностей жизнестойкости в поздней зрелости, разработки психологических программ повышения личностного потенциала уязвимых поколений.

Ключевые слова

поколение, психология поколений, жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, советское поколение, переходное поколение, постсоветское поколение, поколенческие различия

Основные положения

- ▶ представители разных поколений обладают разным уровнем жизнестойкости;
- ▶ наибольшей степенью жизнестойкости в российском обществе обладают представители постсоветского поколения;
- ▶ наибольшей информативностью о жизнестойкости поколений обладают такие ее компоненты, как принятие риска и контроль.

Для цитирования

Сиврикова Н. В., Постникова М. И., Солдатова Е. Л., Пташко Т. Г., Черникова Е. Г., Шевченко А. А. Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 144–165. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.7

Материалы статьи получены 21.10.2018

UDC 316.6:159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7)

A Comparative Analysis of Hardiness Among Different Generations in Contemporary Russia

Nadezhda V. Sivrikova^{1*}, Margarita I. Postnikova², Elena L. Soldatova³,
Tat'yana G. Ptashko¹, Elena G. Chernikova¹, Anna A. Shevchenko⁴

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

² Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

³ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

⁴ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: bobronv@cspu.ru

Abstract

Introduction. Studying the characteristics of hardiness among different generations merits special attention. The comparative analysis of the levels of hardiness and its

individual components among representatives of Soviet, post-Soviet, and transitional generations has not been reported before.

Methods. The study of hardiness among different generations employed the Hardiness Test by D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova and involved 465 individual participants (230 men and 235 women) aged from 16 to 83 years.

Results. The variance analysis was applied to reveal differences in hardiness and its structural components among the three generational groups. The levels of hardiness and its components differed significantly in the groups of respondents of the Soviet and transitional generations. Compared to the Transitional generation group, the levels of control ($p \leq 0.0001$), challenge ($p \leq 0.0001$), and hardiness ($p \leq 0.0001$) were higher among representatives of the Post-Soviet generation; the lowest levels of these variables were observed in the group of representatives of the Soviet generation. Compared to female respondents of the Transitional and Soviet generations, males had higher levels of control ($p \leq 0.0001$), challenge ($p \leq 0.05$) and hardiness ($p \leq 0.05$).

Discussion. The level of hardiness differs among generational and gender groups. The findings of the study suggest that the characteristics of hardiness should be investigated in late adulthood. This study has great potential for practical application for developing psychological programs for improving personal potential of vulnerable generations.

Keywords

generation, psychology of generations, hardiness, commitment, control, challenge, Soviet generation, transitional generation, post-Soviet generation, generational differences

Highlights

- ▶ Representatives of various generations differ in the levels of hardiness.
- ▶ The highest level of hardiness is characteristic to representatives of the post-Soviet generation.
- ▶ Challenge and control are the most informative components in the analysis of hardiness in generational groups.

For citation

Sivrikova N. V., Postnikova M. I., Soldatova E. L., Ptashko T. G., Chernikova E. G., Shevchenko A. A. A Comparative Analysis of Hardiness Among Different Generations in Contemporary Russia. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 144–165 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.7

Original manuscript received 21.10.2018

Введение

Условия, в которых протекает жизнь современного человека, можно назвать экстремальными и стрессогенными. Причем такое положение дел наблюдается на протяжении не только нынешнего, но и предыдущего столетия. Сменяющие друг друга факторы стресса, к которым можно отнести экономические кризисы, террористические угрозы, техногенные катастрофы и т. д., приводят к необходимости поиска внутренних ресурсов их преодоления. Перед исследователями ставится актуальная задача поиска психологических характеристик, обуславливающих эффективную адаптацию личности в постоянно меняющемся мире, позволяющих справляться с постоянно сменяющимися друг друга жизненными трудностями.

В зарубежной психологии для обозначения переменной, от которой зависит способность человека справляться с жизненными трудностями, используется термин «hardiness» – жизнестойкость [1]. В отечественной литературе до сих пор нет единого видения сущности этого понятия, поскольку значение его схоже с различными терминами, в разное время вводимыми в понятийный аппарат психологической науки. По мнению О. А. Овсяник и А. Н. Фоминовой, с понятием «жизнестойкость» соотносятся такие понятия, как: субъектность (С. Л. Рубинштейн, А. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, А. К. Осницкий), стилевые закономерности (А. А. Либин), личностно-ситуационное взаимодействие (Е. Ю. Коржова), жизнетворчество (Д. А. Леонтьев), смысл жизни (В. Э. Чудновский) [2]. Часто в интересующем нас контексте используется и термин «личностный потенциал» [3, 4].

В отечественной литературе неоднократно предпринимались попытки анализа различных подходов к дефиниции и выделению сущностных черт феномена жизнестойкости [5, 6, 7]. Наш взгляд на эту проблему представлен в более ранних публикациях, предваряющих эмпирические исследования данного феномена [8]. В своем исследовании мы руководствовались определением жизнестойкости, представленном в работе Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой: «жизнестойкость – система убеждений человека о мире и себе, которая помогает преодолевать стрессовые ситуации, воспринимать их как возможность развития, а не катастрофу» [9, с. 4]. Она включает в себя 3 компонента: *вовлеченность, контроль, принятие риска* [9]. *Вовлеченность* проявляется в значимой и интересной для личности активности, например, работе, учебе, спорте, религии, хобби и т. д. [10]. *Контроль* понимается как вера личности в то, что она может контролировать свою жизнь, влиять на нее [11]. *Принятие риска* заключается в том, что личность воспринимает мир как возможность развиваться, возможность научиться чему-либо [12].

Можно выделить два подхода к исследованию жизнестойкости: 1) ориентированный на связь личностных характеристик и жизнестойкости;

2) ориентированный на «траектории» жизнестойкости. В первом случае жизнестойкость может пониматься как уникальная характеристика личности, как набор личностных черт, факторная модель личностных характеристик [13]. Так, было установлено, что люди с высокими показателями по факторам большой пятерки личности имеют высокий уровень жизнестойкости [14]. Во втором случае изучаются изменения в особенностях проявления жизнестойкости в течение некоторого промежутка времени. Например, были выявлены три вида траекторий в ответ на стрессовое событие: 1) низкий уровень стресса в течение долгого периода времени; 2) сначала высокий уровень стресса, затем его снижение; 3) изначально низкий уровень стресса, затем его увеличение [13].

Жизнестойкость определяет способность личности противостоять стрессовой ситуации, сохраняя внутреннюю сбалансированность, сохранять продуктивность деятельности и активность. Поэтому большой интерес для исследований жизнестойкости представляют профессии, связанные с множеством стрессовых факторов: медицинские работники, военные, пожарные, спортсмены и т. д. Было обнаружено, что жизнестойкость является значимым фактором в прогнозировании травм у спортсменов [15, 16], препятствует эмоциональному истощению и профессиональному выгоранию медицинских работников [17], тесно связана со стажем работы пожарных и военных [18], влияет на здоровье военнослужащих [19, 20], является важным фактором прогнозирования истощения и формирования психических расстройств у специалистов экстремальных профессий [21].

Множество исследовательских работ было посвящено выявлению взаимосвязей жизнестойкости, стресса, психопатологий, тревоги, депрессии. В этих работах было показано, что жизнестойкость является ключевым защитным фактором личности. С. Мадди и его коллеги, разрабатывая понятие жизнестойкости на протяжении 30 лет, выяснили, что оно тесно связано с состоянием как психологического, так и физического здоровья. Оказалось, что высокие показатели жизнестойкости связаны с низким уровнем психологического напряжения, тревоги, депрессии, неприятия себя, навязчивыми и негативными мыслями, гневом [1, 10, 22, 23], суицидальными мыслями [12]. Жизнестойкость представляется как показатель психического здоровья, опосредующий воздействие стресса на возникновение болезней [22]. Аналогичные результаты были получены и в последующих работах других исследователей [24, 25].

Жизнестойкость тесно связана со склонностью личности к положительным эмоциям, а также в большей степени коррелирует с симптомами депрессии, а не посттравматического расстройства. Было показано, что жизнестойкость имеет большое значение для развития положительной эмоциональности и может применяться для прогноза возникновения ангедонии, проблем в выражении положительных эмоций [26]. Жизнестойкость является значимым

защитным фактором против возникновения некоторых типов зависимого поведения: интернет-зависимости, азартных игр, чрезмерных потребительских трат [10].

Жизнестойкость способствует проявлениям экзистенциального мужества и преобразующей активности. Высокая жизнестойкость обеспечивает поиск смысла через проживание нового опыта, а не применение уже известных моделей и способов действий [23]. Отечественными исследователями было установлено, что жизнестойкость взаимосвязана с уровнем осмысленности жизни и характерна для людей со статусом достигнутой идентичности [27].

Показатели жизнестойкости положительно связаны с новаторством и работоспособностью, негативно – с авторитаризмом и подавлением [22]. Жизнестойкость является значимым условием работоспособности и успешности школьников, студентов, взрослых. Она связана с положительным отношением к школе, учителю, восприятием неуспеваемости как неотъемлемой части процесса обучения, положительной оценкой своих способностей, высокой работоспособностью, ощущением смысла жизни, психологическим благополучием, способствует развитию учебной самоэффективности обучающихся [28, 29].

В зарубежных исследованиях было установлено, что психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, оптимизм, высокая самооценка и жизнестойкость положительно коррелируют, соответственно, жизнестойкость может рассматриваться как проявление конструктивной адаптации [13, 30, 31].

По мнению С. Мадди, демографические различия в уровне жизнестойкости не являются выраженными. В исследовании, проведенном еще в 1984 г., было выявлено, что уровень жизнестойкости положительно коррелирует с возрастом и уровнем образования, но не было обнаружено значимых связей с полом. Анализируя результаты исследования, С. Мадди и его коллеги пришли к выводам, что показатели жизнестойкости не зависят от пола или возраста. По их мнению, как мужчины, так и женщины испытывают схожий уровень стресса в процессе развития; стрессовые события, характерные для каждого возрастного периода, вызывают схожие по интенсивности стрессовые реакции. Однако отмечается, что поскольку жизнестойкость как личностная характеристика требует развития, то у людей более юного возраста ее показатели могут быть немного ниже [22]. В исследованиях отечественных авторов представлены данные как подтверждающие эту тенденцию [32], так и обнаруживающие обратную закономерность: уровень жизнестойкости с возрастом снижается [2, 22, 33]. Также в современных исследованиях жизнестойкости были выявлены некоторые гендерные различия. Большинство исследователей указывают на тот факт, что уровень жизнестойкости выше у мужчин, чем у женщин [22, 34]. Однако в подростковом возрасте различий

в уровне жизнестойкости учащихся обнаружить не удалось [35], а в пожилом возрасте оказалось, что уровень жизнестойкости женщин выше, чем у мужчин [36]. Также было установлено, что ключевым фактором жизнестойкости для женщин-предпринимателей является оптимизм, для мужчин-предпринимателей – находчивость; высокие показатели жизнестойкости обуславливают низкие показатели суицидальных намерений у мужчин, но не у женщин, страдающих наркотической зависимостью [11, 12].

Таким образом, вопрос о половозрастных различиях в показателях жизнестойкости остается открытым и требует дальнейшего изучения. Учитывая, что в литературе имеются данные о половозрастных различиях в уровне жизнестойкости людей, мы предположили, что у представителей разных поколений он также будет отличаться. Данная гипотеза основана на идее о том, что жизнестойкость представителей разных поколений разного пола опосредована теми культурно-историческими условиями, которые складывались в период формирования их личности.

При дифференциации поколений мы исходим из концепции ментальности поколений В. И. Пищик [37, 38]. Она предлагает опираться при выделении поколений на эпохальный (часто переломный) период в истории страны, влияющий на развитие самосознания человека. В российском обществе ключевым для нашего социума и формирования личности граждан стало такое событие, как распад Советского Союза. В. И. Пищик считает, что можно выделить 3 поколения граждан, живущих в современном российском обществе: советское поколение, переходное поколение и постсоветское поколение.

Социальные условия развития, в силу кардинальной смены культурно-исторических условий, у представителей разных поколений будут качественно отличаться. Детство советского поколения и детство поколения детей начала XXI в. содержательно качественно отличаются, что оказывает существенное влияние на формирование личностных характеристик ребенка. Представители советского поколения воспитывались в духе и традициях коллективизма, под сильным влиянием государственной системы воспитания. Представители переходного поколения не испытывали систематического воздействия государственной идеологии. Формирование их личности происходило в условиях либерализации средств массовой информации и общества в целом. Личность представителей постсоветского поколения формировалась в период относительной стабилизации общества и интенсивного распространения информационных технологий. Отсюда каждое поколение имеет свои особенности: свою систему ценностей, личностные особенности, свой взгляд на мир и т. д. Поэтому можно предположить, что и жизнестойкость, и ее структурные компоненты будут отличаться у представителей разных поколений.

Методы

Цель исследования: выявить различия в показателях жизнестойкости у представителей советского, переходного и постсоветского поколений. Методологической базой исследования выступали концепция ментальности поколений В. И. Пищик и положения культурно-исторической теории развития Л. С. Выготского.

В исследовании приняли участие респонденты, возраст которых варьируется от 16 до 83 лет. Выборка формировалась в разных регионах России: г. Новодвинске, г. Северодвинске, г. Архангельске и Архангельской области, Татарстане, Чувашии, Ленинградской и Смоленской областях. Всего было опрошено 465 человек. Из них 230 – мужчины и 235 – женщины.

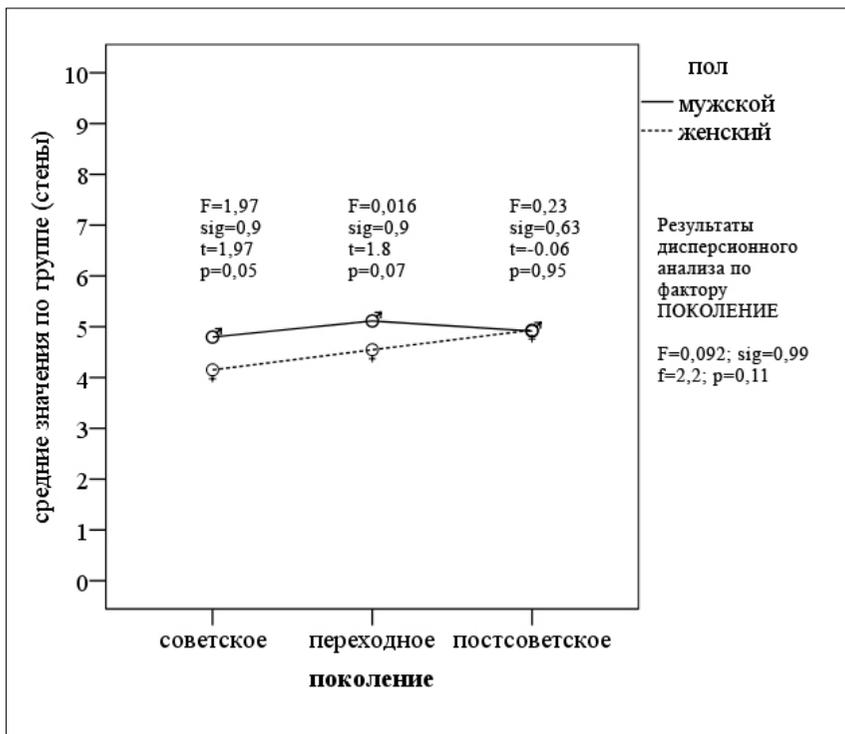
Для сравнения уровня жизнестойкости у представителей разных поколений вся выборка была разделена на 3 группы (согласно датам их рождения): 1) представители советского поколения (155 человек) – до 1975 года рождения; 2) представители переходного поколения (155 человек) – 1980–1985 годы рождения; 3) представители постсоветского поколения (155 человек) – после 1995 года рождения. Также в ходе исследования сравнивался уровень жизнестойкости у мужчин и женщин из каждой поколенческой группы.

Диагностика проводилась с помощью теста жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [9] (адаптация опросника «Hardiness Survey» С. Мадди). Анализ однородности дисперсий проводился с помощью критерия Левина; оценка соответствия эмпирического распределения параметрам нормального распределения проводилась с помощью критерия Колмогорова – Смирнова. Для статистической обработки данных использовался t-критерий Стьюдента и однофакторный дисперсионный анализ. Расчеты проводились в программе SPSS Statistics 22.

Результаты

В ходе исследования нами анализировались различия в уровне выраженности отдельных показателей жизнестойкости у представителей разных поколений мужского и женского полов. Для этого предварительно была проведена проверка эмпирических данных на соответствие параметрам нормального распределения. Результаты применения критерия Колмогорова – Смирнова показали, что распределение всех исследуемых показателей не отличается от нормального.

Анализ уровня вовлеченности представителей разных поколений показал, что он не имеет значимых различий у представителей разных поколений и у респондентов разного пола (рисунок 1).

Рисунок 1. Зависимость уровня вовлеченности от поколения и пола респондентов

Условные обозначения: *F* – критерий равенства дисперсий Левина; *sig* – значимость критерия Левина; *f* – эмпирическое значение критерия Фишера; *t* – эмпирическое значение *t*-критерия Стьюдента; *p* – уровень значимости.

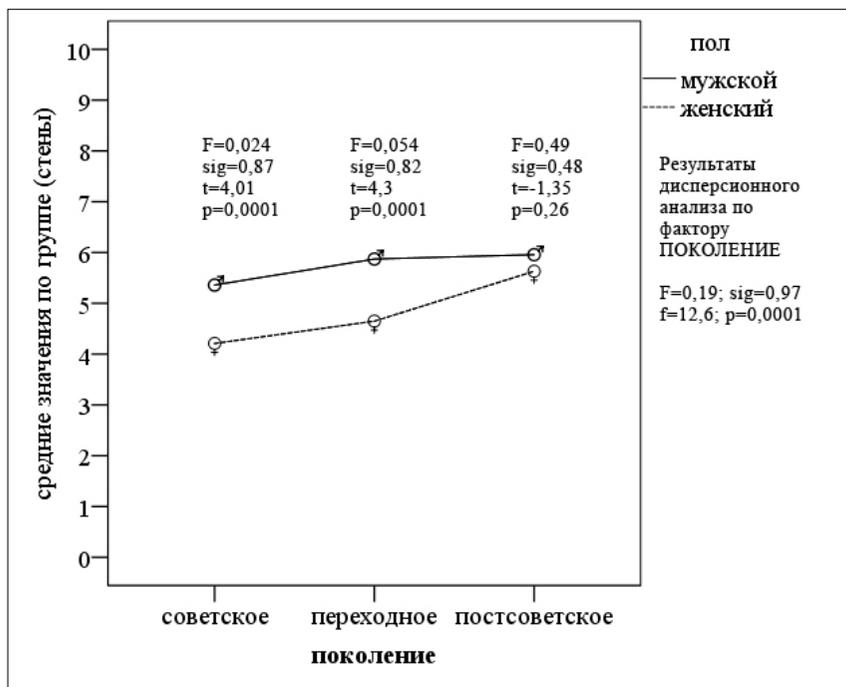
Figure 1. Dependence of the level of engagement on respondents' gender and generation

Legend: *F* – Levene's test of equality of variances; *sig* – significance of Levene's test; *f* – Fisher's exact test; *t* – Student's *t*-test; *p* – significance level.

Полученные данные указывают на то, что все участники исследования достаточно активно включены в решение общественных проблем. Это дает им чувство вовлеченности, сопричастности и позволяет чувствовать свою ценность и значимость для других людей. Конечно, подобная активность требует от человека готовности и способности нести ответственность за свои поступки и брать на себя определенные обязательства.

В ходе исследования удалось установить, что уровень контроля личности различается у респондентов разного пола и у представителей разных поколений (рисунок 2). При этом выяснилось, что мужчины советского и переходного поколения в большей степени уверены в том, что владеют ситуацией, чем женщины, принадлежащие к этим поколениям ($p \leq 0,0001$).

Рисунок 2. Зависимость уровня контроля от поколения и пола респондентов

Условные обозначения: F – критерий равенства дисперсий Левина; sig – значимость критерия Левина; f – эмпирическое значение критерия Фишера; t – эмпирическое значение t -критерия Стьюдента; p – уровень значимости.

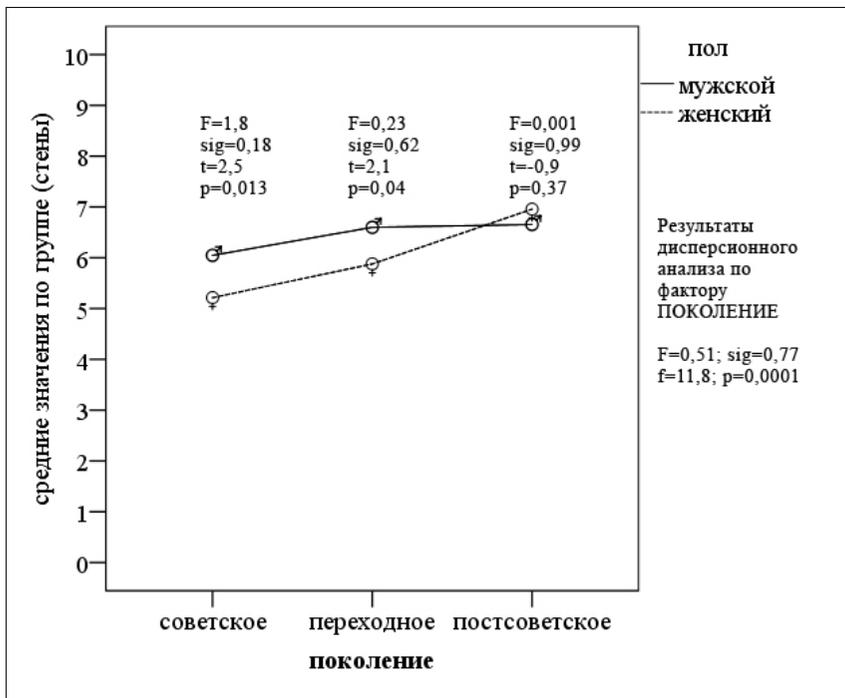
Figure 2. Dependence of the level of control on respondents' gender and generation

Legend: F – Levene's test of equality of variances; sig – significance of Levene's test; f – Fisher's exact test; t – Student's t -test; p – significance level.

У представителей постсоветского поколения подобных различий обнаружено не было. В целом с возрастом уровень уверенности в своих силах влиять на жизненный успех снижается ($p \leq 0,0001$).

На рисунке 3 представлены результаты анализа зависимости уровня принятия риска от поколения и пола респондентов.

Рисунок 3. Зависимость уровня принятия риска от поколения и пола респондентов

Условные обозначения: *F* – критерий равенства дисперсий Левина; *sig* – значимость критерия Левина; *f* – эмпирическое значение критерия Фишера; *t* – эмпирическое значение *t*-критерия Стьюдента; *p* – уровень значимости.

Figure 3. Dependence of the level of risk taking on respondents' gender and generation

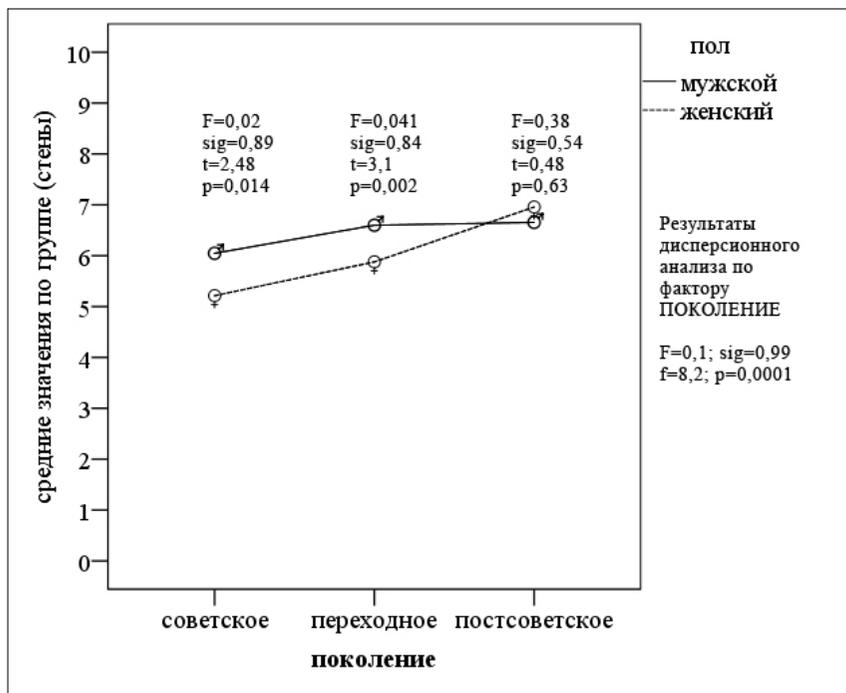
Legend: *F* – Levene's test of equality of variances; *sig* – significance of Levene's test; *f* – Fisher's exact test; *t* – Student's *t*-test; *p* – significance level.

Оказалось, что данный параметр жизнестойкости чувствителен к каждому из рассматриваемых в работе факторов. При этом было установлено, что уровень принятия риска выше у мужчин, относящихся к советскому ($p \leq 0,05$) и переходному поколению ($p \leq 0,05$), чем у женщин, принадлежащих к тем же

поколениям. В целом уровень принятия риска снижается от постсоветского к советскому поколению ($p \leq 0,0001$).

При анализе уровня жизнестойкости у представителей разных поколений мужского и женского пола были обнаружены значимые различия (рисунок 4). Оказалось, что уровень жизнестойкости снижается от постсоветского к советскому поколению ($p \leq 0,001$), а у представителей советского и переходного поколения отличается среди респондентов разного пола ($p \leq 0,05$).

Рисунок 4. Зависимость уровня жизнестойкости от поколения и пола респондентов

Условные обозначения: F – критерий равенства дисперсий Левина; sig – значимость критерия Левина; f – эмпирическое значение критерия Фишера; t – эмпирическое значение t -критерия Стьюдента; p – уровень значимости.

Figure 4. Dependence of the level of hardiness on respondents' gender and generation

Legend: F – Levene's test of equality of variances; sig – significance of Levene's test; f – Fisher's exact test; t – Student's t -test; p – significance level.

У представителей старших поколений мужского пола общий показатель жизнестойкости оказался выше, чем у женщин ($p \leq 0,05$). Таким образом, результаты нашего исследования указывают на то, что уровень жизнестойкости у представителей постсоветского поколения выше, чем у представителей переходного поколения, а самый низкий уровень жизнестойкости отмечается у представителей советского поколения. Кроме того, у представителей переходного и советского поколений разного пола наблюдаются значимые различия в уровне жизнестойкости.

Обсуждение результатов

В ходе исследования нами были обнаружены значимые различия в уровне жизнестойкости у представителей разных поколений. Полученные нами данные противоречат предположению С. Мадди о том, что с возрастом уровень жизнестойкости возрастает в связи с естественным развитием личности и обогащением жизненного опыта [1]. Это может быть связано с тем, что в исследовании принимали участие достаточно зрелые люди. А С. Мадди говорил о росте уровня жизнестойкости от юношеского к зрелому возрасту.

На снижение с возрастом уровня жизнестойкости и таких ее показателей, как контроль и принятие риска, указывают результаты ряда отечественных исследователей [2, 8]. Только в исследовании О. В. Луцевской было установлено, что при сравнении контрастных женских групп (разница в возрасте более чем в 3 раза) уровень вовлеченности с возрастом повышается на 18,5 % [32]. Однако в последнем исследовании принимали участие всего 76 человек, что не позволяет говорить о репрезентативности выборки.

Мы полагаем, что обнаруженные различия в уровне контроля и принятия риска у представителей разных поколений в нашей стране обусловлены скорее культурно-историческим контекстом их жизни, нежели большим жизненным опытом. Вероятно, именно в качестве опыта каждого поколения лежат корни формируемого у его представителей уровня жизнестойкости. Представителям советского и переходного поколений в нашей стране пришлось пережить трудные времена, связанные с распадом СССР. Страна стала кардинально другой, изменилось название, сменился экономический строй. Люди находились в состоянии неопределенности, растерянности, часто без видимой перспективы на ближайшие годы жизни. Эта социальная ситуация определяла развитие отдельных личностных характеристик [38], сочетание которых могло привести к относительно меньшему уровню жизнестойкости у этого поколения. В частности, изменения в жизни людей и общества, рожденных и выросших в СССР, вероятно, оставили негативный отпечаток на их способности рисковать и убежденности в возможности управления событиями своей жизни [8].

Постсоветское поколение выросло в условиях экономической и политической стабилизации общества, его представители не переживали опыта потерь своих сбережений, работы, ощущения беспомощности перед будущим. Становление их самосознания происходило в стабильном, прогнозируемом обществе, не требующем мобилизации внутренних ресурсов в условиях глобальных перемен. В результате они меньше боятся рисковать и принимать нестандартные решения [37]. Именно за счет большего уровня контроля и принятия риска общий показатель их жизнестойкости оказался выше, чем у старших поколений.

Анализируя различия в жизнестойкости респондентов разного пола можно отметить, что отсутствие значимых различий в выборке людей до 25 лет фиксируется другими исследователями [35, 39]. А вот при анализе жизнестойкости в старшем возрасте фиксируется более высокий уровень жизнестойкости и отдельных ее показателей у мужчин, чем у женщин [34, 40]. В пожилом возрасте (65–75 лет), как указывает О. И. Политика, наоборот, у женщин наблюдается более высокий уровень жизнестойкости, чем у мужчин, за счет более высоких показателей вовлеченности и контроля [36]. Интересно, что при анализе жизнестойкости взрослых женщин обнаруживается рост ее уровня с ростом маскулинности [33].

Очевидно, что женщины старших поколений испытывают на себе больше дискриминации по половому признаку. Это подтверждается данными о том, что женщины гораздо меньше представлены в структуре власти и в науке [41]. Дискриминация по половому признаку проявляется в том, что женщины сталкиваются с несправедливостью на работе, вынуждены выбирать между карьерой и ребенком и т. д. С подобными проблемами сталкиваются представители старших поколений. Асимметричное отношение к полам в обществе может провоцировать у зрелых женщин ощущение беспомощности, неспособности самостоятельно противостоять обстоятельствам и влиять на события своей жизни.

О том, что поведение женщин характеризуется большей осторожностью, говорят и результаты зарубежных исследований: мужчины в два раза чаще, чем женщины, водят машину в нетрезвом виде, они на 9 % чаще пренебрегают ремнями безопасности, на 70 % чаще владеют оружием и на 12 % чаще употребляют табачные изделия [42]. С. В. Геодакян объясняет это разницей в эволюционных задачах, стоящих перед мужчинами и женщинами [42].

На наш взгляд, результаты исследования указывают на то, что наиболее уязвимыми в нашей стране к воздействию неблагоприятных факторов оказываются представители старшего (советского) поколения женского пола. Это позволяет предположить, что им будет труднее других членов общества приспособиваться к глобальным изменениям, которые происходят в современном мире.

Поэтому перед обществом стоит задача разработки социально-психологических мер поддержки и развития личностного потенциала старшего поколения в условиях все большего старения современного общества.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что уровень жизнестойкости и характеристика ее структурных компонентов различаются у представителей разных поколений и респондентов разного пола:

1. Наиболее высокие показатели жизнестойкости, а также таких ее компонентов, как контроль и принятие риска, характерны для представителей постсоветского поколения.
2. Наименьший уровень жизнестойкости и таких ее компонентов, как контроль и принятие риска, отмечается у представителей советского поколения.
3. Мужчины советского и переходного поколений обладают большей степенью жизнестойкости и таких ее компонентов, как контроль и принятие риска, чем женщины советского и переходного поколений.

Результаты исследования указывают на разницу в жизнестойкости представителей разных поколений и людей разного пола. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для прогноза общественного развития на ближайшую перспективу. Так как было установлено, что уровень жизнестойкости с возрастом снижается, результаты исследования указывают на необходимость изучения особенностей жизнестойкости в поздней зрелости, разработки психологических программ повышения личностного потенциала уязвимых поколений.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00910 «Динамика ценностей поколений как маркер трансформации социальных отношений в российском обществе».

Acknowledgments

This study was supported by Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-013-00910, "Dynamics of values of generations as a marker of the transformation of social relations in Russian society").

Литература

1. Maddi S. Hardiness Training at Illinois Bell Telephone // Health promotion evaluation / J. P. Opatz (ed.). Stevens Point (WI): National Wellness Institute, 1987. P. 101–115.

2. *Овсяник О. А., Фоминова А. Н.* Особенности жизнестойкости женщин различных возрастных групп // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 2. С. 28–33.
3. *Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева.* М.: Смысл, 2011. 680 с.
4. *Эксакусто Т. В., Дуганова Ю. К.* Развитие личностного потенциала субъектов психологической безопасности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 835.
5. *Евтушенко Е. А.* Жизнестойкость личности как психологический феномен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 60. С. 72–78.
6. *Закерничная Н. В.* Теоретическое осмысление понятия жизнестойкости в отечественных и зарубежных исследованиях // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2016. Т. 11, № 5. С. 61–66.
7. *Никитина Е. В.* Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. 2017. № 4 (19). С. 100–103.
8. *Постникова М. И.* Особенности жизнестойкости молодежи // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 298–310.
9. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
10. *Maddi S. R. et al.* Relationship of hardiness, grit, and emotional intelligence to internet addiction, excessive consumer spending, and gambling // The Journal of Positive Psychology. 2013. Vol. 8, Issue 2. P. 128–134. DOI: [10.1080/17439760.2012.758306](https://doi.org/10.1080/17439760.2012.758306)
11. *Abdollahi A. et al.* The Role of Hardiness in Decreasing Stress and Suicidal Ideation in a Sample of Undergraduate Students // Journal of Humanistic Psychology. 2015. Vol. 55, Issue 2. P. 202–222. DOI: [10.1177/0022167814543952](https://doi.org/10.1177/0022167814543952)
12. *Abdollahi A., Abu Talib M.* Hardiness, Spirituality, and Suicidal Ideation Among Individuals With Substance Abuse: The Moderating Role of Gender and Marital Status // Journal of Dual Diagnosis. 2015. Vol. 11, Issue 1. P. 12–21. DOI: [10.1080/15504263.2014.988558](https://doi.org/10.1080/15504263.2014.988558)
13. *Britt T. W. et al.* How Much Do We Really Know About Employee Resilience? // Industrial and Organizational Psychology. 2016. Vol. 9, Issue 2. P. 378–404. DOI: [10.1017/iop.2015.107](https://doi.org/10.1017/iop.2015.107)
14. *Merino-Tejedor E. et al.* Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 85. P. 105–110. DOI: [10.1016/j.paid.2015.04.044](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.044)
15. *Salim J. et al.* Examining Hardiness, Coping and Stress-Related Growth Following Sport Injury // Journal of Applied Sport Psychology. 2016. Vol. 28, Issue 2. P. 154–169. DOI: [10.1080/10413200.2015.1086448](https://doi.org/10.1080/10413200.2015.1086448)

16. *Wadey R. et al.* An examination of hardiness throughout the sport-injury process: A qualitative follow-up study // *British Journal of Health Psychology*. 2012. Vol. 17, Issue 4. P. 872–893. DOI: [10.1111/j.2044-8287.2012.02084.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8287.2012.02084.x)
17. *Adriaenssens J. et al.* Determinants and prevalence of burnout in emergency nurses: A systematic review of 25 years of research // *International Journal of Nursing Studies*. 2015. Vol. 52, Issue 2. P. 649–661. DOI: [10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004](https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004)
18. *De la Vega R. et al.* Hardiness in Professional Spanish Firefighters // *Perceptual and Motor Skills*. 2013. Vol. 117, Issue 2. P. 608–614. DOI: [10.2466/15.PMS.117x19z4](https://doi.org/10.2466/15.PMS.117x19z4)
19. *Taylor M. K. et al.* Relationships of hardiness to physical and mental health status in military men: a test of mediated effects // *Journal of Behavioral Medicine*. 2013. Vol. 36, Issue 1. P. 1–9. DOI: [10.1007/s10865-011-9387-8](https://doi.org/10.1007/s10865-011-9387-8)
20. *Thomassen A. G. et al.* The combined influence of hardiness and cohesion on mental health in a military peacekeeping mission: A prospective study // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015. Vol. 56, Issue 5. P. 560–566. DOI: [10.1111/sjop.12235](https://doi.org/10.1111/sjop.12235)
21. *Bezdzian S. et al.* Resilience in the United States Air Force: Psychometric properties of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // *Psychological Assessment*. 2017. Vol. 29, Issue 5. P. 479–485. DOI: [10.1037/pas0000370](https://doi.org/10.1037/pas0000370)
22. *Maddi S., Harvey R.* Hardiness considered across cultures // *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping* / P. T. P. Wong, L. C. J. Wong (Eds.). N.Y.: Springer, 2006. P. 409–426.
23. *Maddi S. R. et al.* The Personality Construct of Hardiness, V: Relationships With the Construction of Existential Meaning in Life // *Journal of Humanistic Psychology*. 2011, Vol. 51, Issue 3. P. 369–388. DOI: [10.1177/0022167810388941](https://doi.org/10.1177/0022167810388941)
24. *Gerber M. et al.* Are Adolescents With High Mental Toughness Levels More Resilient Against Stress? // *Stress and Health*. 2013. Vol. 29, Issue 2. P. 164–171. DOI: [10.1002/smi.2447](https://doi.org/10.1002/smi.2447)
25. *Pitts B. L. et al.* Effects of Hardiness and Years of Military Service on Posttraumatic Stress Symptoms in U.S. Army Medics // *Military Psychology*. 2016. Vol. 28, Issue 4. P. 278–284. DOI: [10.1037/mil0000106](https://doi.org/10.1037/mil0000106)
26. *Robinson J. S. et al.* Relations between resilience, positive and negative emotionality, and symptoms of anxiety and depression // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2014. Vol. 6 (Supple 1). P. S92–S98. DOI: [10.1037/a0033733](https://doi.org/10.1037/a0033733)
27. *Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A.* Ego-identity in the Structure of Personality Maturity // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 86. P. 283–288. DOI: [10.1016/j.sbspro.2013.08.565](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.565)

28. *Kamtsios S., Karagiannopoulou E.* Conceptualizing students' academic hardiness dimensions: a qualitative study // *European Journal of Psychology of Education*. 2013. Vol. 28, Issue 3. P. 807–823. DOI: [10.1007/s10212-012-0141-6](https://doi.org/10.1007/s10212-012-0141-6)
29. *Wang Y.-L., Tsai C.-C.* Taiwanese students' science learning self-efficacy and teacher and student science hardiness: a multilevel model approach // *European Journal of Psychology of Education*. 2016. Vol. 31, Issue 4. P. 537–555. DOI: [10.1007/s10212-015-0285-2](https://doi.org/10.1007/s10212-015-0285-2)
30. *Виндекер О. С., Клименских М. В.* Психометрические грани антихрупкости: толерантность к неопределенности, жизнестойкость и рост // *Российский психологический журнал*. 2016. Vol. 13, № 3. P. 107–122. DOI: [10.21702/rpj.2016.3.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.7)
31. *Viola M. M. et al.* Psychological Well-Being and Career Indecision in Emerging Adulthood: The Moderating Role of Hardiness // *The Career Development Quarterly*. 2016. Vol. 64, Issue 4. P. 387–396. DOI: [10.1002/cdq.12073](https://doi.org/10.1002/cdq.12073)
32. *Луцевская О. В.* Жизнестойкость и стресс жизни у молодых и пожилых женщин // *Тюменский медицинский журнал*. 2016. Т. 18, № 2. С. 8–11.
33. *Гвоздецкая В. К.* Психологические особенности мужчин и женщин в различные периоды возрастных кризисов // *Sciences of Europe*. 2016. № 9–4 (9). С. 12–24.
34. *Быстрова Т. В.* Особенности проявления жизнестойкости осужденными мужского и женского пола // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2016. № 14–3. С. 101–103.
35. *Петрова Л. В.* Гендерные особенности ценностных ориентаций и жизнестойкости учащихся // *Педагогическое образование в России*. 2015. № 1. С. 139–141.
36. *Политика О. И.* Жизнестойкость и совладающее поведение в сенильном возрасте: гендерный аспект // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. № 12. С. 71–74.
37. *Сиврикова Н. В.* Проблемы изучения поколений в психологии // *Культурно-историческая психология*. 2015. Т. 11, № 2. С. 100–107. DOI: [10.17759/chp.2015110210](https://doi.org/10.17759/chp.2015110210)
38. *Пищик В. И., Гаврилова А. В., Сиврикова Н. В.* Стили межпоколенного педагогического взаимодействия преподавателей и студентов разных поколенческих групп // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 245–264. DOI: [10.21702/rpj.2016.3.14](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.14)
39. *Иванова Е. С., Ласнова Д. С.* Взаимосвязь жизнестойкости и различных типов гендерной идентичности у современной молодежи // *Инновации в науке*. 2016. № 57–2. С. 66–70.

40. Рябко Т. В. Гендерные различия мотивационной сферы, жизнестойкости и эмоционального интеллекта у сотрудников полиции – психологов // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 85–88.
41. Ильяева И. А., Савенкова И. В. Социологический подход к гендерным отношениям в системе управления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 5. С. 4–10.
42. Геодакян С. В. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола. М.: Самиздат, 2011. 230 с.

References

1. Maddi S. Hardiness training at Illinois bell telephone. In: J. P. Opatz (ed.). *Health promotion evaluation*. Stevens Point (WI), National Wellness Institute, 1987, pp. 101–115.
2. Ovsyanik O. A., Fominova A. N. Characteristics of hardiness in women of different age groups. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki – Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology*, 2015, no. 2, pp. 28–33 (in Russian).
3. Leont'ev D. A. (ed.) *Lichnostnyi potentsial. Struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnosis]. Moscow, Smysl Publ., 2011. 680 p.
4. Eksakusto T. V., Duganova Yu. K. Development of personal potential in subjects of psychological security. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 6, p. 835 (in Russian).
5. Evtushenko E. A. Personal hardiness as a psychological phenomenon. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii – Personality, Family and Society: The Issues of Pedagogy and Psychology*, 2016, no. 60, pp. 72–78 (in Russian).
6. Zakernichnaya N. V. Theoretical understanding of the concept of hardiness in domestic and foreign researches. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki – Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series: Pedagogical Sciences*, 2016, V. 11, no. 5, pp. 61–66 (in Russian).
7. Nikitina E. V. Phenomenon of hardiness: Concept, modern views, and research. *Academy*, 2017, no. 4 (19), pp. 100–103 (in Russian).
8. Postnikova M. I. Characteristics of hardiness in young people. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*, 2016, no. 1 (49), pp. 298–310 (in Russian).
9. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznesteikosti* [Hardiness test]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 63 p.
10. Maddi S. R. et al. Relationship of hardiness, grit, and emotional intelligence to internet addiction, excessive consumer spending, and gambling. *The Journal of Positive Psychology*, 2013, V. 8, Issue 2, pp. 128–134. DOI: [10.1080/17439760.2012.758306](https://doi.org/10.1080/17439760.2012.758306)

11. Abdollahi A. et al. The role of hardiness in decreasing stress and suicidal ideation in a sample of undergraduate students. *Journal of Humanistic Psychology*, 2015, V. 55, Issue 2, pp. 202–222. DOI: [10.1177/0022167814543952](https://doi.org/10.1177/0022167814543952)
12. Abdollahi A., Abu Talib M. Hardiness, spirituality, and suicidal ideation among individuals with substance abuse: The moderating role of gender and marital status. *Journal of Dual Diagnosis*, 2015, V. 11, Issue 1, pp. 12–21. DOI: [10.1080/15504263.2014.988558](https://doi.org/10.1080/15504263.2014.988558)
13. Britt T. W. et al. How much do we really know about employee resilience? *Industrial and Organizational Psychology*, 2016, V. 9, Issue 2, pp. 378–404. DOI: [10.1017/iop.2015.107](https://doi.org/10.1017/iop.2015.107)
14. Merino-Tejedor E. et al. Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort. *Personality and Individual Differences*, 2015, V. 85, pp. 105–110. DOI: [10.1016/j.paid.2015.04.044](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.044)
15. Salim J. et al. Examining hardiness, coping and stress-related growth following sport injury. *Journal of Applied Sport Psychology*, 2016, V. 28, Issue 2, pp. 154–169. DOI: [10.1080/10413200.2015.1086448](https://doi.org/10.1080/10413200.2015.1086448)
16. Wadey R. et al. An examination of hardiness throughout the sport-injury process: A qualitative follow-up study. *British Journal of Health Psychology*, 2012, V. 17, Issue 4, pp. 872–893. DOI: [10.1111/j.2044-8287.2012.02084.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8287.2012.02084.x)
17. Adriaenssens J. et al. Determinants and prevalence of burnout in emergency nurses: A systematic review of 25 years of research. *International Journal of Nursing Studies*, 2015, V. 52, Issue 2, pp. 649–661. DOI: [10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004](https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004)
18. De la Vega R. et al. Hardiness in professional Spanish firefighters. *Perceptual and Motor Skills*, 2013, V. 117, Issue 2, pp. 608–614. DOI: [10.2466/15.PMS.117x19z4](https://doi.org/10.2466/15.PMS.117x19z4)
19. Taylor M. K. et al. Relationships of hardiness to physical and mental health status in military men: a test of mediated effects. *Journal of Behavioral Medicine*, 2013, V. 36, Issue 1, pp. 1–9. DOI: [10.1007/s10865-011-9387-8](https://doi.org/10.1007/s10865-011-9387-8)
20. Thomassen A. G. et al. The combined influence of hardiness and cohesion on mental health in a military peacekeeping mission: A prospective study. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2015, V. 56, Issue 5, pp. 560–566. DOI: [10.1111/sjop.12235](https://doi.org/10.1111/sjop.12235)
21. Bezdjian S. et al. Resilience in the United States Air Force: Psychometric properties of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). *Psychological Assessment*, 2017, V. 29, Issue 5, pp. 479–485. DOI: [10.1037/pas0000370](https://doi.org/10.1037/pas0000370)
22. Maddi S., Harvey R. Hardiness considered across cultures. In: P. T. P. Wong, L. C. J. Wong (eds.) *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping*. N.Y., Springer, 2006, pp. 409–426.
23. Maddi S. R. et al. The personality construct of hardiness, V: Relationships with the construction of existential meaning in life. *Journal of Humanistic Psychology*, 2011, V. 51, Issue 3, pp. 369–388. DOI: [10.1177/0022167810388941](https://doi.org/10.1177/0022167810388941)

24. Gerber M. et al. Are adolescents with high mental toughness levels more resilient against stress? *Stress and Health*, 2013, V. 29, Issue 2, pp. 164–171. DOI: [10.1002/smi.2447](https://doi.org/10.1002/smi.2447)
25. Pitts B. L. et al. Effects of hardiness and years of military service on post-traumatic stress symptoms in U.S. Army medics. *Military Psychology*, 2016, V. 28, Issue 4, pp. 278–284. DOI: [10.1037/mil0000106](https://doi.org/10.1037/mil0000106)
26. Robinson J. S. et al. Relations between resilience, positive and negative emotionality, and symptoms of anxiety and depression. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2014, V. 6 (Supple 1), pp. S92–S98. DOI: [10.1037/a0033733](https://doi.org/10.1037/a0033733)
27. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. Ego-identity in the structure of personality maturity. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, V. 86, pp. 283–288. DOI: [10.1016/j.sbspro.2013.08.565](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.565)
28. Kamtsios S., Karagiannopoulou E. Conceptualizing students' academic hardiness dimensions: a qualitative study. *European Journal of Psychology of Education*, 2013, V. 28, Issue 3, pp. 807–823. DOI: [10.1007/s10212-012-0141-6](https://doi.org/10.1007/s10212-012-0141-6)
29. Wang Y.-L., Tsai C.-C. Taiwanese students' science learning self-efficacy and teacher and student science hardiness: a multilevel model approach. *European Journal of Psychology of Education*, 2016, V. 31, Issue 4, pp. 537–555. DOI: [10.1007/s10212-015-0285-2](https://doi.org/10.1007/s10212-015-0285-2)
30. Vindeker O. S., Klimenskikh M. V. Psychometric facets of antifragility: tolerance of ambiguity, hardiness, and growth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 107–122 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2016.3.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.7)
31. Viola M. M. et al. Psychological well-being and career indecision in emerging adulthood: The moderating role of hardiness. *The Career Development Quarterly*, 2016, V. 64, Issue 4, pp. 387–396. DOI: [10.1002/cdq.12073](https://doi.org/10.1002/cdq.12073)
32. Lushchevskaya O. V. Hardiness and the stress in young and elderly women. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal – Tyumen Medical Journal*, 2016, V. 18, no. 2, pp. 8–11 (in Russian).
33. Gvozdetskaya V. K. Psychological features of men and women in various periods of age crises. *Sciences of Europe*, 2016, no. 9–4 (9), pp. 12–24 (in Russian).
34. Bystrova T. V. Features of hardiness of male and female convicts. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire – Fundamental and Applied Research in the Modern World*, 2016, no. 14–3, pp. 101–103 (in Russian).
35. Petrova L. V. Gender characteristics of value orientations and hardiness among students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2015, no. 1, pp. 139–141 (in Russian).

36. Politika O. I. Hardiness and coping behavior in senile age: gender aspect. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, and Pedagogy*, 2016, no. 12, pp. 71–74 (in Russian).
37. Sivrikova N. V. Problems in research on generations in psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2015, V. 11, no. 2, pp. 100–107 (in Russian). DOI: [10.17759/chp.2015110210](https://doi.org/10.17759/chp.2015110210)
38. Pishchik V. I., Gavrilova A. V., Sivrikova N. V. Styles of intergenerational pedagogical interaction of teachers and students of different generational groups. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 245–264 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2016.3.14](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.14)
39. Ivanova E. S., Lasnova D. S. Relationship between hardiness and different types of gender identity among today's youth. *Innovatsii v nauke – Innovations in Science*, 2016, no. 57–2, pp. 66–70 (in Russian).
40. Ryabko T. V. Gender differences of motivational sphere, hardiness and emotional intelligence among police officers–psychologists. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, and Pedagogy*, 2017, no. 8, pp. 85–88 (in Russian).
41. Ilyaeva I. A., Savenkova I. V. Sociological approach to gender relations in the management system. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Orenburg State University*, 2007, no. 5, pp. 4–10 (in Russian).
42. Geodakyan S. V. *Dva pola. Zachem i pochemu? Evolyutsionnaya teoriya pola* [Two sexes. Why? The evolutionary theory of sex]. Moscow, Samizdat Publ., 2011. 230 p.

УДК 316.6:159.923

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8)

Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход

Раиль М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: shamionov@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования социальной активности связана с необходимостью изучения ее психологических механизмов, благодаря которым происходят формирование поведенческих стратегий, реализация поступков и последовательного поведения в социальной среде. Цель исследования – в применении методологических положений системно-диахронического подхода к анализу социальной активности, ее механизмов и детерминант. Применение оригинального системно-диахронического подхода позволит раскрыть ее сложную внутреннюю организацию, разработать средства риск-менеджмента активности молодежи.

Теоретическое обоснование. Современные исследования социальной активности сосредоточены на анализе ее мотивации, содержания, факторов, уровней, социальных рисков. Социальная активность рассматривается с точки зрения социальных и личностных эффектов как способ социального участия и самореализации человека. Отмечается особый интерес исследователей к протестной и гражданской активности молодежи. На основе анализа различных источников сделан вывод о недостаточной разработанности в социальной психологии проблемы социальной активности, трудностях операционализации феноменов социальной активности личности и группы, о необходимости обобщения разрозненных данных о ее основаниях, побудителях, механизмах и общественных эффектах.

Результаты и их обсуждение. Предложено определение социальной активности как фундаментального эффекта социализации личности, заключающегося в способности инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду, предполагающего не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, реализацию инициативно-творческого отношения к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самой себе как субъекту социального бытия. Обсуждены особенности системно-диахронического подхода к анализу социальной активности. Система социальной активности рассмотрена как система со встроенным метасистемным уровнем социальной действительности. Отмечена нелинейная динамика социальной активности личности, обусловленная диахронией ее внутренних и внешних инстанций. Рассмотрены ее побудительные

и содержательные механизмы и факторы, дифференцированные в зависимости от этапа социализации личности, достижения социальной зрелости. Раскрыты важнейшие характеристики – личностные регуляторы социальной активности – инициатива, самостоятельность, ответственность, социальный интеллект.

Ключевые слова

личность, субъект, социальная активность, система, метасистема, диахрония, социализация, механизмы, факторы, молодежь

Основные положения

- ▶ на основе теоретического анализа выявлены существенные признаки социальной активности личности (инициативность, включенность, социально преобразующая направленность, самостоятельность и др.);
- ▶ установлена связь уровней социальной активности с социализацией личности;
- ▶ раскрыты особенности системно-диахронического подхода к анализу социальной активности личности (исследование динамики внутренних характеристик и факторов, их определяющих, качественных изменений в системе и ее эффектов).

Для цитирования

Шамионов Р. М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8

Материалы статьи получены 14.05.2018

UDC 316.6:159.923

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8)

Social Activity of Youth: A Systematic Diachronic Approach

Rail M. Shamionov

National Research Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

E-mail: shamionov@mail.ru

Abstract

Introduction. This paper concentrates on studying psychological mechanisms of social activity, which determine individuals' behavioral strategies, actions, and sequential behavior in the social environment. By applying a systematic diachronic approach, this study was undertaken to analyze social activity, its mechanisms, and determinants. The original systematic diachronic approach is capable of revealing the complex

internal organization of social activity and may help develop means for managing risks among youth.

Theoretical Basis. Current research on social activity is focused on its motivation, content, factors, levels, and social risks. Social activity is considered in terms of social and personal effects as a way of social participation and self-realization. Young people's protest and civil activities are of particular interest to researchers. A review of literature revealed that little emphasis has been placed on the issues of social activity and difficulties in operationalization of the phenomena of social activity among individuals and groups. Thus, disparate data on its foundations, driving forces, mechanisms, and public effects should be brought together.

Results and Discussion. Social activity is a fundamental effect of the socialization of individuals, which determines social subjects' initiative impact on the social environment, their participation in social life, and initiative and creative relation to all social spheres, as well as self-relation. The system of social activity is considered as a system containing a meta-system level of social reality. This study (a) discusses characteristics of the systematic diachronic approach to the analysis of social activity, (b) establishes a nonlinear dynamics of social activity of individuals which is caused by diachrony of its internal and external instances, (c) considers its incentive and structural mechanisms and factors, which are differentiated by the stage of individuals' socialization and their social maturity, and (d) reveals the most important personal characteristics that regulate social activity including initiative, independence, responsibility, and social intelligence.

Keywords

personality, subject, social activity, system, metasystem, diachrony, socialization, mechanisms, factors, youth

Highlights

- ▶ The review of the scientific literature revealed fundamental characteristics of individuals' social activity such as initiative, engagement, socio-transforming orientation, and independence.
- ▶ The relationship between socialization and the levels of social activity was discussed.
- ▶ The study describes the features of the systematic diachronic approach to the analysis of individuals' social activity including the dynamics of internal characteristics and their factors, qualitative changes in the system, and its effects.

For citation

Shamionov R. M. Social Activity of Youth: A Systematic Diachronic Approach. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 166–188 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8

Original manuscript received 14.05.2018

Введение

Социальные процессы, происходящие в современном мире, в значительной степени отражаются на характере социальной активности молодежи и в немалой степени обусловлены ею. Они побуждают социальную активность молодежи в различных ее ипостасях, расширяют возможности ее приложения и обуславливают инициирование новых ее видов. С другой стороны, потенциал социальной активности молодежи необходим для инновационных общественных и экономических изменений. Между тем, в социальной психологии, несмотря на то, что анализ социальной активности личности ведется со времен разработки концепции героя и толпы Н. К. Михайловского [1] и социального поведения У. Мак-Даугалла [2], имеется недостаток научных знаний о генезе, побудительных ее механизмах и детерминантах. Таким образом, разработка проблемы социальной активности характеризуется социальной и научно-практической значимостью.

Теоретическое обоснование

Важнейшим признаком социальной активности является включенность личности и групп в социальное взаимодействие [3, 4, 5, 6] и социально-одобряемую деятельность [6, 7].

Исследования социальной активности молодежи в последние десятилетия сосредоточены вокруг проблемы ее определения и операционализации [4], установления уровней [7, 8], форм [4], рисков [4, 5], адаптации в социальном пространстве [9], мотивационных механизмов [9, 10], интеграции исследований [11]. Множество исследований охватывают конкретные формы или проявления социальной активности, анализируя их частоту, востребованность и значимость для общества. Так, изучаются: социальная активность молодежных объединений [12]; социальная активность в связи с гражданскими инициативами [13, 14]; уровни социальной активности в социально-преобразующей деятельности [8], как элемент социального самоопределения [15], в контексте гражданской идентичности [16]; альтруистическая социальная активность [17]; трансформация политических обсуждений в политические действия и политическую активность [18, 19]; влияние добровольчества молодежи в политической агитации на их политическую осведомленность [20]; гражданская активность во взаимосвязи с характеристиками неравенства [21].

Поскольку в значительной степени отмечаются рост политической активности молодежи и ее омоложение (если в 2012 г. протестная активность рассматривалась исследователями как наименее значимая для молодежи [22], то в последнее время наблюдается явный рост политической активности молодежи вообще и протестной, в частности [23]), ее исследования заметно

активизировались. Так, подобная активность рассматривается сквозь призму инновационного развития общества как необходимая его составляющая [24], механизмов продвижения политической активности молодежи [25], влияния СМИ на общественно-политическую деятельность молодежи [26], влияния молодежных общественных объединений на будущую политическую деятельность (на основе лонгитюдного исследования) [27].

Ряд работ посвящен анализу социально-психологических детерминант социальной активности. В частности, проведены исследования отношения к социальной активности во взаимосвязи с субъектными характеристиками, адаптации личности [9] в зависимости от вида реализуемой активности, через организованную социальную активность [28], социально-демографические детерминанты социальной активности [20], факторов социальной апатии и отказа от традиционных форм политической активности [29], социального доверия молодежи как фактора социальной активности [30].

Особой сферой социальной активности в последние десятилетия становится виртуальная среда. М. Д. Завгородний, анализируя социальную активность молодежи в сети Интернет, приходит к выводу о наиболее высокой распространенности социально-преобразующей деятельности индивидов в рамках одной или нескольких сфер, в первую очередь, познавательно-творческой, общественной и политической [31]. Между тем, интерес исследователей к данным формам активности в последние годы заметно усилился, что связано с ростом сетевого взаимодействия молодежи [32, 33, 34, 35, 36]. Особый интерес связан с политической активностью в интернет-сообществах и влиянием на политическую активность молодежи в них [37, 38], в том числе с прямым влиянием через сетевые сообщества на реализуемое протестное поведение [39], а также влиянием онлайн-активности, основанной на дружбе и интересах, на политику участия в Интернете и на автономные формы политических действий [25]. Установлено также, что использование социальных сетей молодежью может способствовать более активному политическому и гражданскому участию [40].

В ряде исследований отмечается значимость анализа самоопределения [41], преобразовательной активности [42], экзистенциального опыта [43] в различных ипостасях социальной активности молодежи.

Наконец, предложены социальные технологии управления социальной активностью [28, 44], связанные с раскрытием социального потенциала молодежи и его активизацией, поддержкой социальных инициатив молодых людей.

Необходимо отметить и то, что проблема социальной активности молодежи в настоящее время широко обсуждается на научных форумах, представлена во множестве публикаций. По нашим подсчетам, по базе РИНЦ таковых только за последние два года насчитывается более тысячи.

В результате анализа исследований социальной активности молодежи, проведенных в России и за рубежом, мы пришли к выводу об усиленном интересе к вопросу о приложении социальной активности к гражданско-правовой сфере и связанной с ней сфере политической активности. Это касается и организованной социальной активности, и неорганизованной в условиях выхода социальной активности в виртуальную среду. Тем не менее, как в отечественной, так и в зарубежной психологии важное место отводится альтруистической активности личности и групп; значительно меньше уделяется внимание досуговой активности, социально-экономической, образовательной-развивающей и духовной активности.

Социальная активность понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, реализацию инициативно-творческого отношения к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самой себе как субъекту социального бытия.

Социальная активность личности является закономерным эффектом социализации. Это активность, направленная на изменение и преобразование социальных объектов, в результате которой происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации. Она порождается в результате обретения человеком тех свойств субъекта и личности, которые предопределены его включением в деятельность социальных групп, в социальную активность Других, где происходит усвоение норм, ценностей и установок, очерчивающих границы возможной активности, ее направления. В этом смысле источником социальной активности личности являются совокупный социальный опыт предшествующих поколений и социальные потребности индивида. Личностное отношение к социальной активности предполагает установление ее соответствия актуальным потребностям индивида, ценностно-нормативным и смысловым представлениям личности, наконец, устойчивым социально-психологическим и психодинамическим свойствам личности. Вполне очевидно то, что от субъектной позиции личности зависит степень инициативы в социальной активности, а ее направления – от представлений личности о границах собственной активности, отношения к ней.

Несмотря на значительный интерес к проблеме социальной активности, в науке имеется существенный недостаток теоретических концепций социальной активности, отсутствие теоретических обобщений, операционализации феноменов социальной активности личности и группы, комплексных исследований ее детерминант. На наш взгляд, одним из наиболее продуктивных для анализа социальной активности личности может служить разработанный нами ранее и примененный для исследования социализации

личности системно-диахронический подход [45]. **Цель данного исследования** заключается в обсуждении особенностей системно-диахронического подхода к изучению социальной активности личности, ее механизмов и детерминант.

Результаты и их обсуждение

Системно-диахронический подход к социальной активности опирается на положения комплексного, системного, метасистемного, субъектно-бытийного подходов и методологический принцип диахронии [46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56].

Использование системно-диахронического подхода к социальной активности личности предполагает раскрытие системно-структурных особенностей данного объекта и его динамических характеристик, включая множественные изменения его составляющих. Поэтому одним из центральных вопросов здесь становится вопрос о внутренних движениях, нарушающих баланс системы и служащих основой активности личности. Социально-психологический анализ этих изменений, как показано нами ранее [56], позволяет определить наиболее значимые, с точки зрения социальной активности, движения системы – не просто анализ определенных социально-психологических характеристик, а изучение их конфигурации, соотношений, выдвигания одних (роста, стабилизации) и регрессивных изменений (спада) других.

В соответствии с системно-диахроническим подходом социальная активность личности представляет собой систему со сменными основаниями. Смена оснований связана как с этапом социализации и соответствующими ему достижениями в усвоении социальных норм, ценностей, установок и моделей поведения, так и достижением личностной зрелости индивида. Поэтому в различных условиях социального бытия и на разных этапах социализации возможны принципиальные различия социальной активности по ее направленности и по глубине и критериям субъектной позиции – ответственности-самостоятельности. Кроме того, в соответствии с ним же возможны переходы социальной активности из одной сферы направленности в другую, из одного сообщества в другое, сферы виртуальной реальности в физическую, и наоборот.

Необходимо отметить, что в соответствии с принципом диахронии динамика событий или явлений рассматриваются сквозь призму последовательности, скорости изменений, темпоритмических характеристик [54, 56, 57, 58]. Это не только *разно-временность*, но и *со-временность* изменений разных характеристик личности, группы, социума. Иначе говоря, явления рассматриваются сквозь призму происходящих в них изменений во времени, которые могут приобретать разнонаправленность (диахрония) или однонаправленность (синхрония). Для предмета нашего обсуждения этот

принцип является ведущим, поскольку современные социальные процессы характеризуются неопределенностью, частотой смены прогресса и регресса, обнаруживающейся временной дифференциацией изменений в различных сферах, что неминуемо отражается на личности и сообществах.

Принцип диахронии в психологических исследованиях рассматривается в контексте развития [54, 59], социализации [45], адаптации [57] личности. Применительно к социальной активности реализация этого принципа связана с анализом, во-первых, временного аспекта социальной активности, включая ее хронологию, согласованность/несогласованность внешним и внутренним инстанциям личности, что отражается на удовлетворенности/неудовлетворенности собой, своей активностью и ситуацией, и, во-вторых, временных согласований/рассогласований личности и среды реализации активности. Очевидно, «попадание» в различные темпоритмические фазы создает очаг напряженности, который является движущей силой активности. Поэтому неслучайно, например, неудовлетворенность собой выступает в качестве побудительного механизма усвоения новых норм и моделей социального поведения, либо выполнения действий, направленных на достижения определенного социального статуса, в целом, социальной самореализации личности и т. п. Отметим также и то, что в соответствии с системно-диахроническим подходом социальная активность личности рассматривается как производная от личностных эффектов социализации и социального взаимодействия личности. Поэтому социальная активность должна рассматриваться как система со встроенным метасистемным уровнем социальной действительности. В соответствии с метасистемным подходом [49], социальная действительность для личности конвергируется на двух основных уровнях – социального микро- и макро-окружения, поскольку социум «...воспроизводит себя в содержании структуры личности; он “встраивается” в ее содержание и структурно-функциональную организацию и даже во многом образует ее» [49, с. 289]. Иначе говоря, одной из важнейших задач в исследовании социальной активности личности становится задача определения этого «метасистемного согласования», выявления базовых условий социальной активности личности на уровне «заложенных» социальных форм, имеющих часто скрытый характер, а также актуальных на уровне существующих связей с конкретными социальными группами.

Нелинейность социальных изменений обладает дестабилизирующим личность и группу началом, порой разрушая эффективные и привычные механизмы адаптации. Нелинейность социальных изменений, диахронность социальных явлений, касаются они наиболее значимых для молодежи сфер или нет, вводит в систему взаимодействий «личность – среда», «группа – социальная среда» опосредующую переменную – адаптационную готовность. Это связано с тем, что дестабилизация в системе вынуждает социального субъекта

предпринять меры для восстановления динамического равновесия. Поэтому известная адаптационная готовность служит своего рода амортизатором, облегчающим адаптацию, и если не устраняющим, то хотя бы облегчающим влияние резких внешних изменений или дестабилизации ситуации (как, например, происходит в условиях различных политических, экономических или социальных кризисов).

Необходимо также отметить и то, что реализация социальной активности может характеризовать определенные регрессивные изменения личности. В частности, приобретение определенной направленностью личности качеств доминирующей может привести к стагнации или регрессу других. Такая диахрония является внутренней и побуждает личность к уравниванию ее инстанций, что отражается на ее активности. Таким образом, принцип диахронии может быть применен как к анализу внутренних (инстанционных) отношений, так и отношений в системе «личность – среда», т. е. распространяться на встроенный метасистемный уровень социальной реальности. Именно последнее позволяет объяснить стабильность/нестабильность социальной активности личности, включение в различные сообщества, реализующие ее в определенных условиях и в отдельные эпохи (например, на уровне так называемых субкультур), изменения качества социальной активности личности в результате ее собственного развития и социализации, наконец, отказ от социальной активности в условиях масштабных регрессивных изменений личности, либо социума, наконец, соотношений ее детерминант.

Анализ психологической картины социальной активности личности предполагает выяснение также ряда ключевых вопросов: источников активности, ее побудительных механизмов, видов или форм активности, уровней активности, области активности, критериев оценки, наконец, детерминант.

Социальная активность личности возникает в результате взаимодействия личности с социальной средой. Поэтому целесообразно говорить о *разных уровнях* активности на разных этапах социализации личности. В соответствии с результатами наших исследований в процессе социализации расширяется и область приложения социальной активности личности, и пространство активности, а также ее последствия для личности и социальной среды. Поэтому необходимо рассматривать не только уровни по широте/узости охвата (приложений) активности (микро-, мезо-, макроуровни), но и по включению в социум – индивидуальную социальную активность, групповую и массовую. Эти уровни можно рассматривать как с точки зрения ее социальных эффектов, так и продуктивности для личности и групп. Иерархизация уровней социальной активности является важным достижением социализации, поскольку позволяет соотносить их по степени значимости, приемлемости. Кроме того, возникает возможность практически одновременной фиксации нескольких

видов социальной активности и самореализации в них, благодаря расширению бытийных пространств (по З. И. Рябикиной) личности.

Важнейшими социально-психологическими характеристиками социальной активности являются инициатива [6], общая самостоятельность [60], ответственность [6, 61], социальное мышление и интеллект [6, 62], доверие [6]. **Инициативность** является ведущей характеристикой социальной активности. По мысли К. А. Абульхановой, она предполагает «опережающую внешние требования или встречающую по отношению к ним свободную активность субъекта» [6, с. 57]. Ее появление связано с условиями социализации личности, подкреплением на разных уровнях – микро- и макроуровнем взаимодействия с Другими.

Необходимо отметить и то, что **соотношение социальной активности и ответственности** за ее последствия является критерием ее (активности) зрелости и, очевидно, критерием личностной зрелости. Данный вопрос не является праздным в силу распространенной рассогласованности в этой системе, заключающейся в том, что отказ от ответственности либо ее неприятие в социальной активности часто приводит к ситуации ее противопоставления социальным нормам, либо даже правовым нормам. В соответствии с системно-диахроническим подходом такое рассогласование относится к числу тех, которые разрушают систему взаимодействия личности и общества, создавая высокий уровень риска для существования той или иной инстанции вообще. Соотношение **самостоятельности и социальной активности** обусловлено субъектной позицией личности: в случае опоры на собственное мнение, суждения, качества, либо на чужие, социальная активность характеризуется как автономная или зависимая, т. е. реализуемая в канве активности других. Очевидно, и ответственность в этом случае чаще возлагается на внешние обстоятельства или других лиц. Иначе говоря, социальная активность может быть как инициативной, автономно управляемой, так и зависимой, реализующейся в русле активности других людей, организуемой и управляемой другими.

Способность понимать других людей, взаимоотношения с ними, в целом, социальные ситуации, связаны с такой характеристикой, как **социальный интеллект**. Эффективность форм взаимодействия личности с социальными субъектами связана именно с социальным мышлением. Однако, как было показано нами ранее, оно в значительной мере подвержено влиянию со стороны личностных характеристик индивида, которые могут блокировать его, порождая неконгруэнтность поведения [4]. По утверждению Д. В. Ушакова, социальный интеллект позволяет, оценив ситуацию и участвующих в ней людей, более адекватно выстраивать стратегию поведения [62]. Очевидно, социальный интеллект позволяет более критично относиться к различным формам социальной активности и понимать мотивацию участвующих в ней людей.

Таким образом, инициативность, самостоятельность, ответственность, доверие и социальный интеллект являются *не просто социально-психологическими характеристиками, но личностными регуляторными инстанциями* социальной активности, *обуславливая степень субъектной регуляции* активности – ее интенсивность, мотивированность, рефлексивность, контролируемость, понимание – важнейших ее системных характеристик.

Механизмы социальной активности личности и группы, на наш взгляд, необходимо рассматривать сквозь призму не операциональной их стороны, а побудительной. Одним из главных их признаков является преобразование интереса, ценности, цели в действие, деятельность. Однако в случае социальной активности в эту связь вклинивается социальный процесс, который не просто порождает или добавляет новые потребности, ценности и смыслы, но и придает особую динамику в реализацию социальной активности. Побудительным механизмом социальной активности являются *диахронические изменения в системе «личность – социальная среда»*. На ранних этапах социализации действие этого механизма связано с противоречием между зарождающимися социальными потребностями, либо их сменой на потребности более высокого уровня и «притормаживающего» ее влияния социальной среды. На более поздних этапах данный механизм срабатывает в виде рассогласованности когнитивного развития личности, стремления к обособлению от прежних условий реализации социальной активности для их обновления в виду расширения возможностей для этого и, соответственно, проб себя в различных видах активности и снижения уровня связи с первичной группой. В результате сепарирования с прежними условиями реализации активности (в том числе с первичной группой) происходит относительно безбарьерное включение в различные формы социальной активности, в том числе и рискованные.

Необходимо также отметить и то, что если на ранних этапах социализации социальная активность обусловлена психофизиологическими и зарождающимися социально-психологическими характеристиками личности, то на более поздних этапах – социально-психологическими и этико-психологическими. Это связано с тем, что на каждом этапе социализации социальная активность обусловлена разными характеристиками личности и социальной среды – не только собственными диспозиционными образованиями, репрезентированными социальными установками, представлениями и ценностями, но и меняющимся отношением к человеку извне на основе его социально-возрастного статуса личности, обретения им атрибутов гражданственности, а также принадлежности к различным групповым образованиям и других характеристик.

В целом, как было показано нами ранее [4], *социальная активность определяется как внешними* (общая социальная ситуация, возможности реализации активности, плюрализм и толерантность к инакомыслию, межгрупповая

толерантность, принятие «иных», терпимое отношение к социальным аутсайдерам в обществе и т. п.), *так и внутренними* (жизненная позиция, социальные представления личности, отношения, диспозиции, социальный интерес, свойства, феномены самоопределения и пр.) *факторами*.

Заключение

Таким образом, анализ социальной активности личности и группы с позиций системно-диахронического подхода предполагает выявление разнонаправленной и синхронной динамики отдельных характеристик в системах «личность – социальная среда», «группа – социальная среда», а также качественных изменений в этих системах в виде сменности оснований, условий, детерминант (внутренних и внешних), достигаемых эффектов социальной активности, обратной связи и т. д. Поэтому оценка социальной активности личности и группы должна предполагать, по крайней мере, два рода эффектов: постепенно накапливаемые, меняющиеся линейно вне зависимости от смены вида активности, знаменующие эволюционный опыт социальной активности, который становится индивидуальным достижением в социализации личности, и характеризующиеся сменой в зависимости от конкретного вида социальной активности, где прежняя активность становится основанием для новой.

Исследования динамических характеристик, механизмов и детерминант социальной активности личности позволят раскрыть психологическую картину этого явления, объяснить ее происхождение и функционирование. Важнейшим обстоятельством является то, что социальная активность обусловлена не одним единственным механизмом: имеется ряд психологических механизмов, среди которых, очевидно, наиболее важным является диахроническое рассогласование в системе «личность – среда (микро- и макроокружение)» на различных уровнях взаимодействия. Исследования отечественных и зарубежных авторов убеждают в том, что социальная активность личности связана не только с собственно личностной регуляцией, но множественной внешне социальной, где реализуются различные взаимодействия личности (включая деперсонализированные события, информацию, ситуацию). Поэтому необходимы не просто сравнительные исследования характеристик личности, реализующей ту или иную форму активности, но исследования, позволяющие выяснить причинно-следственные связи, приводящие к пониманию как причин активности, так и ее последствий для личности, ее окружения, общества в целом. Такое знание позволит решить задачу реализации программ риск-менеджмента социальной активности молодежи, а также оказать существенную помощь в социализации личности, в достижении ее фундаментальных эффектов, отражающихся не только на индивидуальной судьбе человека, но и судьбе всего общества.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00298.

Acknowledgments

This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (18-18-00298).

Литература

1. Михайловский Н. К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии: В 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. 406 с.
2. Мак-Даугал У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 2016. 282 с.
3. Григорьева М. В. Синергетичность школьных интеракций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, № 2. С. 68–73.
4. Шамяионов Р. М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.
5. Шамяионов Р. М., Григорьева М. В. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 384 с.
6. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): избр. психол. тр. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
7. Соколова Е. С. Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (дата обращения: 08.04.2018)
8. Еремина Л. И. Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 2. С. 155–159.
9. Григорьев А. В. Личностные качества и характеристики отношений к активности как предикторы социально-психологической адаптации личности в зависимости от направлений реализуемой активности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 630. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14546> (дата обращения: 08.04.2018).
10. Заболоцкий В. А. О механизмах мотивации влияющих на социальную активность студентов // Казанская наука. 2015. № 6. С. 202–204.
11. Балабанова Е. С. Развитие представлений о социальной активности молодежи в отечественных социально-психологических исследова-

- ниях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 1 (81). С. 48–54.
12. Юношева М. А. Социальная активность молодежных общественных объединений в системе принятия социально значимых решений // В мире научных открытий. 2010. № 4–2. С. 46–48.
13. Попов Е. А., Максимова С. Г. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С. 17–22.
14. Максимова С. Г. Гражданское сознание, гражданские инициативы и социальная активность населения как основы формирования гражданского общества в современной России // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1. С. 116–131.
15. Акбарова А. А. Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 1. С. 41–45.
16. Фомин А. А., Симанина А. И. Социальная активность, гражданская идентичность и личностная зрелость как проявления гражданского мировосприятия молодежи // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 3. С. 123–135.
17. Мустафина Д. Б. Формирование активной социальной позиции молодежи через волонтерскую деятельность как одного из видов социальной активности // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 6–2. С. 34–36.
18. Russo S., Amna E. When political talk translates into political action: The role of personality traits // Personality and individual differences. 2016. Vol. 100. P. 126–130. DOI: [10.1016/j.paid.2015.12.009](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.009)
19. Reichert F., Print M. Mediated and moderated effects of political communication on civic participation // Information Communication & Society. 2017. Vol. 20, Issue 8. P. 1162–1184. DOI: [10.1080/1369118X.2016.1218524](https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1218524)
20. Roker D., Player K., & Coleman J. Young People's Voluntary and Campaigning Activities as Sources of Political Education // Oxford Review of Education. 1999. Vol. 25, Issue 1–2. P. 185–198. DOI: [10.1080/030549899104206](https://doi.org/10.1080/030549899104206)
21. Gaby S. The Civic Engagement Gap(s): Youth Participation and Inequality From 1976 to 2009 // Youth & Society. 2017. Vol. 49, Issue 7. P. 923–946. DOI: [10.1177/0044118X16678155](https://doi.org/10.1177/0044118X16678155)
22. Исаева С. С., Никулина Е. Ю., Радченко Т. Е. Социальная активность молодежи как фактор развития современной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика.

- Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 1–2. С. 212–213.
23. Родимушкина О. В., Черникова И. А., Яковлев О. В. Социальная напряженность и протестная активность в России // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 300–304.
24. Гайфуллин А. Ю., Рыбалко Н. В. Социальная активность молодежи: оценка и пути повышения // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 4. С. 1392–1396.
25. Kahne J. & Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. 2018. Vol. 35, Issue 3. P. 470–493. DOI: [10.1080/10584609.2018.1426662](https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662)
26. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M. A., Ahmad M. K., Aboo Talib Khalid K., Abdull Rahman N. L., Ahmad N. S. Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. P. 1–19.
27. McFarland D. A., Thomas R. J. Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. P. 401–425.
28. Oosterhoff B., Ferris K. A., Metzger A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // Youth & Society. 2017. Vol. 49, Issue 7. P. 947–967. DOI: [10.1177/0044118X14560528](https://doi.org/10.1177/0044118X14560528)
29. Zani B. & Barrett M. Engaged citizens? Political participation and social engagement among youth, women, minorities, and migrants // Human Affairs. 2012. Vol. 22, Issue 3. P. 273–282. DOI: [10.2478/s13374-012-0023-2](https://doi.org/10.2478/s13374-012-0023-2)
30. Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity of Youth in Social and Cultural Measurement // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 140. P. 109–114. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.04.394](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.394)
31. Завгородний М. Д. Социальная активность в сети интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 2. С. 49–55.
32. Рябикина З. И., Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей интернета с особенностями их активности в сети // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 1041–1057.
33. Пилишвили Т. С., Минаева А. Ю. Активность личности в социальных сетях и становление субъектности в информационном мире // Акмеология. 2016. № 1 (57). С. 84–88.

34. *Зинчак Е. В., Сахаров А. С.* Исследование зависимости между активностью соискателей в социальных сетях и их трудоустройством и карьерным ростом // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12–3 (53–3). С. 457–463.
35. *Белинская Е. П., Франтова Д. К.* Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 3 (9). С. 28–43.
36. *Митичева Т. И., Маслова В. С.* Проблема активности молодежи в социальных сообществах интернет-сети // Альманах современной науки и образования. 2015. № 5 (95). С. 126–128.
37. *Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C. T., Ellison N., Lampe C.* It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2011. Vol. 14 (3). DOI: [10.1089/cyber.2009.0226](https://doi.org/10.1089/cyber.2009.0226)
38. *Jost J. T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J. A.* How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39 (1). P. 85–118.
39. *Ogan C., Varol O.* What is gained and what is left to be done when content analysis is added to network analysis in the study of a social movement: Twitter use during Gezi Park // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20, Issue 8. P. 1220–1238. DOI: [10.1080/1369118X.2016.1229006](https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1229006)
40. *Chan M., & Guo J.* The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16 (6). DOI: [10.1089/cyber.2012.0468](https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468)
41. *Купрейченко А. Б., Мусеев А. С.* Социальное самоопределение российского городского среднего класса // Ученые записки ИМЭИ. 2011. № 2 (2). С. 71–84.
42. *Лабунская В. А., Наровская Я. Б.* Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. 2006. № 4. С. 96–104.
43. *Толстенёва У. Л.* Экзистенциальный опыт и социальная активность личности // Психология и психотехника. 2016. № 7. С. 614–621.
44. *Щемелева И. И.* Социальные технологии управления социальной активностью студенческой молодежи // Вопросы управления. 2016. № 4 (22). С. 86–92.
45. *Шамионов Р. М.* Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6, № 27. С. 8.

46. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
47. *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. 424 с.
48. *Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.
49. *Карпов А. В.* Психология деятельности: В 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. М.: Изд-во РАО, 2015. 546 с.
50. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2010. С. 130–157.
51. *Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 5–18.
52. *Знаков В. В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 2. С. 29–38.
53. *Знаков В. В.* Понимание субъектом трех реальностей человеческого бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, № 4. С. 311–316.
54. *Анцыферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 3–20.
55. *Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 21–34.
56. *Шамионов Р. М.* Принцип диахронии в исследовании социализации личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, № 1. С. 79–84.
57. *Григорьева М. В.* Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, № 1. С. 54–58.
58. *Крюков В. В.* Диахронический анализ реальности // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 2. С. 23–43.
59. *Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.04.2018).
60. *Прыгин Г. С.* Психология самостоятельности. Ижевск, Наб. Челны: Изд-во Института управления, 2009. 304 с.
61. *Rotter J. B.* Some comments on the “Cognates of personal control” // Applied & Preventive Psychology. 1992. № 1. P. 127–129. DOI: [10.1016/S0962-1849\(05\)80154-4](https://doi.org/10.1016/S0962-1849(05)80154-4)

62. Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люпина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 11–28.

References

1. Mikhailovskii N. K. Heroes and crowd. In: *Izbr. trudy po sotsiologii* [Collected works on sociology]. St. Petersburg, Alethea Publ., V. 2, 1998. 406 p.
2. McDougall W. *Osnovnye problemy sotsial'noi psikhologii* [The main problems of social psychology]. Moscow, Kosmos Publ., 2016. 282 p.
3. Grigor'eva M. V. Synergy of school interactions. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, V. 9, no. 2, pp. 68–73 (in Russian).
4. Shamionov R. M. Psychological characteristics of personal social activity. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2012, no. 3, pp. 145–154 (in Russian).
5. Shamionov R. M., Grigor'eva M. V. *Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi: problemy i riski* [Psychology of social activity of youth: Problems and risks]. Saratov, Saratov University Publ., 2012. 384 p.
6. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti)* [Psychology and consciousness of personality: Problems of methodology, theory, and research of real personality]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh, Modek Publ., 1999. 224 p.
7. Sokolova E. S. Structural approach to understanding the motivation for social activity of young people. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no. 2. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (Accessed 08 April 2018).
8. Eremina L. I. Correlation of creativity and social activity of students in the socio-reformative activity. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, V. 4, no. 2, pp. 155–159 (in Russian).
9. Grigor'ev A. V. Personal traits and characteristics of attitudes towards activity as predictors of personal socio-psychological adaptation depending on the directions of the realized activity. *Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 5. p. 630. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14546> (Accessed 08 April 2018).
10. Zabolotskii V. A. Mechanisms of motivation affecting students' social activity. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2015, no. 6, pp. 202–204 (in Russian).
11. Balabanova E. S. Development of ideas on social activity among young people in Russian socio-psychological research. *Chelovecheskii faktor:*

- problemy psikhologii i ergonomiki – Human Factors: Problems of Psychology and Ergonomics*, 2017, no. 1 (81), pp. 48–54 (in Russian).
12. Yunosheva M. A. Social activity of youth public associations in the system making socially significant decisions. *V mire nauchnykh otkrytii – In the World of Scientific Discoveries*, 2010, no. 4–2, pp. 46–48 (in Russian).
  13. Popov E. A., Maksimova S. G. Social activity of population and public civil initiatives. *Politika i obshchestvo – Politics and Society*, 2012, no. 7, pp. 17–22 (in Russian).
  14. Maksimova S. G. Civic consciousness, civic initiatives, and social participation as a basis for the formation of civil society in modern Russia. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of Perm State University of Pedagogical Sciences and Humanities. Series 3: Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 1, pp. 116–131 (in Russian).
  15. Akbarova A. A. Social activity as an element of social self-determination of youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, V. 4, no. 1, pp. 41–45 (in Russian).
  16. Fomin A. A., Simanina A. I. Social engagement, civic identity and personal maturity as a manifestation of civic attitude of youth. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya – Actual Problems of Psychological Knowledge*, 2015, no. 3, pp. 123–135 (in Russian).
  17. Mustafina D. B. Formation of active social position of youth through volunteer activity as a type of social activity. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya – New Science: Strategies and Vectors of Development*, 2015, no. 6–2, pp. 34–36 (in Russian).
  18. Russo S., Amna E. When political talk translates into political action: The role of personality traits. *Personality and Individual Differences*, 2016, V. 100, pp. 126–130. DOI: [10.1016/j.paid.2015.12.009](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.009)
  19. Reichert F., Print M. Mediated and moderated effects of political communication on civic participation. *Information Communication & Society*, 2017, V. 20, Issue 8, pp. 1162–1184. DOI: [10.1080/1369118X.2016.1218524](https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1218524)
  20. Roker D., Player K., & Coleman J. Young people's voluntary and campaigning activities as sources of political education. *Oxford Review of Education*, 1999, V. 25, Issue 1–2, pp. 185–198. DOI: [10.1080/030549899104206](https://doi.org/10.1080/030549899104206)
  21. Gaby S. The civic engagement gap(s): Youth participation and inequality from 1976 to 2009. *Youth & Society*, 2017, V. 49, Issue 7, pp. 923–946. DOI: [10.1177/0044118X16678155](https://doi.org/10.1177/0044118X16678155)
  22. Isaeva S. S., Nikulina E. Yu., Radchenko T. E. Social activity of youth as a factor of the development of modern Russia. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo*

- universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika – Vestnik Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Juvenology. Sociokinetics*, 2012, V. 18, no. 1–2, pp. 212–213 (in Russian).
23. Rodimushkina O. V., Chernikova I. A., Yakovlev O. V. Social tensions and protest potential in the Russian Federation. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*, 2015, no. 1 (51), pp. 300–304 (in Russian).
24. Gaifullin A. Yu., Rybalko N. V. Social activity of youth: the evaluation and ways to improve. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2011, V. 16, no. 4, pp. 1392–1396 (in Russian).
25. Kahne J. & Bowyer B. The political significance of social media activity and social networks. *Political Communication*, 2018, V. 35, Issue 3, pp. 470–493. DOI: [10.1080/10584609.2018.1426662](https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662)
26. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M. A., Ahmad M. K., Aboo Talib Khalid K., Abdull Rahman N. L., Ahmad N. S. Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017, V. 25, pp. 1–19.
27. McFarland D. A., Thomas R. J. Bowling young: How youth voluntary associations influence adult political participation. *American Sociological Review*, 2006, V. 71, pp. 401–425.
28. Oosterhoff B., Ferris K. A., Metzger A. Adolescents' sociopolitical values in the context of organized activity involvement. *Youth & Society*, 2017, V. 49, Issue 7, pp. 947–967. DOI: [10.1177/0044118X14560528](https://doi.org/10.1177/0044118X14560528)
29. Zani B. & Barrett M. Engaged citizens? Political participation and social engagement among youth, women, minorities, and migrants. *Human Affairs*, 2012, V. 22, Issue 3, pp. 273–282. DOI: [10.2478/s13374-012-0023-2](https://doi.org/10.2478/s13374-012-0023-2)
30. Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social activity of youth in social and cultural measurement. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, V. 140, pp. 109–114. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.04.394](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.394)
31. Zavgorodnii M. D. Social activity on the Internet. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2012, no. 2, pp. 49–55 (in Russian).
32. Ryabikina Z. I., Bogomolova E. I. Interrelations between personal characteristics of users of the Internet social networks and features of their activity in a network. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 2015, no. 109, pp. 1041–1057.
33. Pilishvili T. S., Minaeva A. Yu. Social networking activity of personality and subjectivity formation in the information world. *Akmeologiya – Acmeology*, 2016, no. 1 (57), pp. 84–88 (in Russian).

34. Zinchak E. V., Sakharov A. S. Studying the relationship between the activity of applicants in social networks and their employment and career growth. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economics and Entrepreneurship*, 2014, no. 12–3 (53–3), pp. 457–463 (in Russian).
35. Belinskaya E. P., Frantova D. K. Activity in the virtual interaction as a factor of identity construction by social networks users: intergenerational differences. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie – Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy*, 2017, no. 3 (9), pp. 28–43 (in Russian).
36. Miticheva T. I., Maslova V. S. Problem of youth's activity in social communities of internet network. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2015, no. 5 (95), pp. 126–128 (in Russian).
37. Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C. T., Ellison N., Lampe C. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 Election. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2011, V. 14 (3). DOI: [10.1089/cyber.2009.0226](https://doi.org/10.1089/cyber.2009.0226)
38. Jost J. T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J. A. How social media facilitates political protest: information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 2018, V. 39 (1), pp. 85–118.
39. Ogan C., Varol O. What is gained and what is left to be done when content analysis is added to network analysis in the study of a social movement: Twitter use during Gezi Park. *Information, Communication & Society*, 2017, V. 20, Issue 8, pp. 1220–1238. DOI: [10.1080/1369118X.2016.1229006](https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1229006)
40. Chan M., & Guo J. The role of political efficacy on the relationship between Facebook use and participatory behaviors: A comparative study of young American and Chinese adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2013, V. 16 (6). DOI: [10.1089/cyber.2012.0468](https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468)
41. Kupreichenko A. B., Moiseev A. S. Social self-determination of the Russian urban middle class. *Uchenye zapiski IMEI – Proceedings of the Institute of the World Economy and Informatization*, 2011, no. 2 (2), pp. 71–84 (in Russian).
42. Labunskaya V. A., Narovskaya Ya. B. Types of transformation of the appearance as a reflection of the focus of transforming activity of a subject in social communication. *Mir psikhologii – The World of Psychology*, 2006, no. 4, pp. 96–104 (in Russian).
43. Tolsteneva U. L. Existential experience and social activity of personality. *Psikhologiya i psikhotehnika – Psychology and Psychotechnics*, 2016, no. 7, pp. 614–621 (in Russian).
44. Shchemeleva I. I. Social technologies for managing students' social activity. *Voprosy upravleniya – Management Issues*, 2016, no. 4 (22), pp. 86–92 (in Russian).

45. Shamionov R. M. Socialization of personality: A systematic diachronic approach. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2013, V. 6, no. 27, p. 8 (in Russian).
46. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p.
47. Lomov B. F. *Sistemnost' v psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Consistency in psychology: Selected psychological works]. Moscow, Moscow Institute of Psychology and Sociology Publ., 2003. 424 p.
48. Mesarovic M., Macko D., Takahara I. *Teoriya ierarkhicheskikh mnogourovnevnykh sistem* [Theory of hierarchical, multilevel, systems]. Moscow, Mir Publ., 1973. 344 p.
49. Karpov A. V. Metasystem approach. In: *Psikhologiya deyatel'nosti* [Psychology of activity: in 5 volumes]. Moscow, RAE Publ., 2015, V. 1. 546 p.
50. Ryabikina Z. I. The subjective-existential approach to the person and the analysis of his/her co-existence with others. In: V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko (eds.) *Psikhologiya sub"ekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Human psychology and psychology of human existence]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2010, pp. 130–157.
51. Sergienko E. A. Implementation of the principle of development in human psychology studies. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2017, V. 38, no. 2, pp. 5–18 (in Russian).
52. Znakov V. V. Theoretical foundations of the psychology of human existence. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, V. 34, no. 2, pp. 29–38 (in Russian).
53. Znakov V. V. Subjective understanding of three realities of human existence. *Izvestiya of Saratov University. New series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, V. 3, no. 4, pp. 311–316 (in Russian).
54. Antsyferova L. I. Methodological problems of developmental psychology. *Printsip razvitiya v psikhologii – The Principle of Development in Psychology*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 3–20 (in Russian).
55. Aseev V. G. On the dual structure determination of mental processes. *Printsip razvitiya v psikhologii – The Principle of Development in Psychology*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 21–34 (in Russian).
56. Shamionov R. M. Principle of diachrony in the study of socialization of personality. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, V. 13, no. 1, pp. 79–84 (in Russian).
57. Grigor'eva M. V. Diachronic approach to the study of the processes of socio-psychological adaptation of personality. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, V. 13, no. 1, pp. 54–58 (in Russian).

58. Kryukov V. V. Diachronic analysis of reality. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2011, V. 1, no. 2, pp. 23–43.
59. Sergienko E. A. Principles of developmental psychology: A modern view. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2012, V. 5, no. 24, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 05 April 2018).
60. Prygin G. S. *Psikhologiya samostoyatel'nosti* [Psychology of independence]. Izhevsk, Naberezhnye Chelny, Institute of Management Publ., 2009. 304 p.
61. Rotter J. B. Some comments on the “Cognates of personal control”. *Applied & Preventive Psychology*, 1992, no. 1, pp. 127–129. DOI: [10.1016/S0962-1849\(05\)80154-4](https://doi.org/10.1016/S0962-1849(05)80154-4)
62. Ushakov D. V. Social intelligence as a type of intelligence. In: D. V. Lyusin, D. V. Ushakov (eds.) *Sotsial'nyi intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: Theory, measurement, and research]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2004, pp. 11–28.

УДК 316.774:159.99

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.9)

Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества как угроза социализации современной молодежи

Юлия Р. Тагильцева¹, Ирина В. Воробьева¹, Ольга В. Кружкова^{1*},
Дмитрий В. Руденкин², Марина Р. Бабилова^{1,2}, Дарья М. Никифорова¹

¹ Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

* E-mail: galiat1@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье представлено обсуждение особенностей социализации современной молодежи и роли в этом процессе среды Интернета, имеющей широкие возможности по распространению различного по своим характеристикам контента. Особую угрозу в этом контексте имеют практика вовлечения через виртуальную среду представителей молодежи в экстремистские сообщества и их радикализация. Новизна представленного исследования заключается в выделении эффектов интернет-среды, обуславливающих специфику социализационных процессов молодежи и позволяющих описать конкретные косвенные и прямые угрозы для физического и психического благополучия представителей молодого поколения.

Методы. Для изучения потенциальных угроз со стороны виртуального пространства и выявления, используемых в нем, механизмов для вовлечения молодежи в экстремистские сообщества были проанализированы 2500 единиц креолизованных текстов, созданных националистическими или религиозно-политическими экстремистскими группировками. Креолизованные тексты взяты с сайтов, содержащих материал экстремистского характера, а также в соответствующих группах во ВКонтакте.

Результаты. Были систематизированы наиболее типичные угрозы со стороны виртуального пространства для нормативной социализации трех возрастных категорий: младших школьников, подростков и юношей. Подробно описаны механизмы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества с применением разнообразных манипулятивных приемов. В частности, описываются приемы с применением смысловых искажений текстовой информации, визуальных образов и креолизованных текстов.

Обсуждение результатов. Делается вывод, что описанные механизмы и приемы их реализации не являются единственными и неизменными, совершенствование

интернет-среды ведет за собой развитие техник воздействия на молодого человека. В то же время для нейтрализации указанных угроз целесообразно, помимо административных методов контроля интернет-контента, формировать резистентность молодежи к интернет-воздействию со стороны экстремистских сообществ.

Ключевые слова

Интернет, социализация, молодежь, экстремизм, экстремистские сообщества, механизмы вовлечения, интернет-угрозы, виртуальность, креолизованные тексты, эффекты социализации

Основные положения

- ▶ социализация современной молодежи разворачивается в иных условиях, в которых ключевую роль играет информационная составляющая, максимально широко представленная в среде Интернет;
- ▶ легкая доступность агрессивного, радикального, националистического контента в Интернете способствует возникновению особых рисков социализации молодежи, ведущих за собой не только освоение паттернов девиантного поведения, но и активное вовлечение представителей молодежи в экстремистские сообщества;
- ▶ социализация молодежи, активно включенной в интернет-среду, протекает в том числе в под влиянием «эффекта дрейфа целей», мифологичности и «эффекта азарта»; эти эффекты позволяют описать прямые и косвенные угрозы для физического и психического благополучия молодых пользователей Интернета;
- ▶ в контексте указанных эффектов описаны механизмы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества, систематизированы используемые в них приемы с использованием текстовой и визуальной информации.

Для цитирования

Тагильцева Ю. Р., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Руденкин Д. В., Бабилова М. Р., Никифорова Д. М. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества как угроза социализации современной молодежи // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 189–218. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.9

Материалы статьи получены 16.05.2018

UDC 316.774:159.99

DOI: [10.21702/rpj.2019.1.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.9)

Internet Mechanisms of Involvement in Extremist Communities as a Threat to Socialization of Contemporary Youth

Yulia R. Tagiltseva¹, Irina V. Vorobyeva¹, Olga V. Kruzhkova^{1*}, Dmitriy V. Rudenkin², Marina R. Babikova^{1,2}, Darya M. Nikiforova¹

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: galiat1@yandex.ru

Abstract

Introduction. This study investigates how the Internet environment, which provides ample opportunities for content distribution, influences the socialization of contemporary youth. Involving young people in extremist communities and their radicalization through a virtual environment represent a particular threat in this context. This study analyses the effects of the Internet environment that determine the specific character of socialization processes in young people and describe specific indirect and direct threats to the physical and mental well-being of the younger generation.

Methods. To examine potential threats from the virtual space and to identify the mechanisms of young people's involvement in extremist communities, the authors analyzed 2.500 creolized text units created by nationalist or religious-political extremist groups. The creolized texts were extracted from the websites containing extremist materials and from the relevant groups in Vkontakte.

Results. The authors (a) systematized the most typical threats from the virtual space for the normative socialization of junior schoolchildren, adolescents, and young adults. The mechanisms of young people's involvement in extremist communities using various manipulative techniques are described in detail. In particular, the authors analyze the techniques of meaning distortions of text information, visual images, and creolized texts.

Discussion. The described mechanisms and techniques of their implementation are not the only ones. The improvement of the Internet environment leads to the development of techniques of influence on young people. The authors suggest that besides the administrative methods of controlling Internet content, it is necessary to form young people's resistance to the influence of the Internet extremist communities.

Keywords

Internet, socialization, youth, extremism, extremist communities, mechanisms of involvement, Internet threats, virtuality, creolized texts, effects of socialization

Highlights

- ▶ The socialization of contemporary young people is determined by the information component which is most widely presented in the Internet environment.
- ▶ The easy availability of aggressive, radical, and nationalist content on the Internet contributes to special risks of young people's socialization that entail the development of patterns of deviant behavior and young people's involvement in extremist communities.
- ▶ The socialization of young people is influenced by 'drifting goals', mythology, and 'gamble effect'; these effects can describe direct and indirect threats to young Internet users' physical and mental well-being.
- ▶ In the context of these effects, the authors describe the mechanisms of young people's involvement in extremist communities and systematize the techniques of using text and visual information.

For citation

Tagiltseva Yu. R., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Rudenkin D. V., Babikova M. R., Nikiforova D. M. Internet Mechanisms of Involvement in Extremist Communities as a Threat to Socialization of Contemporary Youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2019, V. 16, no. 1, pp. 189–218 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.9

Original manuscript received 16.05.2018

Введение

Многие исследователи отмечают, что в настоящее время информационное воздействие на психику человека и общественное сознание растет колоссальными темпами. Используемые современные информационные технологии позволяют неограниченно контролировать и управлять информационным воздействием на общество [1]. В настоящее время Интернет является одним из самых используемых источников информации среди молодежи, поэтому он естественным образом оказывает влияние на процессы усвоения социальных норм молодым поколением. В то же время интернет-среда остается достаточно открытой для различного контента, в том числе носящего потенциальную угрозу радикализации пользователей Сети, вовлечения их в экстремистские сообщества [2, 3], что создает дополнительные риски социализации молодого поколения [4, 5].

Развитие глобальных компьютерных сетей и внедрение новых цифровых технологий приводят к зарождению так называемой «виртуальной реальности» (Джерон Ланье, 1989 г.), которая означает, «что реальное замещается искусственным миром из компьютера: человек может погрузиться в эту новую реальность так, как если бы она была настоящей» [6, с. 207]. В соответствии с этим в Интернете рождается новый вид социализации, который

не сводится ни к первичной, ни к вторичной, т. к. осуществляется внутри виртуального пространства, а его результаты сказываются на конкретном человеке. Этот новый вид социализации может иметь двоякий результат: обеспечивать развитие как позитивной жизненной ориентации (привитой в результате первичной и вторичной социализации в реальном социуме), так и негативной (вести к десоциализации в реальном социуме) [7]. Интернет формирует особую коммуникативную среду, закономерности функционирования которой отличаются от тех, которые прослеживаются в любых иных формах коммуникации.

Молодежь заведомо более чутка к воздействию этой коммуникативной среды. С одной стороны, здесь сказывается прогрессирующая нелинейность процесса социализации молодежи в современном обществе. Уже само появление Интернета привело к изменению позиций молодежи в обществе. В трудах таких авторов, как Т. Барбер [8], Г. Одгарт [9], В. А. Луков [10] социализация молодежи XXI в. описывается как нелинейный, лишенный предсказуемости процесс, исход которого во многом зависит от комбинации чисто ситуативных факторов. В работах других авторов (М. Бейзерман и Д. Магнуссон [11], С. А. Моримото и Л. А. Фридланд [12]) отражена идея об относительной автономности жизненного мира молодежи: в силу того, что молодежь успешнее осваивает новые социальные практики и технические новшества, ее жизненный мир может строиться на принципах, не зависящих от влияния более возрастных людей. Особые изменения в формируемых социальных паттернах молодежи произошли в последние полтора десятилетия, что частично обусловлено значительными преобразованиями, произошедшими в природе и функционировании Интернета за последнее время: появление Web 2.0 с акцентом на социальные сети, контент, созданный пользователями, и цифровое видео [13]. И очевидно, что и глубинная подоплека воздействия коммуникации в Интернете на молодежь, и факторы, которые влияют на это воздействие, требуют полноценного научного анализа.

Проблему только подчеркивает потенциальная двойственность воздействия коммуникации в Интернете на настроения молодежи. На современном этапе виртуализации жизни общества особую роль в формировании понимания реальности играет информация, в том числе распространяющаяся через сеть Интернет. Как отмечает Н. Винер, именно информация становится обозначением содержания, которое мы получаем из окружающего нас внешнего мира в процессе приспособления к нему [14]. В результате именно информация, с одной стороны, становится инструментом преобразования социальной реальности, а с другой – способствует порождению новых технологий, которые и формируют информационное пространство. Всё это способствует активизации информационного общества, но, в то же время, может порождать

развитие деструктивной составляющей информации, направленной на повышение толерантности к опасным для общества практикам поведения. Иными словами, потенциально Интернет может служить источником патологий в социализации молодежи и приводить ее представителей к таким настроениям и поведенческим установкам, которые приведут к усилению дисфункциональных общественных процессов.

Здесь необходимо отметить, что Интернет представляет собой очень сложное коммуникативное пространство, и в нем присутствует много контента, направленного на провокацию пользователей на различные, в том числе и деструктивные для общества, действия. Не раз отмечалось, что посредством модульных вспышек информации [15] – команд, теорий, отрывков новостей, усеченных и заряженных определенными эмоциями, выходящих за границы ментальных ячеек, – средства массовой коммуникации формируют в сознании образы, посредством которых познается и воспринимается тот или иной объект. Именно этот собирательный образ выступает тем «спусковым механизмом», который вызывает к жизни определенные мысли, сопутствующие образы и реакции. В результате информация, несущая в себе определенный «заряд», воздействует, стимулирует эмоциональную сферу человека, вызывает ассоциативные связи, провоцирующие определенные состояния и соответствующие реакции. Всё это и делает ее инструментом манипулирования сознанием, направленного на формирование определенного общественного мнения и поведения, что позволяет заинтересованным кругам использовать ее для достижения своих целей. Поэтому в ход идут: дезинформирование, проявляемое в искажении и противоречивости информации, неточности подаваемых фактов, а также источников информации; информационная блокада, создаваемая за счет недопуска определенной части информации в открытую информационную среду, и т. д. Все эти приемы психологического воздействия в полной мере находят свое отражение в информационном пространстве Интернета.

Наличие в Интернете такого контента – источник рисков для социализации молодежи. Многие исследователи рассматривают Интернет как источник и среду социализации личности на протяжении всей жизни, выделяя при этом специфические особенности социализации в Интернете. Так, Т. В. Ефимова [16] отмечает опосредованный характер влияния агентов на социализацию; социализация в интернет-пространстве носит, в основном, стихийный характер; интернет-коммуникации ограничивают традиционные формы социализации (общение, игра, обучение и т. д.); личность в интернет-пространстве начинает усваивать нормы, цели, ценности, правила, принятые не конкретным обществом, в котором она живет, а тем сетевым сообществом, где доминируют нормы и ценности, не имеющие прочных историко-культурных корней.

Эффекты от такой специфической социализации в Интернете бывают различными. В рамках российских и зарубежных исследований были выделены определенные психологические особенности пользователей виртуального пространства, которые формируются и развиваются при взаимодействии с Интернетом. Так, А. В. Минаков обозначил три специфических комплекса реакций, которые обозначил как «эффект дрейфа целей», «мифологичность» и «эффект азарта» [17]. *Эффект дрейфа целей* проявляется в том случае, если при поиске информации первоначальная цель подменяется иными целевыми ориентирами. В результате психологическая направленность и интерес человека «дрейфуют» в плане переключения между многочисленными объектами виртуального пространства. *Мифологичность* Интернета реализуется через присвоение человеку в виртуальном пространстве возможностей, которых у него нет и не может быть в реальной жизни. *Эффект азарта* проявляется в чрезмерной активизации поисковой активности индивида в пространстве Интернета в ущерб аналитической деятельности и критичной оценке поступающей информации. Однако Интернет не только формирует определенные поведенческие паттерны или смысловые установки, он навязывает систему ценностей и жизненных ориентиров [18], а молодежь, не перерабатывая поступающую информацию и становясь объектом воздействия, формирует на основе этой системы ценностей свои намерения и реализует их в поведении [19].

Понимание эффектов воздействия Интернета на настроения и поведенческие установки молодежи важно для понимания возникающих рисков и осуществления их профилактики. Дальнейшее распространение Интернета в обществе и совершенствование его инструментария – по всей видимости, неизбежная тенденция. На сегодняшний день Интернет становится самым эффективным средством массовой коммуникации, поскольку, как отмечают М. Моррис и К. Оган, для него характерны четыре типа коммуникации: асинхронная коммуникация «один на один»; асинхронная коммуникация «многих с многими»; синхронная коммуникация «один на один», «один с несколькими», выстраиваемая во круг одной темы; асинхронная коммуникация «многие и один», «один на один», «один и многие», где пользователи находятся в поиске информации, переходя с сайта на сайт [20]. Всё это приводит к формированию специфических свойств виртуальной реальности [21]:

1. Погружение (пользователь «входит» в виртуальную реальность, созданную компьютером).
2. Многомерность (виртуальное пространство обладает качествами двух- и трехмерного измерения).
3. Мультисенсорика (восприятие виртуальной реальности происходит за счет нескольких характеристик перцептивной системы организма человека – зрительной, слуховой, кожной и др.).

4. Реальное время (симультанность и взаимозависимость актов пользователя от трансформации среды).

5. Адекватность (в виртуальной реальности индивидом усваиваются те образы, которые соответствуют реальным и оправдывают его ожидания).

6. Интеракция (пользователь может моделировать виртуальное пространство).

7. Проницаемость (перемещение индивида в виртуальном пространстве имеет разноуровневую направленность движения).

8. Эффект реальности (виртуальное пространство представляет собой симулякр реального мира, попадая в который, пользователь испытывает его материальность).

9. Эффект многих пользователей (виртуальная реальность создает такое коммуникативное пространство, в котором наблюдается повышенная плотность взаимодействий).

Всё это не только способствует популяризации Интернета как средства распространения информации и общения, но и делает его весьма привлекательным инструментом воздействия на массовое сознание, поскольку в нем можно создавать более или менее устойчивые виртуальные сообщества, объединяемые общими интересами, потребностями в общении. Это и дает возможность заинтересованным кругам использовать его для достижения своих целей.

Неизбежное интенсивное распространение Интернета в обществе и наличие в нем явных социализационных рисков формируют запрос на изучение различных особенностей его воздействия на настроения молодежи. Всё большая обеспокоенность проявляется со стороны ученых, государственных органов и общественности относительно того, что легкая доступность насильственного экстремистского контента в Интернете может иметь сильные радикализирующие последствия [22]. Безусловно, сам по себе Интернет не действует как радикализирующий агент, однако он может служить посредником и катализатором для реализации целей экстремистских сообществ [23], в том числе через открытый доступ к коммуникации определенных, готовых к принятию такого воздействия категорий молодежи (как правило, для молодых людей содержание идеологии не является первым стимулом для вступления в экстремистские сообщества, но готовность к этому, прежде всего, возникает у них через общее недовольство обществом, поиск путей борьбы с этим недовольством) [24].

В рамках проблемы распространения идей экстремистской направленности исследователями особое место отводится именно информационному фактору [3] как своеобразному инструменту формирования информационной агрессии, под которой понимается «манипулирование информацией,

провоцирующее нарушение целостности общества, его стабильности, в том числе и эмоционального состояния, подрыв целей, взглядов и мировоззрения населения, а также разжигания конфликтов (межличностных, этнических, международных)» [25, с. 65]. И здесь важно понять, какие факторы и задействованные механизмы заставляют молодых людей – пользователей Интернета участвовать в рискованных действиях в интернет-среде, делают их уязвимыми для воздействия экстремистских и радикальных сообществ через социальные сети или иные интернет-ресурсы с учетом социализационных тенденций современной молодежи.

Методы

Для изучения потенциальных угроз со стороны виртуального пространства и выявления используемых в нем механизмов для вовлечения молодежи в экстремистские сообщества были проанализированы 2500 единиц креолизованных текстов, созданных националистическими или религиозно-политическими экстремистскими группировками. Креолизованные тексты взяты с сайтов, содержащих материал экстремистского характера национальной или религиозной направленности, в том числе в подобных группах во ВКонтакте.

Основной метод нашего исследования – дискурсивный анализ – является одним из основных методов исследования материалов экстремистской направленности. В данном случае важность обусловлена выявлением социального контекста, стоящего за устной или письменной речью. Дискурсивный анализ осуществлялся нами с точки зрения социолингвистического подхода, включающего в себя следующие параметры: характеристику типовых участников; описание хронотопа; выявление целей; определение ценностей; описание основных стратегий; описание ключевых жанров, прецедентных текстов и дискурсивных формул [26].

Когнитивное исследование осуществлялось нами с опорой на теорию Т. А. ван Дейка [27, 28] и включало в себя два уровня исследования: текстуальный анализ и контекстуальный анализ. Текстуальный анализ предполагал структурный анализ собранного материала на всех его уровнях: фонетический, графический, морфологический, синтаксический, семантика и лексика, уровень макроструктур и риторический аспект.

Контекстуальный аспект анализа предполагал рассмотрение материалов с позиций контекста: время, место, событие/действие, сфера деятельности, участники, роли участников, социальные отношения, когнитивные характеристики участников. Контекстуальный аспект когнитивного исследования во многом перекликается с дискурсивным анализом, однако нами данный аспект применялся к конкретным примерам (экстремистским материалам): этот

момент важен при анализе разного рода материалов, т. к., к примеру, в рамках национального экстремизма контекст играет огромную роль – нацистская символика может быть использована с целью создания художественного образа, и в таком примере приписывание экстремистских мотивов будет противоречить действительности (хотя и носит дискуссионный характер), а в некоторых других примерах, в рамках определенного контекста экстремистскую направленность могут приобретать, казалось бы, безобидные образы, например, образ славянина.

Моделирование в лингвистике дает возможность выявить и изучить структуру разнообразных языковых явлений, что в свою очередь способствует уточнению понятий, а также их связей при изучении языка. Специфика данного метода, как отмечает А. Ф. Лосев, заключается в том, что «языковая модель обязательно предполагает наличие таких общих моментов, как: принцип структуры объекта; сама структура объекта; структура, данная в деталях; перенесение данной структуры на новый объект и соответствующая организация этого объекта» [29, с. 28].

При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применяется описательный метод.

Результаты

Анализ интернет-контента позволил систематизировать угрозы согласно описанным выше эффектам Глобальной сети. Для понимания возможной глубины воздействия на физическое и психическое благополучие пользователей они были разделены на прямые (предполагают реальные риски жизни и здоровью) и косвенные (апеллируют к изменению моделей поведения человека и способствуют формированию аддикции или потенциально небезопасного поведения).

Таким образом, риски вовлечения в экстремистские сообщества с помощью Интернета так или иначе присутствуют, начиная с младшего школьного возраста, т. е. того периода развития личности, когда ребенок начинает проявлять самостоятельную активность в Глобальной сети. Опишем механизмы воздействия на выделенные нами эффекты интернет-среды экстремистского контента.

Таблица 1. Соотношение угроз и эффектов интернет-среды**Table 1.** Interrelationships between threats and effects of the Internet environment

Угрозы со стороны Интернета	Эффекты интернет-среды		
	Эффект дрейфа целей	Мифологичность	Эффект азарта
<i>Младший школьный возраст</i>			
Прямые угрозы	Опасность стать жертвой педофила, грабителя и др., навязывание непристойной информации	Призывы к неосознанному суициду, убийству, краже и т. п. («Стань феей огня»)	Перенос игровых ситуаций, предполагающих риск, в реальность; провокация агрессивного поведения
Косвенные угрозы	Замена образовательной активности гедонистической и игровой деятельностью, как следствие снижение школьной успеваемости. Формирование паттернов спонтанной покупательской активности. Навязывание устойчивого визуального ряда экстремистских символов посредством их включения в привычные позитивно оцениваемые образы	Уход в виртуальную реальность через онлайн-игры Искажение образа реальности и образа Я (наделение себя или мира несуществующими возможностями)	Формирование стремления к поиску социального одобрения посредством сбора «лайков» через совершения эпатажных и рискованных действий («на камеру»)

Подростковый возраст			
Прямые угрозы	Вовлечение в экстремистские сообщества, популяризирующие практики девиантного, в том числе аутоагрессивного, поведения (кибербуллинг, киберсуицид, согласованный суицид)	Вовлечение в порнографию. Формирование ложных представлений о себе и своих возможностях. Проявление жестокого поведения, агрессии (при перенесении образа в реальный мир)	Селфи-азарт. Вовлечение в экстремальные ролевые мобильные игры дополненной реальности (PokemonGo). Перенос онлайн-игр в реальность («Беги или умри!»), популярных крайне агрессивных моделей поведения (последователи «Columbine»)
Косвенные угрозы	Вовлечение в субкультуры. Разглашение персональной информации (в том числе геолокации). Некритичное принятие и использование готовых моделей поведения из Сети. Формирование навязанных потребностей	Замена реальной социальной активности активностью в виртуальной среде. Провокация радикальных решений о своей жизни, уходов из дома, эпатажных поступков и т. п. Развитие и поддержание ортодоксального взгляда на мир [30]	Провокация адреналиномании, эмоционального перевозбуждения. Иллюзия активной жизнедеятельности, коммуникаций

<i>Юношеский возраст</i>			
Прямые угрозы	Вовлечение в экстремистские группировки и формирование экстремистского поведения	Изменение мировоззрения человека (идеологизация мировоззрения как инструмента внешней манипуляции со стороны религиозных и экстремистских сообществ)	Игра «на слабо», вовлечение в азартные игры с риском для жизни. Стимуляция социально-опасного поведения через интернет-инструкции по самостоятельному приготовлению наркотиков, взрывчатки и др.
Косвенные угрозы	Смещение приоритетов и ценностей с физической на виртуальную среду (интернет-знакомства, просмотр обзоров о событиях во время участия в самом событии, видеоблогинг и пр.)	Иллюзорный образ себя, изменения себя под этот образ (пластические операции, пирсинг, татуировки и пр.)	Дисгармонизация индивидуального развития, трата денег в сети, социальная ретардация (задержка в социальном развитии)

Эффект дрейфа целей

Данный эффект создается с целью популяризации экстремистского материала: «введение» в символику, запоминание ключевых символов, транслирующих экстремистские настроения с последующим воспроизведением. Кроме того, дрейф целей предполагает, с одной стороны, идентификацию символики, с другой стороны, ее дифференциацию. Авторы экстремистских

текстов вводят в качестве центрального компонента безобидный, известный всем с детства образ – Леопольда, Винни-Пуха, Пятачка, Карлсона и Малыша, Хрюши и др., наделенный соответствующей экстремистской символикой, совершающий определенные действия и задающий адресату необходимую манипулятору модель восприятия окружающего мира и, как следствие, поведения, которые требуют распространения и популяризации. В данном случае наличие вербального компонента сводится к минимуму, что обусловлено спецификой восприятия информации детьми данной возрастной группы.

Выражение данного эффекта варьируется в зависимости от возрастной категории адресатов.

Так, в националистическом дискурсе встречается плакат, центральным изображением которого является образ всеми узнаваемого и известного большинству детей младшего школьного возраста – Зайца из мультфильма «Ну, погоди!». Заяц изображен в гиперболизированной форме (демонстрирующий бицепс) и сопровождается следующими атрибутами: черный прямоугольник на глазах, на белой футболке четко отражается изображение шапочного знака отряда СС – «Мертвая голова», располагавшегося обычно на фуражке, петлицах или кокардах представителей отряда, отвечавших за охрану концентрационных лагерей Третьего Рейха. Символ использован с целью привлечения внимания любопытных учеников, а также для введения в тему национального экстремизма.

Подобного плана изображение находим и на рисунке 1а. На картинке представлен герой современного мультфильма: «Дружба – это чудо» (англ. «My Little Pony: Friendship is Magic») – «Сумеречная Искорка» с флагом нацистской Германии, актуализирующем в сознании знающей аудитории все ужасы фашистского режима; но по отношению к младшим школьникам данный символ введен с целью ознакомления с последующей заинтересованностью в нем.

Для старших возрастов, подросткового и юношеского, авторы экстремистских текстов прибегают к использованию креолизованных текстов разных типов: например, комиксов или фотоколлажей. На рисунке 1б представлен фотоколлаж, целью которого является оправдание и популяризация «родноверия» и осквернение христианской религии. Так, слева представлены фото христиан, исполняющих те или иные церковные обряды с подкрепляющей надписью: «Овцы дома Израилева». Данная фраза современным поколением может быть истолкована неверно, точнее буквально, что будет продиктовано знанием только переносного значения существительного «овца» и ограниченностью познаний в области христианской религии и текста Библии. В результате, в сознании адресата формируется отрицательный образ верующих данной конфессии, в отличие от «родноверия» (нового религиозного движения, провозглашающего своей целью возрождение славянских

дохристианских обрядов и верований), фотоколлаж которого представлен справа и сопровождается вербальной пометой: «Дочери РОДных богов».

а)

б)

в)

г)

Рисунок 1. Креолизованные тексты экстремистской националистической направленности (взяты из Интернета)

Figure 1. Extremist nationalist creolized texts (from the Internet)

Перед подростком/юношей стоит цель: выбор «правильной» религии. Однако введение в креолизованный текст риторического вопроса «ПОЧУВСТВУЙТЕ РАЗНИЦУ. Выбирая богов – мы выбираем судьбу»

побуждает к дрейфованию между двумя религиями, а представление христианства в дискредитирующем облике способно как раз и спровоцировать неокрепшую детскую психику к выбору деструктивной стороны.

Таким образом, экстремистские материалы, созданные на основе эффекта дрейфа целей, способны вовлекать подростков и юношей в экстремистские и иные субкультурные группировки, а также формировать основы экстремистского поведения.

Эффект мифологичности

В рамках данного вида эффекта происходит воздействие на две возрастные группы – подростковую и юношескую, поскольку они уже имеют более зрелое восприятие и мышление, а также у большинства из них уже сформирован значительный объем фоновых знаний. В данном случае создаются креолизованные тексты, усложненные дополнительными смыслами, что требует от адресатов владения определенными материальными и духовными ценностями, с более объемными вербальными компонентами: с разнообразной лексикой, работающей на реализацию различных стратегий и тактик, преследуемых авторами потенциально опасных материалов, распространяемых в сети Интернет, с символикой экстремистской направленности. Всё это приводит и к расширению круга тем, вовлекающих подростков и юношей в экстремистскую деятельность.

Такие креолизованные тексты направлены на создание фантомного, мифологичного социума как варианта желаемой реальности, в котором представлены только «свои», кажущиеся привлекательными, транслирующие безопасность и придающие адресату уверенность и значимость. Мир желаемой реальности – это общество только «своих» без «чужих» (в данном случае авторы статьи опираются на бинарную оппозицию «свой – чужой» как одну из ключевых противопоставлений в жизни и устройстве общества и актуальную для многих типов дискурса) [31, 32]. Но стоит отметить, что «чужие» в текстах экстремистской направленности нужны для того, чтобы сильнее осознать свою причастность к «своей» группе [33].

Так, например, на рисунке 1в представлено изображение, передающее националистические настроения авторов: девушка с ребенком славянской внешности (отметим, что образ славянского человека – один из самых распространенных образов в национальном экстремизме [34]) являются символом чистоты, преданности (в первую очередь, славянскому роду), истинной любви, очерчивая тем самым круг «своих». На это также указывает и вербальный компонент креолизованного текста: «РОДИТЕЛИ БЕЛЫЕ. И ребенок красавец! Береги свой род!».

Посредством эффекта мифологичности происходит формирование установок на возрождение и сохранение славянского рода, а призывы к обереганию

своего рода воспринимаются уже своеобразным латентным призывом к противостоянию «чужим», которыми в национальном экстремизме обычно предстают лица неславянской внешности.

Специфика же религиозно-политического экстремизма заключается в популяризации, прежде всего, определенной религиозной системы ценностей и императивов, вбирающей в себя некоторые положения фундаментализма: возвращение превалирующей роли религиозным структурам в обществе, привилегированность религиозного направления, завуалированность политических идей под религиозные постулаты – всё это делает «секты» деструктивного характера весьма привлекательными для адептов [35].

Кроме того, эффект мифологичности позволяет манипуляторам создавать круг тем, наполненных своеобразным звучанием и оправдывающих террористическую или экстремистскую деятельность их группировки. Например, во многих исламских религиозных текстах экстремистской направленности встречаются темы «правильности религии (ислама)», «джихада (джихада меча) – священной войны с неверными», «исторической несправедливости по отношению к мусульманам» и «оправдания насильственных действий во имя Аллаха», «превосходства ислама над всеми другими религиями». Такие темы способствуют формированию в сознании аудитории определенного образа социума «своих», обладающего определенным набором религиозных и политических императивов, системой ценностей, образом жизни.

В качестве примеров встречаются такие плакаты, на которых представлены собирательные образы несущихся на арабских скакунах воинов ислама, атрибутами которых становятся мечи, щиты, покрытое кувией (мужской головной платок, служащий для защиты головы и лица от солнца, песка и холода) лицо. Практически каждый второй из них держит черный флаг с белой «шахадой», означающей «Никакого халифата без таухида и джихада». Данный флаг принадлежит «Аль-Каиде», которая представляет собой одну из самых крупных ультрарадикальных международных террористических организаций вахабистского направления ислама (организации, запрещенные на территории Российской Федерации). На одном из изображений в правом верхнем углу дается символика другой террористической группировки – белой шахады на черном фоне и с горизонтальной саблей внизу – Кавказского эмирата (Имарат Кавказ) (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), представляющего собой сепаратистско-террористическое радикально исламское подполье, деятельность которого заключалась в нападении на российских военнослужащих, сотрудников спецслужб, полицейских, а также убийств мирных граждан, проведении терактов, обстрелов, подрывов на территории Чечни.

Компонентом воздействия является изречение: «*That is the right religion, so don't wrong yourselves, and Fight against the Mushrikun collectively, as they Fight*

against you collectively». – «Это **правильная** религия, поэтому не обманывайте себя и **боритесь против мушриков** коллективно так же, как и они, объединившись, борются против нас» (взято из Интернета). Оно, во-первых, указывает на имплицитное превосходство одной религии над другой посредством существительного «мушрики» (язычники, признающие наряду с Богом наличие и других божеств или полубожеств), во-вторых, призывает к осуществлению действий – «боритесь против».

Подобные креолизованные тексты способствуют популяризации среди молодежи идей исламского фундаментализма.

Способы противостояния «чужим» наглядно демонстрируются благодаря эффекту азарта.

Эффект азарта

Поскольку круг «своих» четко очерчен эффектом мифологичности, то эффект азарта уже задает новоиспеченным адептам экстремистских группировок в объемных креолизованных текстах определенный алгоритм поведения, включающий в себя демонстрацию навыков, умений, а также методов и способов «взаимодействия» с «чужими» (обычно выражающийся в агрессивных действиях). Всё это приводит к сужению круга тем до криминальной, преступнической тематики и оправданию насильственных действий во имя справедливости.

Рассматриваемый психологический эффект имеет направленность только на две возрастные категории – подростков и юношей. Однако следует отметить, что в большей степени подвержены влиянию экстремистских материалов юноши, поскольку эту категорию в основном составляют студенты, которые способны уже активно транслировать националистические идеи, способны принимать активное участие в националистических митингах, акциях. Студенческая аудитория наиболее эмоциональна в силу юношеского максимализма и односложного черно-белого восприятия межнациональных и межрелигиозных отношений. Возрастные особенности студенчества, по мнению исследователей, характеризуются более высокими протестными настроениями, повышенной активностью и решительностью [36, 37].

Например, на рисунке 1г схематично представлена сцена расправы над «чужим», на что указывают цветовые различия между силуэтами мужчин: стоящий на коленях мужчина изображен в черном цвете – как символ выходца с Кавказа, белым представлен славянин. Кроме того, под знаки запрета помещены (при чтении слева направо): 1) символ исламской религии (полумесяц и пятиконечная звезда), 2) образ мужчины негроидной расы – символизирующие антагонистов национального экстремизма.

Эффект азарта, представленный визуальным рядом, сопровождается вербальным компонентом: «**ВООРУЖАЙСЯ!** Оккупанта не остановят слова,

оккупанта остановит пуля». Призывная форма глагола «вооружайся» дает установку к действию молодому поколению, демонстрируя тем самым беспощадное и безапелляционное отношение к «врагу».

Если затрагивать тему религиозного / религиозно-политического экстремизма, можно отметить пример (плакат), в рамках которого изображены символы двух мировых конфессий – ислама (полумесяц со звездой) и христианства (православный крест), перечеркнутые красным крестом, что свидетельствует о недопустимости, невозможности сосуществования их вместе. Всё это сопровождается надписью – цитатой из Корана (в одном из переводов), взятой из суры 5 Аль-Маида «Трапеза» аята 51: «О те, которые уверовали! Не считайте иудеев и христиан своими друзьями, поскольку они друзья друг другу».

Выделенные компоненты экстремистских текстов, участвующих в формировании эффектов интернет-среды, дают возможность наглядно охарактеризовать не только механизм воздействия на психику индивиду, но и определить систему компонентов (визуальных образов и вербальной составляющей), посредством которых достаточно эффективно меняются картина мира индивида и модель его поведения.

Обсуждение результатов

Описание возможных механизмов вовлечения молодежи в сообщества экстремистского толка позволяет констатировать тот факт, что на сегодняшний день в сети Интернет распространено огромное количество текстов, картинок, видеоматериалов, символов и прочей атрибутики экстремизма, характеризующееся большим пропагандистским потенциалом. В совокупности с использованием самоорганизующихся агрегатов (специальных групп, сформированных посредством связи со страницей Facebook или ее аналогом), которые популяризируются в пространстве Интернета до начала кампаний экстремистских сообществ в реальном мире [38], описанные механизмы и приемы способствуют росту угроз социализации молодых поколений.

Утверждать, что каждый из возможных элементов способен привлечь одинаковое внимание, неправомечно. Проведенные исследования [39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и др.] дают основания выделять наиболее действенные компоненты, способствующие не только привлечению, но и формированию определенного «эмоционального заряда» информации:

1. *Символика (нацистская, пронацистская и символика иных организаций, которые признаны экстремистскими).*

Все чаще на стенах домов мы видим изображения свастики и другой нацистской атрибутики и символики, где сообщением адресант призывает к активным действиям националистического толка. Особенно активно подобная символика пропагандируется в Интернете. Это зачастую становится

орудием вербовки молодежи в ряды современных фанатиков. Несмотря на то, что в Российской Федерации «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» (ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г.) признаны экстремистской деятельностью, современные экстремисты проявляют удивительную изворотливость, стремясь представить свою деятельность как не противоречащую законодательству.

2. *Креолизованный текст (вербальный текст и изображение, субъекты и объекты изображения)*, понимаемый как «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [46, с. 21]. Популярность указанного вида репрезентации экстремистских идей объяснима высоким прагматическим потенциалом. Эпоха клипового мышления и активное пользование Глобальной сетью диктуют новые способы подачи информации: зрительный образ, находящийся в центре креолизованного текста, гораздо быстрее найдет отклик в сознании адресата, а меткое вербальное дополнение закрепит и усилит увиденный образ. К наиболее популярным видам креолизованного текста в экстремистском дискурсе относятся: плакат, листовка, демотиватор, граффити, карикатуры, видеопослания и т. д.

3. *Вербальный текст* – классический вариант изложения идеологии той или иной экстремистской группировки. Анализ текстов экстремистской направленности позволил выделить следующие наиболее частотные группы языковых приемов воздействия на сознание адресата:

1) элементы агрессии (милитарная лексика: существительные, обозначающие военные действия, прилагательные, означающие признак действия, а также глаголы и их глагольные формы: *зарезать, убить, выгнать, поджечь, восстать, и другие*; метафорические образы);

2) организация «фантомного мира» (некой социальной/религиозной группы, к которой принадлежит говорящий) посредством «языковой демагогии», представляющей собой разделение на «своих» и «чужих»;

3) речевые стратегии уговаривания, запугивания, дискредитации;

4) приемы языковой манипуляции: *использование прецедентных феноменов, особенности синтаксических конструкций предложения: риторические вопросы, открытый текст, восклицательные конструкции и т. д.*

4) *темы*. Классификация экстремистики направленного материала позволяет выделить наиболее актуальные темы, которые затрагивают экстремисты, манипулируя сознанием адресатов:

– «священная» война за свои «права»;

- несправедливость (чаще всего историческая) по отношению к какому-либо этносу, нации и т. п.;
- оправдание террористической деятельности во имя сохранения религии, мира, справедливости;
- пропаганда превосходства одной организации, религии, группы, нации над другой;
- пропаганда «нелегитимности» действий противника и его «нечестивости».

Следует отметить, что зачастую в рамках этих приемов используются религиозные тексты, изначально не несущие в себе экстремистское содержание, однако их трактовка или компоновка в креолизованные тексты (мемы, карикатуры и пр.) способствует искаженному восприятию изначальных смысловых посылов. Указанный прием используется не только в русскоязычном сегменте Интернета, на его использование указывается в исследованиях ученых Массачусетского университета и Университета Джорджии [47].

Описанные выше механизмы и приемы являются действенными и наиболее популярными на данный период времени, однако при этом не носят исключительный характер. В связи с этим в мировой и российской практике обсуждаются возможности противодействия описанным приемам радикализации молодых поколений и искажения содержания их социализации. Так, в частности, такой возможностью является введение законодательных норм (например, ст. 282 УК РФ, ФЗ № 136 от 29 июня 2013 г. и др.) или жесткий административный контроль за интернет-контентом, в том числе формируемым частными лицами [48], посредством аналитики большого объема данных [22, 49, 50].

В то же время, при анализе всех составляющих важно применять междисциплинарный подход для установления более подробного механизма действия экстремистских объединений. Как указывают С. Edwards и L. Gribbon [51], необходимо сосредоточить свои усилия на понимании не только содержательного контента, доступного в сети Интернет, но и на способах использования этого содержимого в процессе радикализации молодежи и ее вовлечения в экстремистские сообщества.

Заключение

В заключение отметим, что перечень приемов и механизмов, которые используются в Интернете для вовлечения молодежи в деятельности экстремистских сообществ, едва ли разумно ограничивать только теми позициями, которые нашли отражение в этой статье. Стремительное развитие Интернета приводит к тому, что в арсенале его возможностей регулярно появляются какие-то новшества, и очевидно, что каждое из них потенциально может использоваться не только в позитивных целях, но и в негативных. Кроме того,

экстремистские сообщества действуют максимально гибко, подстраиваясь и под специфику сиюминутных настроений молодежи, и под необходимость избегать внимания правоохранительной системы. Поэтому очевидно, что перечень тех приемов и механизмов, которые они используют для работы с молодежью в Интернете, будет расширяться. В то же время, представленный в статье анализ показывает, что для нейтрализации указанных угроз в любом случае целесообразно, помимо административных методов контроля интернет-контента, формировать резистентность молодежи к интернет-воздействию со стороны таких экстремистских сообществ.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению», проект № 16-29-09512.

Acknowledgments

This study received funding from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-29-09512, "Internet as a tool for the formation of young people's psychological readiness to extremist behavior").

Литература

1. Федорова О. Н. Роль информационно-психологической безопасности граждан в России // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 342–355.
2. Awan I. Cyber threats and cyber terrorism: The internet as a tool for extremism // Blakemore B. Policing Cyber Hate, Cyber Threats and Cyber Terrorism. Farnham: Ashgate Publishing Ltd, 2012. P. 21–38.
3. Greenberg K. J. Counter-Radicalization via the Internet // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2016. Vol. 668, № 1. P. 165–179. DOI: [10.1177/0002716216672635](https://doi.org/10.1177/0002716216672635)
4. Souters E., Heinz J. Foreign Fighters: Terrorist Recruitment and Countering Violent Extremism (CVE) Programs in Minneapolis-St. Paul. Los Angeles: Create Center, University of Southern California, 2015. 46 p.
5. Vidino L., Hughes S. ISIS in America: From Retweets to Raqqa. George Washington University Program on Extremism. Washington, DC: George Washington University, 2015. 35 p.
6. Черных А. Мир современных медиа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 312 с.
7. Чистяков А. В. Социализация личности в виртуальном пространстве: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 182 с.

8. Barber T. Participation, citizenship, and well-being: Engaging with young people, making a difference // *Young*. 2009. Vol. 17, Issue 1. P. 25–40. DOI: [10.1177/110330880801700103](https://doi.org/10.1177/110330880801700103)
9. Ødegård G. Political socialization and influence at the mercy of politicians: A study of a local participation project amongst young people in Norway // *Young*. 2007. Vol. 15, Issue 3. P. 273–297. DOI: [10.1177/110330880701500304](https://doi.org/10.1177/110330880701500304)
10. Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: Канон+, 2012. 389 с.
11. Baizerman M., Magnuson D. Do we still need youth as a social stage? // *Young*. 1996. Vol. 4, Issue 3. P. 48–60. DOI: [10.1177/110330889600400304](https://doi.org/10.1177/110330889600400304)
12. Morimoto S. A., Friedland L. A. The Lifeworld of Youth in the Information Society // *Youth & Society*. 2011. Vol. 43, Issue 2. P. 549–567. DOI: [10.1177/0044118X10383655](https://doi.org/10.1177/0044118X10383655)
13. Conway M. From “Cyberterrorism” to “Online Radicalism” // Eid M. *Exchanging Terrorism Oxygen for Media Airwaves: The Age of Terroredia*. Ottawa: IGI Global, 2014. P. 198–217. DOI: [10.4018/978-1-4666-5776-2.ch014](https://doi.org/10.4018/978-1-4666-5776-2.ch014)
14. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Иностранная литература, 1958. 200 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/viner/ (дата обращения 29.03.2018).
15. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
16. Ефимова Т. В. Интернет как среда социализации современной личности // *В мире научных открытий*. 2011. № 5–4 (41). С. 195–209.
17. Минаков А. В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/minakov_some_psihological_properties/ (дата обращения 29.03.2018).
18. Крылова И. В., Непомнящий А. В. К проблеме социализации личности в информационном обществе // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 3. С. 174–182.
19. Угольков Н. В. Влияние Интернета на социализацию старших школьников // *ИСОМ*. 2012. № 4. С. 173–174.
20. Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1996. Vol. 1, Issue 4. P. 39–50. DOI: [10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x](https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x)
21. Bühl A. *Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts. Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 541 p.
22. Conway M. Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2017. Vol. 40, Issue 1. P. 77–98. DOI: [10.1080/1057610X.2016.1157408](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157408)
23. Meleagrou-Hitchens A., Alexander A., Kaderbhai N. The impact of digital communications technology on radicalization and recruitment // *International Affairs*. 2017. Vol. 93, Issue 5. P. 1233–1249. DOI: [10.1093/ia/iix103](https://doi.org/10.1093/ia/iix103)

24. *Schils N., Verhage A.* Understanding How and Why Young People Enter Radical or Violent Extremist Groups // International Journal of Conflict and Violence. 2017. Vol. 11. P. 1–17. DOI: [10.4119/UNIBI/ijcv.473](https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.473)
25. *Ермакова Е. С.* Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2012. № 2. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a>. (дата обращения 29.03.2018).
26. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
27. *Дейк Т. А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. № 8. С. 259–336.
28. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
29. *Лосев А. Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Наука, 1968. 296 с.
30. *Блинова О. А.* Экстремизм как результат обретения негативной персональной идентичности // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 5 (387). С. 25–32.
31. *Ворошилова М. Б.* Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242–245.
32. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
33. *Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р.* Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации «врага» // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 235–240.
34. *Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б.* Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 58–63.
35. *Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р.* Игры с разумом, или Приемы и средства информационно-психологического воздействия в практике религиозно-политического экстремизма // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 1. С. 270–272.
36. *Маркин В. В., Роговая А. В.* Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. 2-я часть // Власть. 2012. № 12. С. 114–118.
37. *Бабикова М. Р.* Националистический дискурс: социолингвистический подход // Материалы VII Всероссийской научно-практической Ин-

- тернет-конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». 2017. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw7/babikova.html#more-3329> (дата обращения 29.03.2018).
38. Johnson N. F., Zheng M., Vorobyeva Y., Gabriel A., Qi H., Velasquez N., Manrique P., Johnson D., Restrepo E., Song C., Wuchty S. New online ecology of adversarial aggregates: ISIS and beyond // *Science*. 2016. Vol. 352, Issue 6292. P. 1459–1463. DOI: [10.1126/science.aaf0675](https://doi.org/10.1126/science.aaf0675)
39. Бабикова М. П., Тагильцева Ю. П. Экстремистский дискурс: основные критерии анализа материалов экстремистской направленности в Интернет // *Политические институты и процессы*. 2016. № 3. С. 66–69.
40. Бабикова М. П. Славянские образы в современном националистическом дискурсе // *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы X Международной научной конференции, Гомель, 25–26 мая 2017 г.* / под общ. ред. В. В. Кириенко. Гомель: Изд-во ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. С. 297–299.
41. Ворошилова М. Б. Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016. № 3 (53). С. 150–157.
42. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпритации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.
43. Антонова Ю. А. Веснина Л. Е., Злоказов К. В., Тагильцева Ю. П., Карептян А. А. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2014. 272 с.
44. Тагильцева Ю. П. Экстремистский дискурс: средства и приемы информационно-психологического воздействия // *Ислам на Урале: история, современность, вызовы* / Регион. Дух. Упр. мусульман Свердлов. обл. в составе Центр. Дух. Упр. мусульман России, Урал. ассоц. «Центр этноконфес. исслед., профилактики экстремизма и противодействия идеологии терроризма» при поддержке Адм. Губернатора Свердлов. обл.; [сост. и отв. ред. А. Н. Старостин]. Екатеринбург: Свердловская областная межнациональная библиотека, 2017. С. 31–39.
45. Ворошилова М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе // *Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов. Сборник статей под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной*. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2016. С. 22–25.
46. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2013. 193 с.

47. Arpinar I. B., Kursuncu U., Achilov D. Social Media Analytics to Identify and Counter Islamist Extremism: Systematic Detection, Evaluation, and Challenging of Extremist Narratives Online // 2016 International Conference on Collaboration Technologies and Systems (CTS). IEEE, 2016. P. 611–612. DOI: [10.1109/CTS.2016.0113](https://doi.org/10.1109/CTS.2016.0113)
48. Walker C. The War of Words with Terrorism: An Assessment of Three Approaches to Pursue and Prevent // Journal of Conflict and Security Law. 2017. Vol. 22, Issue 3. P. 523–551. DOI: [10.1093/jcsl/krx009](https://doi.org/10.1093/jcsl/krx009)
49. Fu T., Abbasi A., Chen H. A focused crawler for Dark Web forums // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61, Issue 6. P. 1213–1231. DOI: [10.1002/asi.21323](https://doi.org/10.1002/asi.21323)
50. Scott J., Spaniel D. The Anatomy of Cyber-Jihad. Washington: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 112 p.
51. Edwards C., Gribbon L. Pathways to Violent Extremism in the Digital Era // The RUSI Journal. 2013. Vol. 158, Issue 5. P. 40–47. DOI: [10.1080/03071847.2013.847714](https://doi.org/10.1080/03071847.2013.847714)

References

1. Fedorova O. N. The role of information and psychological security of citizens in Russia. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 2, pp. 342–355 (in Russian).
2. Awan I. Cyber threats and cyber terrorism: The internet as a tool for extremism. In: Blakemore B. *Policing cyber hate, cyber threats and cyber terrorism*. Farnham, Ashgate Publishing Ltd, 2012, pp. 21–38.
3. Greenberg K. J. Counter-radicalization via the Internet. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2016, V. 668, no. 1, pp. 165–179. DOI: [10.1177/0002716216672635](https://doi.org/10.1177/0002716216672635)
4. Southers E., Heinz J. *Foreign fighters: Terrorist recruitment and countering violent extremism (CVE) programs in Minneapolis-St. Paul*. Los Angeles, Create Center, University of Southern California, 2015. 46 p.
5. Vidino L., Hughes S. *ISIS in America: From Retweets to Raqqa*. George Washington University Program on Extremism. Washington, DC, George Washington University, 2015. 35 p.
6. Chernykh A. *Mir sovremennykh media* [The world of modern media]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2007. 312 p.
7. Chistyakov A. V. *Sotsializatsiya lichnosti v virtual'nom prostranstve* [Socialization of personality in the virtual space]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 2006. 182 p.
8. Barber T. Participation, citizenship, and well-being: Engaging with young people, making a difference. *Young*, 2009, V. 17, Issue 1, pp. 25–40. DOI: [10.1177/110330880801700103](https://doi.org/10.1177/110330880801700103)

9. Ødegård G. Political socialization and influence at the mercy of politicians: A study of a local participation project amongst young people in Norway. *Young*, 2007, V. 15, Issue 3, pp. 273–297. DOI: [10.1177/110330880701500304](https://doi.org/10.1177/110330880701500304)
10. Lukov V. A. *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinaryni analiz* [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]. Moscow, Kanon+, 2012. 389 p.
11. Baizerman M., Magnuson D. Do we still need youth as a social stage? *Young*, 1996, V. 4, Issue 3, pp. 48–60. DOI: [10.1177/110330889600400304](https://doi.org/10.1177/110330889600400304)
12. Morimoto S. A., Friedland L. A. The lifeworld of youth in the information society. *Youth & Society*, 2011, V. 43, Issue 2, pp. 549–567. DOI: [10.1177/0044118X10383655](https://doi.org/10.1177/0044118X10383655)
13. Conway M. From “cyberterrorism” to “online radicalism”. In: Eid M. *Exchanging terrorism oxygen for media airwaves: The age of terroredia*. Ottawa, IGI Global, 2014, pp. 198–217. DOI: [10.4018/978-1-4666-5776-2.ch014](https://doi.org/10.4018/978-1-4666-5776-2.ch014)
14. Wiener N. *Cybernetics and society*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 200 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/viner/ (Accessed 29 March 2018).
15. Toffler A. *Future shock*. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (in Russian).
16. Efimova T. V. Internet as an environment of socialization of modern personality. *V mire nauchnykh otkrytii – In the World of Scientific Discoveries*, 2011, no. 5–4 (41), pp. 195–209 (in Russian).
17. Minakov A. V. *Some psychological characteristics and features of the Internet as a new layer of reality*. Available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/minakov_some_psihological_properties/ (Accessed 29 March 2018).
18. Krylova I. V., Nepomnyashchii A. V. On the problem of socialization of personality in the information society. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii – Scientific Problems of Humanitarian Research*, 2011, no. 3, pp. 174–182 (in Russian).
19. Ugol'kov N. V. The internet influence on socialization of senior school students. *ISOM – Historical and Social-Educational Ideas*, 2012, no. 4, pp. 173–174 (in Russian).
20. Morris M., Ogan C. The Internet as mass medium. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1996, V. 1, Issue 4, pp. 39–50. DOI: [10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x](https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x)
21. Bühl A. *Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts. Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 541 p.
22. Conway M. Determining the role of the Internet in violent extremism and terrorism: Six suggestions for progressing research. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2017, V. 40, Issue 1, pp. 77–98. DOI: [10.1080/1057610X.2016.1157408](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157408)
23. Meleagrou-Hitchens A., Alexander A., Kaderbhai N. The impact of digital communications technology on radicalization and recruitment. *International Affairs*, 2017, V. 93, Issue 5, pp. 1233–1249. DOI: [10.1093/ia/iix103](https://doi.org/10.1093/ia/iix103)

24. Schils N., Verhage A. Understanding how and why young people enter radical or violent extremist groups. *International Journal of Conflict and Violence*, 2017, V. 11, pp. 1–17. DOI: [10.4119/UNIBI/ijcv.473](https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.473)
25. Ermakova E. S. Information war as an attribute of the information society: Activation of the media function of violence over consciousness. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a>. (Accessed 29 March 2018).
26. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, and discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
27. van Dijk T. A. Issues of the pragmatics of text. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike – New in Foreign Linguistics*, 1978, no. 8, pp. 259–336 (in Russian).
28. van Dijk T. A. *Language. Knowledge. Communication*. Moscow, Progress Publ. 1989. 312 p. (in Russian).
29. Losev A. F. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelej* [Introduction to the general theory of language models]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 296 p.
30. Blinova O. A. Extremism as a result of acquiring a negative personal identity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 5 (387), pp. 25–32 (in Russian).
31. Voroshilova M. B. Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalist discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 3 (49), pp. 242–245 (in Russian).
32. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 368 p.
33. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Principle of intolerance as a psychological basis of extremist discourse: Communicative tactics and techniques for discrediting the 'enemy'. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2017, no. 6 (66), pp. 235–240 (in Russian).
34. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Contextual precedent phenomena as a way of representation of nationalist ideas. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2017, no. 6 (66), pp. 58–63 (in Russian).
35. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Mind games, or the techniques of information and psychological influence in the practice of religious and political extremism. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2015, no. 1, pp. 270–272 (in Russian).
36. Markin V. V., Rogovaya A. V. Countering the spread of the ideology of extremism and terrorism among young people: Part 2. *Vlast' – Power*, 2012, no. 12, pp. 114–118 (in Russian).
37. Babikova M. R. *Natsionalisticheskii diskurs: sotsiolingvisticheskii podkhod* [Nationalist discourse: A sociolinguistic approach]. *Materialy VII Vseros-*

- siiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii "Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviya"* [Proc. the VII All-Russian Theoretical and Practical Internet Conference "Language and law: Actual problems of interaction"]. 2017, Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw7/babikova.html#more-3329> (Accessed 29 March 2018).
38. Johnson N. F., Zheng M., Vorobyeva Y., Gabriel A., Qi H., Velasquez N., Manrique P., Johnson D., Restrepo E., Song C., Wuchty S. New online ecology of adversarial aggregates: ISIS and beyond. *Science*, 2016, V. 352, Issue 6292, pp. 1459–1463. DOI: [10.1126/science.aaf0675](https://doi.org/10.1126/science.aaf0675)
  39. Babikova M. R., Tagil'tseva Yu. R. Extremist discourse: Basic criteria for the analysis of extremist materials on the Internet. *Politicheskie instituty i protsessy – Political Institutions and Processes*, 2016, no. 3, pp. 66–69 (in Russian).
  40. Babikova M. R. Slavyanskije obrazy v sovremennom natsionalisticheskom diskurse [Slavic images in the modern nationalist discourse]. *Mentalitet slavyan i integratsionnye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. the X International Theoretical Conference "Slavic mentality and integration processes: History, modernity, and prospects"]. Gomel, State Technical University of Gomel Publ., 25–26 May, 2017, pp. 297–299.
  41. Voroshilova M. B. Verbal contextual environment of Nazi symbols in modern extremist discourse. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology, and Culture*, 2016, no. 3 (53), pp. 150–157 (in Russian).
  42. Mardieva L. A. *Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsii v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya* [Socio-cultural reality and its interpretation in media texts: The experience of integrative research]. Kazan, Kazan University Publ., 2016. 358 p.
  43. Antonova Yu. A. Vesnina L. E., Zlokazov K. V., Tagil'tseva Yu. R., Karapetyan A. A. *Ekstremistskii tekst i destruktivnaya lichnost'* [Extremist text and destructive personality]. Yekaterinburg, USPU Publ., 2014. 272 p.
  44. Tagil'tseva Yu. R. Extremist discourse: Means and techniques of information and psychological impact. In: Starostin A. N. (ed.) *Islam na Urale: istoriya, sovremennost', vyzovy* [Islam in the Urals: History, the present, and challenges]. Ekaterinburg: Sverdlovskaya oblastnaya mezhnatsional'naya biblioteka Publ., 2017, pp. 31–39.
  45. Voroshilova M. B. Reconstruction of cultural meanings of visual symbols in modern nationalist discourse. In: Mardievoi L. A., Shchuklinoi T. Yu. (eds.) *Regional'naya kartina mira v yazykovoii kontseptualizatsii: dinamika kul'turnykh smyslov* [Regional picture of the world in language conceptualization: Dynamics of cultural meanings]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2016, pp. 22–25.

46. Voroshilova M. B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys for reading]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2013. 193 p.
47. Arpinar I. B., Kursuncu U., Achilov D. Social media analytics to identify and counter Islamist extremism: Systematic detection, evaluation, and challenging of extremist narratives online. *2016 International Conference on Collaboration Technologies and Systems (CTS)*. IEEE, 2016, pp. 611–612. DOI: [10.1109/CTS.2016.0113](https://doi.org/10.1109/CTS.2016.0113)
48. Walker C. The war of words with terrorism: An assessment of three approaches to pursue and prevent. *Journal of Conflict and Security Law*, 2017, V. 22, Issue 3, pp. 523–551. DOI: [10.1093/jcsl/krx009](https://doi.org/10.1093/jcsl/krx009)
49. Fu T., Abbasi A., Chen H. A focused crawler for Dark Web forums. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 2010, V. 61, Issue 6, pp. 1213–1231. DOI: [10.1002/asi.21323](https://doi.org/10.1002/asi.21323)
50. Scott J., Spaniel D. *The anatomy of cyber-jihad*. Washington, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 112 p.
51. Edwards C., Gribbon L. Pathways to violent extremism in the digital era. *The RUSI Journal*, 2013, V. 158, Issue 5, pp. 40–47. DOI: [10.1080/03071847.2013.847714](https://doi.org/10.1080/03071847.2013.847714)

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в формате редактора Word doc или docx, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и пр.) приводится в виде списка в конце статьи. В тексте ссылка на источник делается по Ванкуверскому стандарту, путем указания (в квадратных скобках) номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении библиографического списка используйте ГОСТ 7.0.5-2008.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов, 10 ключевых фраз, основные положения статьи. Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, а также на правильность оформления материала. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиями публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте «Российского психологического журнала»: <https://rpj.ru.com>

PAPER SUBMISSION GUIDELINES

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the Journal.

To be accepted for publishing in the Journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times New Roman.

If cited in article the literature is pointed out (according to the Vancouver Style) at the end of the article. Reference to sources as a number of the cited book or article (with the number of page) is denoted in brackets. When writing references use the State Standard 7.0.5-2008.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words, a list of 10 keywords, highlights. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system, and verify the formal correctness of the material. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at:

<https://rpj.ru.com>